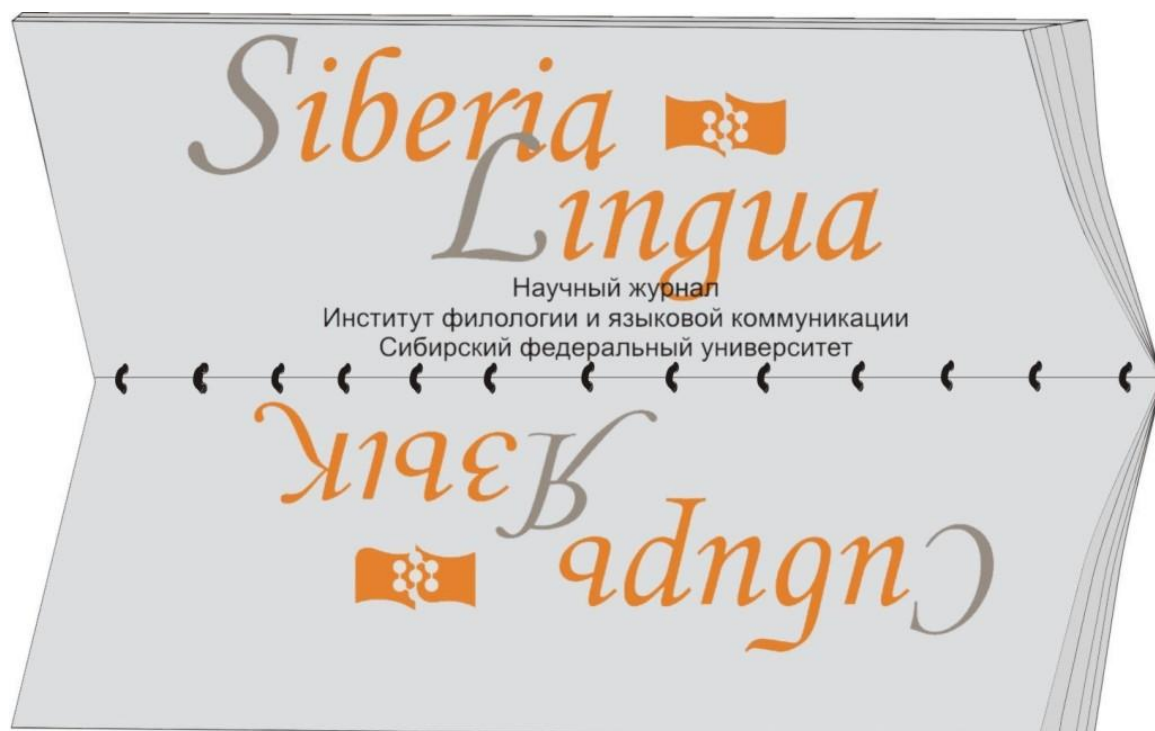

2010'2

Siberia. Lingua: Научный журнал. – Красноярск, 2010. Вып. 2. 225 с.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анисимов Кирилл Владиславович, докт. филол. наук, доц. (Сибирский федеральный университет);

Иванцова Екатерина Вадимовна, докт. филол. наук, проф. (Томский государственный университет);

Ковтун Наталья Вадимовна, докт. филол. наук, проф. (Сибирский федеральный университет);

Косяков Геннадий Викторович, докт. филол. наук, доц. (Омский государственный педагогический университет);

Куликова Людмила Викторовна, докт. филол. наук, проф. (Сибирский федеральный университет);

Магировская Оксана Валериевна, докт. филол. наук, доц. (Сибирский федеральный университет);

Панин Леонид Григорьевич, докт. филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет);

Плотникова Светлана Николаевна, докт. филол. наук, проф. (Иркутский государственный лингвистический университет);

Шарифуллин Борис Яхиевич, докт. филол. наук, проф. (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, докт. филол. наук, проф. (отв. ред.)

Киселева Лидия Александровна, канд. филол. наук, доц. (зам. отв. ред.)

Башкова Ирина Венадьевна, канд. филол. наук, доц.

Ким Игорь Ефимович, канд. филол. наук, доц.

Копнина Галина Анатольевна, канд. филол. наук, доц.

Осетрова Елена Валерьевна, канд. филол. наук, доц.

Погребняк Анастасия Константиновна (отв. секретарь)

Разувалова Анна Ивановна, канд. филол. наук, доц.

Сперанская Алевтина Николаевна, канд. филол. наук, доц.

Электронный адрес редакции: sibir_ifijak10@list.ru

Адрес редакции: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, Институт филологии и языковой коммуникации; ауд. 2-42 (кафедра русского языка).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	6
I. РУСИСТИКА.....	8
<i>Березовский К.С.</i> Концепты «свой» – «чужой» в жаргоне футбольных фанатов	8
<i>Богучарская Е.В.</i> Место концепта «язык / речь» в русскоязычной картине мира	12
<i>Васильева Е.В.</i> Лень в паремийной картине мира	19
<i>Вересова С.Н.</i> Речевой жанр просьбы (на материале разговорной речи в студенческом обществе).....	22
<i>Дрозд Я.А.</i> Выражение сопричастности в русских повестях XVI – XVII веков.....	26
<i>Ерофеева А.А.</i> Любительский киноотзыв как речевой жанр	32
<i>Ершова Е.О.</i> Русский язык в лингвистическом наследии Й.С. Фатера	36
<i>Загидулина Т.А.</i> Семантика цвета, света и тьмы в раннем творчестве М.А. Булгакова на примере произведения «Морфий»	42
<i>Казанцева Я.Н.</i> Особенности языковой ситуации в местах компактного проживания татар приенисейской сибирю	45
<i>Кеосиди Г.К.</i> Цветобозначение кошек в русском языковом сознании.....	50
<i>Колегова А.Е.</i> Рекламный текст печатных изданий и его особенности (на материале рекламы часов)	56
<i>Коркина Т. Д.</i> Польский след в истории русского языка	59
<i>Лисичкина Ю.В.</i> Тема чаепития в рекламном тексте	62
<i>Мамаева Т.В.</i> Наименования промысловых пушных животных в лингвокультурологическом аспекте	68
<i>Радышевская А.Н.</i> Лексика микротемы «знакомство» в жанре семейной беседы.....	71

<i>Сапожникова Н.С., Баглай А.С.</i>	
Устойчивые формулы в русской деловой письменности первой половины XVIII века	76
<i>Степанова В.А.</i>	
Пересечение лексико-семантических групп семантического поля «тревожность» в поэме А.А. Ахматовой «Реквием».....	82
<i>Степанова Е.С.</i>	
Место концепта «язык / речь» в языковом сознании англоязычных американцев	85
<i>Тонкая В.И.</i>	
Пограничные локусы и их преодоление в русских народных волшебных сказках	92
II. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.	
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА	98
<i>Белецкий С.Б.</i>	
Макродискурсивные практики коммуникативного патернализма	98
<i>Беляева Е.В., Ян Ли</i>	
Обращение в китайском языке: национально-культурные особенности...	103
<i>Вершняк С.С.</i>	
Стилистические функции заимствований в текстах Э. Хемингуэя	106
<i>Грекова А.И.</i>	
Роман И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» в переводящих культурах	111
<i>Ивлева Е.А.</i>	
Центры номинативной аттракции со значением «fool / глупый человек» в английском и русском языках (сопоставительный аспект)	116
<i>Колтунова Н.М.</i>	
Улыбка как феномен языковой картины русских	123
<i>Кудрявец А.В.</i>	
Философская и религиозная лексика современного китайского языка	128
<i>Николаева А.С.</i>	
Профессиограмма синхронного переводчика	134
<i>Павлюченко М.В.</i>	
Интерпретация мира в рамках коммуникативных категорий	137
<i>Сосна А.С.</i>	
Иосиф Бродский и поэтический перевод	141
<i>Трутнева Е.А.</i>	
Концепт «семья» в английской, китайской и русской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц).....	146

<i>Фадеева Н.Ю.</i>	
Особенности подготовки переводчиков в России (начальный этап)	150
<i>Цзан Годун</i>	
Традиции китайской сатирической литературы: историография и переводы	156
<i>Чистова Е.В.</i>	
Создание электронного учебника по переводу в сфере профессиональной коммуникации	161
<i>Чэнь Лун</i>	
Перевод технического текста в компьютерной системе linggesì: тестирование и результаты (опыт анализа)	167
<i>Шарифуллин С.Б.</i>	
Музыкальный видеоклип как вербально-иконический текст: проблемы описания	170
<i>Ян Минбо, Дон Дань</i>	
О приемах перевода реалий русской литературы на китайский язык	176
III. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.	
ЖИВАЯ РЕЧЬ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	184
<i>Фельде О.В.</i>	
«Была ужасная пора, об ней свежо воспоминанье...»	184
Устные рассказы жительницы села Степной Баджей Манского района Красноярского края Семенковой Галины Васильевны	186
IV. АСПИРАНТУ НА ЗАМЕТКУ	220
Электронные лингвистические журналы	220
V. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	223
V. ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТУ РУКОПИСЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ	225

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Второй выпуск нашего журнала практически полностью посвящен проблематике, которая находилась в «светлой точке лингвистического сознания» (Л.В. Щерба) на Всероссийской конференции молодых ученых «Диалог культур в пространстве языка и текста». Эта конференция стала одним из ключевых мероприятий Дней русской словесности в Красноярске (апрель 2010). Организаторами форума были Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) и Институт филологии и языковой коммуникации СФУ, что предопределило пристальный интерес участников к особенностям русского коммуникативного пространства и языковой картине мира, к контактам языков и культур.

На страницах этого номера вы встретитесь с именами молодых ученых, работы которых были рекомендованы в печать на секциях и на заседаниях круглых столов конференции. Большинство статей, включенных во второй выпуск журнала «Siberia. Lingua» – это работы победителей конкурса научных докладов, призеров конференции, что уже само по себе свидетельствует об актуальности и достоверности публикуемых материалов.

Во второй выпуск журнала включена новая рубрика «Лингвистическое регионоведение. Живая разговорная речь Приенисейской Сибири», в которой мы планируем размещать записи разговорной речи сибиряков, представляющие интерес для сибирской диалектологии, лингвистического градоведения, лингвистической культурологии и этнолингвистики, а также лингвистические исследования, выполненные на материале устной спонтанной речи.

На последних страницах журнала вы найдете полезную информацию о ближайших лингвистических конференциях и электронных научных журналах по филологии, в которых можно оперативно разместить новые научные статьи.

Мне бы хотелось напомнить нашим читателям, что целевая аудитория нашего журнала – многолюдное и пестрое (преимущественно молодое) лингвистическое сообщество, в зоне внимания которого языки, речевая деятельность и культура разных народов. Задумывая этот журнал, мы хотели помочь молодым филологам, в том числе студентам, гармонично вписаться в научное сообщество, заявив о себе, о своих научных наблюдениях и открытиях широкому кругу сопроблемников и всех тех, кого интересуют фундамен-

тальные и прикладные проблемы лингвистики и литературоведения. Журнал издается в электронном виде и не имеет бумажной версии, но его материалы переписываются на CD-ROM, а также сохраняются в архиве официального сайта Института филологии и языковой коммуникации СФУ. Все публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Доступ к ним бесплатен для пользователей. Редакция журнала уделяет большое внимание качеству публикаций, поэтому все поступающие рукописи проходят тщательное рецензирование компетентными специалистами. Обязательной является также и рекомендация научного руководителя.

Будем благодарны нашим читателям за конструктивную критику и предложения, которые помогут нам превратить журнал в периодическое издание, в котором, выражаясь словами В.Г. Бархударова, «всегда есть что почитать культурному человеку».

Проф. О.В. Фельде, отв. ред. эл. журнала «Siberia. Lingua»,
заместитель директора ИФиЯК СФУ по научной работе

І. РУСИСТИКА

К.С. Березовский¹

КОНЦЕПТЫ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ЖАРГОНЕ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

В статье представлен фреймовый анализ концептов «свой» – «чужой» в жаргоне футбольных фанатов.

This article contains verbalizing means of the concepts «native» – «strange» in the jargon of football fans. Frame analysis has also been done.

Антиномия «свой – чужой» является одной из ключевых семантических оппозиций в культуре любого народа. Это противопоставление стало культурной константой и вполне соотносится с такими признаками, как «хороший – плохой», «добрый – злой», «друг – враг», «внутренний – внешний», «близкий – далекий».

Оппозиция «свой – чужой» в отношении социума осмысливается через многоуровневые связи человека: семейные (свой – чужой род, семья), этнические (свой-чужой народ, нация), конфессиональные (своя – чужая вера), социальные (свое – чужое сообщество, сословие).

Чужой воспринимается как некоторое инородное тело, в структуре своих, если он все же туда проникает. ««Чужой» – это маркированный элемент, значимый в рамках системы ценностей, которую носитель каждой конкретной локальной традиции воспринимает как «свою»» [Белова, 2006. С. 31]. Через процесс дистанцирования себя от «чужих» каждая группа пытается осмыслить свою непохожесть и свое отличие от других групп, утверждая при этом свою идентичность. Особенно когда мы касаемся такого закрытого субкультурного образования, как «футбольные фанаты», в контексте мировосприятия которых концепты «свой» и «чужой» являются основными.

Объектом настоящего исследования является фрагмент языковой картины мира футбольных фанатов, включающий знания и представления о «своих» и «чужих». Эти концепты образуют в сознании систему фреймов и отражают важнейшие ценностные ориентации как социальной группы, так и этноса в целом.

¹ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О.В. Фельде.

Остановимся на ключевых понятиях исследования. Вслед за Ю.С. Степановым под концептом понимается то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, посредством чего рядовой, обычный человек (не «творец культурных ценностей») сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов, 1997. С. 40]. Другими словами, концепт можно определить как одну из ключевых единиц ментального уровня личности. Одним из эффективных методов исследования концептов является фреймовый анализ. Общеизвестно, что *фрейм* (англ. *frame* – «рамка, каркас») – структура данных для представления некоторого концептуального объекта. Информация, относящаяся к фрейму, содержится в составляющих его слотах. *Слот* (англ. *slot* – «щель, прорезь») может быть терминальным (листом иерархии) или представлять собой фрейм нижнего уровня. Слот – это микрофрейм, своего рода фрейм во фрейме [Маслова, 2004. С. 59–60] .

Понятие «человек» в жаргоне футбольных фанатов передается заимствованным из молодежного сленга словом *чел* – «человек». К родовым обозначениям человека, относящегося к футбольным фанатам, относятся лексемы *фан*, *хулз*, *хулс* (англ. *hools* – «футбольный хулиган»). Используются также наименования, образованные семантическим способом: *рыло*, *щи* – «один фанат» (ср. жарг. *щи* – «лицо»).

Фрейм «свои» включает 8 слотов, в которые включаются различные наименования фанатов. Важнейшим из них является слот, объединяющий многочисленные названия фанатов по принадлежности к различным (не своим) клубам. Отметим, что среди них преобладают номинации с коннотацией насмешки. Преимущественно это слова мотивированные, обладающие яркой внутренней формой. В основе появления большинства из них лежит ассоциативная метафора. Нередко эти наименования переносятся и на футболистов того клуба, за который болеет конкретная группировка футбольных фанатов.

1. Наименования футбольных фанатов по принадлежности к определенному клубу:

мясо (синоним: *свиньи*) – фанаты и футболисты московского «Спартака». Наименование *мясо* ассоциативно связано с названием «Пищевики», которое было у команды в 20-е годы XX века;

вагоны (синонимы: *гудки*, *локошники*, *лохомоты*, *паровозы*) – фанаты ФК «Локомотив» (Москва);

кони, *лошади* (синонимы: *гренадеры*, *гусары*,) – фанаты СК «ЦСКА». Появление подобных наименований обусловлено тем, что стадион «ЦСКА» находится на месте бывшего ипподрома. В профессиональном жаргоне футбольных фанатов сохраняется память об этом;

пони – фанаты СКА «Ростов»;

динамиты (вариант: *динамики*) – фанаты ФК «Динамо» (Москва);

моряки – футболисты или болельщики ФК «Черноморец» (Одесса);

мешки (синоним: *бомжи*) – фанаты СК «Зенит». Происхождение этих наименований связывают с тем, что после победы в чемпионате 1984 г. были выпущены пакеты с символикой этой команды, которые впоследствии вы-

брасывались на помойку, а затем использовались людьми без определенного места жительства, так называемыми «бомжами»;

горожане (синоним: *кепки*) – фанаты ФК «Москва» (в данном случае перед нами яркий пример наименования, в котором содержится намек на любимый головной убор бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова);

инопланетяне (синоним: *йогурты*) – фанаты ФК «Сатурн». Йогуртами их называют вследствие того, что спонсорами футболистов «Сатурна» был известный производитель йогуртов – фирма «Эрман»;

кастриули (синонимы: *ржавые*, *торпедоны*) – фанаты «Торпедо»;

хичкоки – фанаты ФК «Химки»;

резиновые (синоним: *шинари*) – фанаты ярославского «Шинника»;

крысы – фанаты «Крыльев Советов»;

татары – фанаты ФК «Рубин» (Казань) и ФК «Таврия» (Симферополь);

кроты (синоним: *шахта*) – болельщики ФК «Шахтер» (Донецк);

сало (синонимы: *саледы*, *хохлы*) – футболисты или фанаты ФК «Динамо» (Киев);

факи (синоним: *харьки*) – фанаты ФК «Металлист» (Харьков);

пердяне – фанаты ФК «Днепр» (Днепропетровск).

2. Наименования футбольных фанатов по стажу в сообществе футбольных фанатов. Здесь можно выявить микрослоты, базирующиеся на явлении антонимии:

карлик (синонимы: *пионер*, *фантик*, *фантомас*) – молодой, неопытный болельщик;

олдовый фанат (ср.: англ. *old* – «старый, пожилой»), синоним: *старик* – фанат с большим стажем.

3. Наименования футбольных фанатов по их специализации в социальной группе:

скаут – фанат, пытающийся незаметно узнать состояние дел во вражеской группировке;

суппортер (англ. *support* – «поддерживаю») – фанат, поддерживающий свою команду перфомансом;

траблмэйкер (англ. *trouble maker* – «создатель проблем») – фанат, которые непосредственно участвуют в хулиганских акциях;

хардкор (англ. *hardcore*) – фанат, располагающийся в массовых драках в первых рядах.

4. Наименования футбольных фанатов по политическим взглядам:

анти-фа – футбольный фанат, являющийся противником ультраправых фашистских взглядов;

правый фанат (вариант: *правый*) – футбольный фанат, придерживающийся националистических взглядов.

Анти-фа и *правые* фанаты находятся в конфронтации друг с другом, отстаивая свою точку зрения и идеологические принципы. Стоит отметить, что *анти-фа* уже можно выделить в отдельную субкультуру, имеющую яркие отличительные признаки.

5. Наименования футбольных фанатов по способу и частоте выездов в другие города. Фанат, который хочет завоевать уважение в сообществе, обязательно должен следовать за своей командой в другие города, поддерживая ее. Некоторые делают это часто, некоторые реже:

выездюк – фанат, часто выезжающий в другой город (или страну) на матч своей команды;

ермак – фанат, следовавший за командой с целью поддержки на протяженное расстояние;

кинолог – фанат, едущий на матч на электричках.

6. Наименования футбольных фанатов по стилю и типу одежды:

кэшилс, *кэжлс* (англ. *casuals* – «обычный, повседневный») – футбольный фанат, предпочитающий не выделяющийся из толпы стиль одежды;

скарфер (англ. *scarf* – «шарф») – болельщик, носящий шарф с символикой команды.

7. Наименования футбольных фанатов в состоянии алкогольного опьянения: *синяк* (синоним: *хвоиц*) – фанат в состоянии сильного алкогольного опьянения.

8. Наименования футбольных фанатов, ставших чужими среди своих. Сюда относятся названия фанатов, изменивших своему клубу. Формально они относятся к своим, так как главным критерием в данном случае является их принадлежность к субкультуре:

жаба (презрит.) (синоним: *проститутка* (оскорб.) – фанат, который начал поддерживать другую команду.

Фрейм «чужие», т. е. не относящиеся к субкультуре футбольных фанатов, представлен слотами, в которые входят наименования людей по профессии, с кем приходится контактировать представителям группировки, а также наименованиями простых болельщиков. Среди них преобладают слова с отрицательной коннотацией, характеризующие ценностные представления футбольных фанатов.

9. Наименования людей по профессии:

балабол – спортивный телекомментатор;

волки (синоним: *контра*) – контролеры на железнодорожном транспорте;

провод – проводник на железнодорожном транспорте;

барыга (синоним: *скальпель*) – человек, перепродающий билеты.

В рамках этого слота можно выделить микрослот «сотрудники правоохранительных органов»:

акаб (англ. *A. C. A. B. – all cops are bastards*) – сотрудник милиции; *космонавт* – ОМОНовец в полной боевой экипировке;

мент (синонимы: *мусор*, *полис*, *серый*, *цербер*) – сотрудник правоохранительных органов.

10. Наименования футбольных болельщиков, не принадлежащих к движению фанатов:

кузьмич – обыватель, обычно приходящий на матч с семечками и пивом; *дударас* – обыватель приходящий на футбольный матч с дудкой;

живот – толстый обыватель, пришедший на футбольный матч;
бычье (синонимы: *быдлойд, гоп, гопник, урел*) – агрессивный и малообразованный человек, выдающий себя за фаната;

левые – болельщики, не имеющие отношения к объединениям фанатов.

Итак, дихотомия «свой» – «чужой» является важнейшей в языковой картине мира футбольных фанатов. Наличие большого числа номинаций «своих» свидетельствует о неоднородности и закрытости субкультуры, которая дистанцирует себя от остального социума. В дальнейшем представляется важным изучение других фрагментов языкового сознания футбольных фанатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование) / О.В. Белова. М., 2006.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. М., 2004.
3. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. М., 2008.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М., 1997.

Е.В. Богучарская²

МЕСТО КОНЦЕПТА «ЯЗЫК / РЕЧЬ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье на основе анализа частотности употребления, понятийных областей, переносных значений, устойчивых выражений, моделей речевого поведения, а также пословиц, народных примет, загадок, толкований снов и др. доказывается, что концепт «язык / речь» имеет большое значение в языковой картине мира. Приведены результаты ассоциативного эксперимента.

In the article on the basis of the analysis of rate of the use, conceptual areas, the figurative senses, steady expressions, models of speech behaviour, and also proverbs, national signs, riddles, interpretation of dreams, etc. it is proved, that concept LANGUAGE/SPEECH has great value in language worldview. There are results of own associative experiment.

Концепт «язык / речь» – основной в науке о языке и «народном языкознании» [Арутюнова, 2000. С. 7]. Несмотря на это, по данным «Летописи авторефератов и диссертаций» за 2000 – 2009 гг. и «Библиографического указателя ИНИОН РАН», за последние 10 лет не было ни одной работы по заяв-

² Научный руководитель – к. филол. н., доц. А.А. Бернацкая.

ленной теме. Похожие задачи ставил перед собой Ю.А. Левицкий [Левицкий, 2006. С. 48–55], но он обобщил перевод данных концептов с французского на основе только труда Ф. де Соссюра. Есть работы по анализу речевых характеристик носителя русского языка [Бабаева, 2006; Словарь..., 2008].

В основе данного исследования лежит гипотеза, согласно которой наиболее достоверный результат при определении места того или иного концепта в языковой картине мира можно получить, лишь сопоставив разные концепты в одном языке или, еще надежнее, те же концепты – в разных языках. Поэтому конечная (дальняя) цель данного исследования – сопоставительный анализ концептов в языках близкородственных, неродственных и в языках представителей разных семей. А цель данного этапа ограничивается русско-язычным материалом. Вторая гипотеза, положенная в основу работы: значимость любого концепта определяется не только частотностью употребления и словообразовательной продуктивностью соответствующих лексем, но и наличием и характером устойчивых выражений на их основе, количеством и характером понятийных областей и переносных значений этих лексем в лексиконе данного языка.

Материалом для исследования послужили: а) 62 словаря 13 разных типов³ (в том числе толковые, фразеологические, идеографические, синонимов, пословиц и поговорок), б) ассоциативный словарь Ю.Н. Караулова, в) данные ассоциативного эксперимента. Использованы методы: описательно-аналитический и семантических толкований, а также ассоциативная методика. Объект исследования – лексемы «язык» и «речь», давшие имя исследуемому концепту.

Этимология слов «язык» и «речь» остается «темной». Полагают, что праславянское *językъ* восходит к индоевропейской основе и родственно лат. *lingua* и англ. *tongue*, с которых, возможно, была калька старославянского значения *народ*. Есть мнение, что старшими значениями слова «язык» были – *речь* как то, что связывает людей в народ, в племя – и просто *народ, племя*. Они появились в начале IX века, и только в XI веке возникли значения «орган вкуса и речи, переводчик, лазутчик» [Черных, 1993. С. 114–115, 467–468]. Получается, что единственное конкретное значение (орган) – переносное. Возможно, *речь* – это производное от древнерусского «рекоу» (говорю), образовавшееся в результате ассимиляции из латинского *gasso* (кричать как тигр), которое возникло как звукоподражание.

Ключевые понятия, обозначенные в названии темы, – язык и мышление, язык и культура, концепт и концептосфера, языковое сознание, языковой менталитет, языковая картина мира. Это базовые понятия когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии. Слова «язык» и «речь» многозначны. Термин «язык» означает и языковую способность («способность вызывать в сознании знаки упорядоченной речевой дея-

³ Ввиду ограниченного объема публикации в библиографию включены лишь по 1-2 представителя от каждого типа.

тельности» [Соссюр, 1999. С. 19]), и общечеловеческий, и этнический язык, и язык индивида, и речевую (языковую) деятельность. Ф. де Соссюр включал язык и речь в речевую деятельность. Концепт – это «главная единица хранения значимой информации о мире в языковой картине этноса, ключевой смысл, актуализованный не одним знаком, а целым их набором, сгусток смыслов и ассоциаций» [Радбиль, 2010. С. 206]. Он является единицей ментальности [Маслова, 2001. С. 49]. Концептосфера – «ментальный уровень, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Радбиль, 2010. С. 172]. Языковой менталитет – национально-специфичный способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенный в семантической системе национального языка, «наш способ жить, думать и разговаривать» [Там же. С. 66]. Перед каждым человеком окружающая действительность предстает сквозь призму культуры и языка народа, который живет в ней [Маслова, 2001. С. 26]. Значения слов – народное, стихийное познание мира, которое в той или иной форме детерминируется им, в целом это степень использования предметов в жизни общества, их роль в нем [Солнцев, 1977. С. 127]. Языковая картина мира – «специфическая языковая окраска этого мира, обусловленная национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательных отношений к ним, которые порождаются спецификой деятельности, образа жизни и культуры данного народа» [Маслова, 2001. С. 66]. Этот содержательный компонент национальной концептуальной системы формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей [Радбиль, 2010. С. 174].

Н.Д. Арутюнова указывает, что в частотном словаре 1977 г. «язык» и «речь» имели наименьшее число употреблений среди металингвистических терминов (204 / 279 словоупотреблений на миллион) [Арутюнова, 2000. С. 15]. По новым данным «язык» имеет частотность 275 (у предлога «в» – 26 670, у существительного «год» – 2718) и занимает 284-ю позицию из 19 999 слов [Ляшевская, 2009].

На основе 10 толковых словарей с учетом 16 фразеологических была произведена классификация значений слова «язык». Выявлены 36 значений (11 основных и 25 переносных). Они объединены в 4 класса и 14 подклассов. Эти впечатляющие показатели обусловлены не в последнюю очередь тем, что в русском языке нет специальных обозначений по типу французских *language*, *langue*, английских *language* и *tongue*, следовательно, имеет место омоимия.

1-й класс: язык как человеческий орган; 3 основных значения (орган пережевывания, вкуса и речи) и 19 переносных, относящихся к следующим понятийным областям: кулинария (язык как кушанье), питание (*пробовать на язык, язык проглотить*); техника: деталь какого-либо инструмента, предмета (металлический стержень в колоколе, язык органа, замка); рыболовство (нутряная воронка мережи); география (подводная ледяная коса); животный мир (рыба «язычок»); растительный мир (воловий язык – живокость, олений язык); метафорический перенос в самые разные понятийные области по

сходству формы (все, что удлиненное, вытянутое – *язык пламени* или предмет одежды – *шапка с голубым языком*).

2-й класс полностью состоит из основных значений «язык как средство коммуникации». Это и исторически сложившаяся система, и средства выражения, и способность говорить, и т. д.

3-й класс объединяет метонимические обозначения тех, кто говорит: язык как военный, взятый в плен, с целью получения необходимых сведений (*добывать языка*), уст. проводник, обвинитель [Даль, 2004. С. 403].

4-й класс полностью состоит из устаревших значений, представляющих язык как нацию (*рцыте во языцех*; «*всяк сущий в ней язык*» – А.С. Пушкин), иноземцев, идолопоклонников (*Убо и языкам Бог покаяние даде в живот*).

У слова «речь» было установлено 13 значений, но все они относятся к ее основной функции – коммуникации, за исключением 2 устаревших, – «вещь» и «дело». При чем при сравнении словарных статей выходит, что язык – разновидность речи, а речь – разновидность языка. Или язык = речь = манера произношения = способность говорить. Это позволяет говорить о едином концепте «язык / речь».

На материале 16 фразеологических словарей выявлено 164 устойчивых выражения с лексемой язык, среди них 152 в сфере коммуникации. Лексема «язык» в значениях первого класса как компонент фразеологизмов участвует в реализации переносных значений, характеризуя модели речевого поведения под воздействием нестандартного окружения: угроза (*я тебе язык ниже пятачок пришью*), неуважение к адресату (*показывать язык*), находчивость в разговоре (*боек на язык*), трудное произношение (*язык ломаешь*), грубость (*суконный язык*), взаимопонимание (*общий язык*). В общей сложности 15 моделей, причем самая популярная связана с болтливостью (55 примеров из 164). Вне сферы коммуникации реализуются значения, относящиеся к другим понятийным сферам: темп, скорость (*высунув язык, как корова языком слизнула*), болезнь (*заронить язык*).

Что касается лексемы «речь», то идиоматических словосочетаний не отмечено, но есть 14 устойчивых словосочетаний. Все они соотносятся со сферой коммуникации: *родная речь* как синоним выражения речи на родном языке; *держатъ речь* – (высок.) синоним глагола говорить, *завести речь* – начать говорить, *обретать дар речи* – обретение способности говорить, *речь льется, речь течет* – характеристика успешного процесса говорения, *дар речи* – способность говорить легко и красиво, *речь идет о* – общепринятое в устной и письменной речи клише в ситуациях тематизации, *не может быть и речи* – не стоит говорить о чем-то.

Словари других типов (эпитетов, сочетаний, идеографический словарь О.С. Баранова, «Словарь характерных черт») относят лексемы «язык» и «речь» к области коммуникации, некоторые (10 словарей синонимов, семантический словарь Н.Ю. Шведовой) приводят переносные значения *народ* и *пленный*. А.С. Пушкин 324 раза употребляет в своих сочинениях слово «язык» (среди них лишь 9 в переносных значениях, например, «*Бошняк от-*

рядил конный отряд для поимки языка», «все языки, готовые продать»); 178 раз – речь (все в основных значениях) [Словарь языка Пушкина, 2000.].

Проанализировано 170 пословиц по 13 источникам и выявлены еще 4 понятийные области: язык и женщина (*у бабы волос длинный, а язык еще длинней*), язык и религия (*всяк язык Бога хвалит, твои бы речи да Богу в уши,*), язык и жизненный успех (*язык до Киева доведет, иных язык способней рук кормит*), особенно актуальна сфера язык и алкоголь (*что у трезвого на уме, то у пьяного на языке; язык до кабака доведет, веший путь не дорога, пьяного речь не беседа*). Остальные 150 характеризуют речевое поведение (*с коротким языком жизнь длиннее; хорошая речь слаще меда*) или говорящего (*что на сердце, то и на языке*). Показательны контрасты: значимость языка (*мал язык, да всем телом владеет; язык телу якорь*) и бесполезность (*языком и лаптя не сплетишь, кто языком штурмует, немного навоюет*), опасность (*не ножа бойся, а языка, язык голубит и губит, язык поит и кормит, и спину порет*). Самая большая группа связана с характеристикой говорящего, в основном это болтливость (*с его языком только на почте работать – конверты клеить, на язык пошлыны нет*). Интересен процесс описания человека в народных приметах через физические признаки языка: *длинный и узкий язык* – безвредный сплетник, *толстый и короткий* – добрый и молчаливый, но настырный. Язык-орган включен в магические ситуации, так, в одном *приво- роте на любовь* девушка говорит, прикусив язык: «Сама себя кусаю, раба к себе приделываю».

В толкованиях снов, связанных с языком и речью (*видеть свой распух- ший язык* – страсть к болтовне, *язык в ранах* – болезнь жены или близкой родственницы), появляются новые понятийные сферы: бизнес (*короткий язык* – к прибыли), судьба (*отнялся язык* – полоса неудач, *горький вкус на языке* – к разочарованию, *повторение чужой речи* – серьезные препятствия). В 13 загадках имеется в виду язык как орган человека (*всегда во рту, а не промокает, за белыми березами тарара живет*). В 52 наиболее известных афоризмах 50 связаны с основными значениями. Причем в 7 из них основное значение – «язык как культурный код нации» (сравнения с зеркалом, состоя- нием души, инструментом, способом народного просвещения).

Ассоциативный тезаурус под ред. Ю.Н. Караулова в 6 книгах показы- вает, как реально говорят носители языка, и позволяет судить о менталитете нации. Его цель – составление ассоциативно-вербальной сети в виде полей, которые являются не только фрагментом опыта человечества (знаний), се- мантических и грамматических отношений, но и фрагментом образов созна- ния, мотивов и оценок [Ассоциативный..., 1994 – 1996]. Эксперименты про- ходили в три этапа с 1988 по 1995 г. Было интересно проверить их данные на местном современном материале. Было опрошено 213 человек в возрасте от 11 до 21 года – учащиеся 5–6 и 11 классов, студенты 1–3 курсов различных факультетов (филологи, химики, экологи, физики). Предложены задания: 1) дать первую пришедшую на ум реакцию к стимулам язык / речь; 2) привести с этими словами наиболее употребительные словосочетания; 3) привести с ними пословицы / поговорки / цитаты. По результатам состав-

лены 2 словарные статьи. Получено 165 разных реакций на слово «язык» и 155 на слово «речь» (58 и 227 у Ю.Н. Караулова).

На первом месте стоят: «русский язык» – 68 % (у Караулова – это «длинный язык» – 14%, в то время как «русский язык» – всего 8 %), английский – 21% (3 %)⁴, русская речь – 17% (5 %), разговор – 14 %, родная – 4 % (6 %). Самые популярные фразеологизмы – *язык без костей, держать язык за зубами, длинный язык*; пословицы – *язык до Киева доведет, язык мой – враг мой, красную речь хорошо и слушать*. Причем встречаются выражения, не зафиксированные в словарях (*красно поле рожью, а речь – ложью, изранив речь, кошка язык съела, не суй язык куда попало*). 95 % всех ответов относятся к основным значениям языка и речи. У информантов младшего возраста ассоциации более разнообразные и интересные, чем у старшеклассников (язык – *кирпичный; желтый от Юппи; Рустам; слова, которые мы говорим, скрепленные в одно целое; часть рта; Ирина Васильевна; золото; речь – безупречная; избирателя; Грибоедов*). Филологи дают много профессиональных сочетаний (*языковая норма, означающее и означаемое, речевой акт, звуковая оболочка*). По малому числу отказов (17 на 426) можно сделать вывод, что данные лексемы довольно популярны у носителей языка, а разнообразие ассоциаций, особенно неповторяющихся, свидетельствует о разнообразии их проявлений в нашей жизни.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

– Понятия «язык» и «речь» тесно связаны в языковом сознании представителя русскоязычного этноса, что подтверждается одинаковым толкованием данных слов, одинаковыми синонимами, близким расположением их в идеографических словарях, результатами ассоциативного эксперимента;

– Концепт «язык / речь» занимает значимое место в жизни русского человека, несмотря на низкую частотность, что доказывается:

а) словообразовательной продуктивностью (66 производных единиц);

б) употреблением лексем «язык» и «речь» не только в понятийной сфере «коммуникация», но и в других 18 понятийных областях без учета специальных языков. Причем переносные значения встречаются в особо важных для человека сферах: религия, жизненный успех, алкоголь, судьба, болезнь;

в) наличием у них 25 переносных значений (среди них самое значимое – *народ*);

г) наличием в русском лексиконе большого количества фразеологизмов (178), пословиц и поговорок (170), афоризмов (71) со словами «язык» и «речь»;

д) наличием 9 народных примет, 13 загадок, 24 толкований снов;

е) данными ассоциативного эксперимента (малое количество отказов, разнообразие реакций).

⁴ В скобках приведены данные эксперимента Ю.Н. Караулова.

В дальнейшем предполагается изучить более глубоко теоретический материал, расширить рамки ассоциативного эксперимента (возможно, с учетом социологических и психолингвистических параметров, психологического аспекта) и составить портрет русского человека на базе концепта «язык / речь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Русский ассоциативный словарь: в 4 т. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1994–1996.
2. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. М., 2000. С. 7–19.
3. Бабаева Е.Э. Разговорчивый vs. молчаливый: к характеристике речевого поведения человека / Е.Э. Бабаева // Язык и мы. Мы и язык. М., 2006. С. 69–84.
4. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка / О.С. Баранов. М., 1995.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. Т.12 / В.И. Даль. М., 2004.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. М., 2000.
7. Левицкий Ю.А. Лексикографическая загадка. Значения слов *language* и *langue* / Ю.А. Левицкий // Язык и мы. Мы и язык. М., 2006. С. 47–57.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. М., 2001.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета / Т.Б. Радбиль. М., 2010.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
11. Словарь – Тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2007.
12. Словарь характерных черт человека в русском языке / Авт.-сост. М.И. Шилова, Н.Ф. Яковлева. Красноярск, 2008.
13. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М., 2000.
14. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. М., 1977.
15. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. Екатеринбург, 1999.
16. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. Т. 2. / Под ред. А.Н. Тихонова. М., 2004.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2 / П.Я. Черных. М., 1993.
18. Ляшевская О.Н. Новый частотный словарь русской лексики / О.Н. Ляшевская // Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

ЛЕНЬ В ПАРЕМИЙНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье выявляются особенности актуализации имени концепта «лень» в языковой и фольклорной (паремиологической) картинах мира.

The article displays peculiarity of update semantic field «laziness» in language and folk pictures of the world.

Одним из главных вопросов гуманитарных наук является вопрос о связи языка и культуры народа, изучением которого занимается наука этнолингвистика. Этим проблемам посвятили свою научную деятельность такие исследователи, как С.Е. Никитина [Никитина, 2004], А.Д. Шмелев [Шмелев, 2002], А. Вежбицка [Вежбицка, 1996].

Ключевым термином этнолингвистики является термин «картина мира». Он используется во многих науках и обозначает общее для определенного коллектива людей представление о мире и его устройстве. Языковая картина мира является первичной. Она дает целостное представление о действительности [Корнилов, 2003]. На ее основе строятся фольклорная, мифологическая, религиозная. Вторичные картины мира отражают определенный фрагмент, особенный взгляд на действительность. Фольклорное пространство образует единый текст, моделирующий свою картину мира, которая складывается из народных представлений о действительности, выраженных в различных фольклорных жанрах.

В данной работе будет рассмотрено одно из ключевых слов русской картины мира – *лень*. Важно проследить, каким образом значения, отразившиеся в фольклорной картине мира, соотносятся со значениями, представленными в лексикографических источниках.

Материалом для исследования послужили паремии о труде и лени, взятые из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах» [Даль, 1984], а также словарные статьи из разных лексикографических источников (толковые словари, этимологический словарь). По паремийным текстам была составлена картотека, включающая 156 единиц. Паремии были разделены на несколько групп и подгрупп. Получилась следующая классификация:

Паремии с положительной оценкой лени (оправдание ее) и отдыха:
 «Когда все сделано, можно отдохнуть»
 «Отдых лучше работы»

⁵ Научный руководитель – к. филол. н., доц. А.Н. Сперанская.

«Выгода» от лени»
«Праздники запоминаются, а будни забываются»
«Пока все работают, ленивые отдыхают»
Паремии с нейтральной оценкой лени и отдыха
«Проблема выбора между делом и праздностью»
«Лень и сон»
«Лень и еда»
Паремии с отрицательной оценкой лени и отдыха
«Утрата, несчастье, смерть от лени»
«Лень – злая сила»
«Скука от лени»
«Будешь лениться – не будет благ»
«Сделал бы, да лень мешает»
«Шутливые физические деформации от лени».

Кроме того, в особые группы выделяются паремии, обладающие семантикой «Лень как живое существо»; «Действия, совершаемые лентяем»; «Советы» (одни из них призывают не лениться (*Пряди, девка, не ленись, по лавкам не тянись*), другие – не забывать о том, что отдых тоже необходим (*Мешай дело с бездельем, с ума не сойдешь*).

Цель исследования – описать фрагмент фольклорной картины мира, в котором реализуется семантическое поле «лень», и сопоставить языковую и фольклорную репрезентацию слова.

В «Толковом словаре современного русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой содержатся следующие значения слова *лень*: 1. «Отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью». 2. «Не хочется, не охота» (разг.) [Ожегов, Шведова, 2001. С. 323]. Можно заметить, что в данном определении никак не выражено «авторское» отношение к описываемому явлению.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» *лень* означает «неохота работать, отвращение от труда, от дела, занятий; склонность к праздности, к тунеядству». [Даль, 1935]. Важно отметить, что В.И. Даль использует экспрессивно негативно окрашенные слова «тунеядство», «отвращение», этим демонстрируя авторское отношение к данному явлению.

В «Этимологическом словаре» М. Фасмера обнаруживаются интересные параллели с другими языками. Родственные понятию *лень* слова имеют значения: «вялость, медлительность, спокойствие, кротость, мягкость, нежность» [Фасмер, 1986].

Так выглядит картина мира, представленная в словарях. Далее важно рассмотреть, как ведет себя данное ключевое слово в фольклорной картине мира, как проявляются первичные значения в паремиях и какой образ лени создается в народном представлении.

Прежде всего, обращает на себя внимание группа паремий, в которых лень олицетворяет собой живое существо, обладающее определенными свойствами. Интересны такие характеристики лени, как продолжительность ее существования и размеры. Это отражается в следующих паремиях: *Лень*

прежде нас родилась; Я еще в пеленках, а лень моя уже с теленка. Также акцентируется внимание на действиях, совершаемых ленью, в том числе выраженных с помощью негации: *Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать; Рада бы я пряла, да лень напала; Лень мужика не кормит; Лень добра не деет; Лень к добру не приставит.*

Еще в паремиях широко представлена экономность: *Лень одежду бережет; Лень без соли хлебает; Лошадка с ленцой хозяина бережет (не надорвется и не введет его в убыток.* Однако видно, что бережливость лени показана здесь с иронией. Это доказывает паремия: *Лежа цела одежда, да брюхо со свищом.*

В народных представлениях лень тесно связана со скукой: *Скучен день до вечера, коли делать нечего.* В данной паремии отражается негативное отношение к лени.

Далее интересно проанализировать, какими свойствами наряду с ленью обладает лентяй. Его действия характеризуются бесполезностью: *Сидит Елеса, ноги свеса; Бить баклуши; Сидеть, поджав руки; Мух бить; Меледу меледить; В лапоть звонить.* Значительную группу паремий составляют паремии о том, что он ест и как спит: *Хоть чего не доешь, так долежишь (о лентяе); Господи! Господи! До обеда проспали, встали да обедать стали: наелись, помолились да спать повалились* и т.п.

Наряду с отрицательными свойствами, приписываемыми лентяям, наблюдаются положительные. Как было сказано выше, лень тесно связана со сном. В некоторых паремиях утверждается такое свойство сна, как «безгрешность»: *Кто спит – не грешит; Кто долго спит, тому Бог простит.*

Не менее любопытно рассмотреть свойства, закрепляющиеся за ленивым человеком: *От лени распух; От лени мохом оброс; От лени губы блином обвисли; У лентяя руки висят отболтались.* Как видно, ленивым людям приписывались разболтанность, лентяи изображены толстыми, вызывающими неприятные ощущения и насмешки.

Любопытно отметить, что в словаре русских говоров встречаются различные наименования ленивых людей, в которых выражены их негативные свойства: *лежень, лежень, лежка, завалюга, балахлыст, крупоед, лында, шалабан, кулема.* Также встречаются названия *задорга* и *ленивка*, обозначающие лавку у русской печи.

Важно обозначить, что на данном этапе исследования обнаружены не все смыслы, выражаемые понятием *лень*, которые зафиксированы в этимологическом словаре. В паремиях отмечены вялость, медлительность, спокойствие. Но не нашли отражения кротость, мягкость, нежность. Однако в основном значения, приведенные в словарях, отражены в фольклорной картине мира.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что *лень* в фольклорной картине мира представлена гораздо дифференцированнее, подробнее, чем в лексикографии. Лень и лентяи наделяются различными свойствами, приобретающими порой причудливые формы. Кроме того, во многих паремиях явно видна ирония над ленью. Таким образом, многие из них нельзя

трактовать однозначно. Получается, что в одних ситуациях они могут употребляться как оправдания, а в других – как осуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. М., 1996.
2. Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: в 2 т. Т. 2 / В.И. Даль. М., 1984.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / В.И. Даль. М., 1935.
4. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. М., 2005.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. М., 2003.
6. Никитина С.Е. О ключевых словах в народной конфессиональной культуре / С.Е. Никитина // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2001.
8. Фасмер М. Этимологический словарь / М. Фасмер. М., 1986.
9. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. М., 2002.

С.Н. Вересова⁶

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ПРОСЬБЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ОБЩЕЖИТИИ)

Статья посвящена описанию и анализу речевой ситуации просьбы в общежитии. Автор предлагает оригинальную типологию просьб в молодежной среде, сопровождая ее наиболее показательными примерами.

An article is devoted the description and the analysis of speech situation of the request. The author proposes a classification of requests, introduces the most significant examples.

Проблеме речевых жанров в последние несколько десятилетий посвящено множество работ. Этой областью современного языкознания занимались такие известные ученые, как А.Н. Баранов, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, Т.В. Матвеева, Н.В. Орлова, В.А. Салимовский, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева.

⁶ Научный руководитель – к. филол. н., доц. И.Е. Ким.

М.М. Бахтин определил речевой жанр как «устойчивый тип высказываний» [Бахтин, 1986]. По М.М. Бахтину, речевой жанр характеризуется тем, что «тематическое содержание, стиль и композиционное построение неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» [Там же]. В настоящее время активно изучаются десятки различных речевых жанров, в том числе и жанр просьбы.

А. Вежбицка определяет просьбу с помощью такой перифразы: «хочу, чтобы ты сделал для меня нечто хорошее (X); говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал; не знаю, сделаешь ли ты это, потому что знаю, что ты не обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал» [Вежбицка, 1997. С. 99–111]. Г.М. Ярмаркина выделяет три вида просьб в зависимости от их характера (подготовленность / неподготовленность), а также указывает на риторический характер жанра [Ярмаркина, 2007].

Цель данной работы – описание и анализ речевой ситуации просьбы в общежитии.

Студенту, чтобы пройти в свою комнату, следует показывать пропуск: это обязательное условие для каждого проживающего. Но иногда по различным причинам при нем нет документа, тогда-то и возникает потребность исполнить этикетный жанр. Следует уточнить, что просьбы в общежитии в основных чертах не отличаются от описанных ранее текстов этого же жанра, однако имеют свою специфику.

Коммуникативная схема «просьбы» состоит из следующих компонентов: отправитель – текст – получатель.

Прежде всего, обратим внимание на социальные и ситуативные характеристики участников коммуникации.

Первый участник – студент, которому нужно пройти без предоставления документа. Второй участник – охранник, старший по возрасту, который обязан не пропускать нарушителей. В данной ситуации охранник не только «не обязан» делать «нечто хорошее» (по А. Вежбицкой) – ему это запрещено.

Ситуация общения полуофициальная по следующим причинам. Во-первых, участники коммуникации знакомы. Во-вторых, охранник, как правило, – носитель просторечия и незнаком с особенностями официально-делового стиля речи. В-третьих, в разговоре участвуют студенты, имеющие более низкую социальную позицию по сравнению с охранником, поэтому он ведет себя фамильярно. Эту особенность доказывает тот факт, что охранник позволяет себе шутить над нарушителем; см. примеры:

А. Ну пропуск в комнате лежит / Чесно //

Б. Ну звони пропуску / пусть выбегает //

или

А. Мы же с вами разговаривали тогда один на один //

Б. И два на два разговаривали //

А. Нет //

Б. И пять на один разговаривали //

Студенты себе такой вольности позволить не могут.

Коммуникативная цель студента – добиться разрешения войти. Как правило, охранник разрешает студенту пройти после обещания исправиться (продлить пропуск или не забывать его). Коммуникативный акт построен таким образом, что активная роль переходит от одного участника коммуникации к другому. Сначала она принадлежит охраннику, который требует показать документ. После отказа выполнить требование, активную роль начинает играть студент. Как и охранник, он не выражает свое намерение. Так как его цель стандартна и известна обоим участникам коммуникативного акта, он сразу же переходит к аргументам. Итак, особенность просьб общежития заключается в большом влиянии конситуации.

Кроме представлений о целях участников речевой ситуации просьбы, в общую апперцепционную базу обоих участников входят представления о структуре пространства общежития. Вся внутренняя площадь здания негласно поделена на участки по степени обобществления: места общего пользования (первый этаж, включающий фойе), места пользования для узкого круга лиц (крыло на одном из верхних этажей) и приватное пространство (комнаты).

Человек, войдя в общежитие, находится в небольшом пространстве между входной дверью и вахтой с турникетом, которое жители не считают частью их «дома». Здесь может находиться любой вошедший. Проживающий пересекает границу, вахту, чтобы попасть в приватное пространство. Его первичная цель – оказаться в фойе, однако все неприватные пространства человек проходит очень быстро. Такой вывод можно сделать при изучении поведения и длительности разговоров жильцов в фойе. В этом пространстве кроме просьбы используются и другие жанры, например приветствия и болтовни. Просьбы в фойе характеризуются спонтанностью и неподготовленностью.

Если у студента нет пропуска, он лишается права прохода, а охранник обязан его не пропускать во внутреннее пространство общежития. Таким образом, ситуация предопределяет готовность студента исполнить речевой жанр просьбы. Критерий подготовленности / неподготовленности Г.М. Ярмаркина считает главным при дальнейшей классификации просьб. Она выделяет риторические и нериторические просьбы. Первые она определяет следующим образом: «Здесь имеет место более осознанное и более подготовленное выражение интенции просьбы. В данном случае на первый план выступает вынужденность просьбы, вызванная ограничением в возможностях адресата» [Ярмаркина, 2007. С. 215]. Вторые «характеризуются очевидным спонтанным характером просьбы» [Там же. С. 214]. Собранный языковой материал, в том числе расшифрованные записи звучащей речи, дает нам несколько иную картину. Осознанное выражение просьбы не делает ее риторической. В просьбах не появляется прескриптивных диалогов или подготовительных реплик. Таким образом, не всегда фактор подготовленности / неподготовленности влияет на вид избранного говорящим жанра.

Из-за заданности ситуации маркер «прошу вас» практически не встречается. Говорящие сразу переходят к аргументации, здесь-то и проявляются известные отправителю риторические тактики.

В рассматриваемых типах речевых актов можно выделить четыре вида просьб: немая просьба, просьба-приветствие, собственно просьба, выраженная глаголом в повелительном наклонении, и уговоры.

Немую просьбу символизирует молчаливый взгляд, обращенный на охранника. Этот тип жанра очень распространен, так как апперцепционные базы отправителя и получателя совпадают. Если субъект восприятия игнорирует такую просьбу, то следующим пунктом будет реализовываться просьба-приветствие. В большинстве случаев она выглядит так:

– *Здравствуйте //*

– *Здравствуйте //*

В том случае, если охранник отвечает на приветственную реплику, он разрешает пройти. Этим «здравствуйте» он показывает свою сопричастность входящему. Подразумевается под этим: 'я с тобой здороваюсь, я тебя знаю, и я помню, что ты здесь живешь, проходи'.

Еще один тип данного речевого жанра – просьба, выраженная императивом. Она используется в тех случаях, когда говорящий не достигает желаемого эффекта при первых двух попытках. Способ выражения – одноактный. Эти просьбы выглядят так:

– *Нажми //* (*Нажмите*)

– *Пропусти //* (*Пропустите*)

– *Пустите.*

Просьбы, которые превращаются в уговоры, довольно редки, но составляют наиболее интересный материал для исследования. Студент знает, что его не имеют право пускать без пропуска, но он все равно пытается найти аргументы, которые охранник разбивает фразой «Ваш пропуск» или «Где пропуск?».

По классификации А.А. Ивина, «все многообразные виды аргументации можно разделить на эмпирические и теоретические» [Ивин, 1997. С. 31]. Неотъемлемым элементом эмпирической аргументации является ссылка на опыт. Теоретическая, наоборот, ссылки на опыт не использует. Студентами используются оба вида; например:

А. это не дело! Других значит по документам / а меня не можете пропустить да! / Люди просто так проходят / а вы стоите //

Нарушительница ссылается на только что воспринятый опыт: перед ней без предъявления пропуска прошел человек.

Приведем наиболее показательный пример теоретической аргументации:

А. Что мы студенты общежития, а вы не пускаете нас в общежитие?

Б. Так покажите пропуск //

А.А. Ивин пишет: «Декларации, клятвы, предостережения, решения, идеалы, нормы и иные выражения, тяготеющие к оценкам, не допускают эм-

пирического подтверждения и обосновываются иначе, чем ссылками на опыт» [Там же]. Можно сказать, это же применимо и к просьбам, в том числе и к жанру уговоров. Это хорошо видно на примере:

А. Так паспорт-то что?! Мне нужен, мне нужен пропуск //

Б: Ну я обязательно покажу / И не буду забывать большие // Обещаю-обещаю //

Самый простой и эффективный аргумент, используемый в просьбах пройти, –обещание не забывать пропуск.

Таким образом, жанр просьбы в общежитии имеет свои особенности. Во-первых, в ее реализации ощущается неразрывная и основополагающая связь высказывания с конситуацией: общая апперцепционная база автора и адресата сворачивает его до минимальных размеров. Во-вторых, важную роль играет представление об общей структуре пространства общежития. В-третьих, просьба пройти (в общежитии) имеет свою типологию: немая просьба, просьба-приветствие, собственно просьба и уговоры. Используя последнюю разновидность жанра, студенты демонстрируют все доступные им виды аргументации: теоретическую и эмпирическую. Отсюда следует, что арсенал средств уговоров довольно велик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М., 1986.
2. Вежбицка А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 99–111.
3. Ивин А.А. Основы теории аргументации / А.А. Ивин. М., 1997.
4. Ярмаркина Г.М. Просьба / Г.М. Ярмаркина // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 214–219.

Я.А. Дрозд⁷

ВЫРАЖЕНИЕ СОПРИЧАСТНОСТИ В РУССКИХ ПОВЕСТЯХ XVI – XVII ВЕКОВ

В статье рассматривается выражение сопричастности в языке древнерусских повестей XVI – XVII веков. Употребление основных средств выражения сопричастности различается в зависимости от темы повести.

This article discusses the expression of participation in the language of Russian novels of the XVI – XVII centuries. Use of the basic means of expression of participation depends on the theme of the novel.

⁷ Научный руководитель – к. филол. н., доц. И.Е. Ким.

Одним из феноменов русской языковой картины мира является сопричастность – ощущение внутренней (психической, ментальной, духовной) близости, которое испытывает человек к другим людям, животным, реалиям, событиям и идеям [Ким, 2007б]. Понятие сопричастности (партиципации) было введено в культурную антропологию Л. Леви-Брюлем [Леви-Брюль, 1994] в первой трети XX века. Много позже, в последней четверти XX века, исследования российских лингвистов показали, что обыденный пласт русского общественного сознания также включает в себя разные аспекты сопричастности, имеющие языковое выражение [Апресян, 1986; Храковский, Володин, 1986]. При этом можно говорить о том, что отношение сопричастности становится и смысловым компонентом языковых единиц, и элементом прагматической ситуации: оно может накладываться на отношения участников прагматической ситуации, тем самым модифицируя семантику дейктических показателей (местоимений и личных форм глаголов) [Ким, 2007а].

Основная проблема описания выражения сопричастности заключается в том, что сопричастность, будучи в основном «скрытой» и периферийной категорией, использует средства других языковых категорий. Сопричастность невидима и неосязаема, она находится только в сознании индивида и зачастую ее актуализация происходит совершенно неосознанно [Ким, 2009. С. 52].

Наши исследования показывают, что выражение сопричастности характерно не только для современного русского языка. В проанализированных нами повестях XVI – XVII веков (Повесть о Новгородском белом клобуке; Повесть о приходе Стефана Батория на г. Псков; Новая повесть о преславном Российском царстве; Повесть о Савве Грудцыне; Повесть о Фроле Скобееве; Повесть о Марфе и Марии; Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне и др.) было найдено около 250 случаев выражения сопричастности.

Если рассматривать эти факты в аспекте выражения сопричастности, то можно выделить три группы средств.

1. Предикаты, актуализирующие сопричастность. В эту группу входят предикаты (и их производные), напрямую выражающие сопричастность (*любить / возлюбить / любовь*), а также предикаты (и их производные), включающие в себя семантический компонент сопричастности (*плакать / плач, слезы, дарить / дар, бить челом, кланяться, просить / просьба* и т. д.). Например: И целовавшеся оба, и разъѣхавшеся (Повесть о Тимофее Владимирском, к. XV – н. XVI в.).

Царь же и великий князь Федор Ивановичь всея Руси с великою любовью и неизреченною радостью патриарха Иеремея приемлетъ (Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича, к. XVI – н. XVII в.).

2. Номинация лиц. В эту группу входят так называемые реляционные имена, включающие в себя имена родства (*брат, сын, отец, мать, муж, вдова* и т. д.), территориальной и личной близости (*друг, сосед*), а также нарицательные имена, актуализирующие определенный социальный статус (*свер-*

стник, свидетель, ученик, слушатель, владыка и др.). Например: Мужу моему другъ есть (Повесть о Карпе Сутулове, XVII в.); Како мя не пустите, не токмо господина моего, но и государя, кормильца моего, своими очи мнѣ видѣти? (Писание о преставлении и погребении князя Скопина – Шуйского, к. XVI – н. XVII в.).

3. Притяжательные местоимения и суффиксы как показатели посессивности. Например: И даша ей вѣнецъ и перъстень царевъ (Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне, XVII в.); И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону (Повесть о Горе – Злочастии, XVII в.).

Таким образом, если рассматривать данные средства выражения сопричастности в целом, то нужно отметить, что группы 1 (предикаты) и 2 (номинация лиц) практически равнозначны по количеству представленных в них примеров, но намного превосходят группу 3 (показатели посессивности), в которую входит наименьшее число случаев сопричастности.

Однако употребление того или иного средства выражения сопричастности зависит от тематической принадлежности текста. Повести XVI – XVII вв. делятся на три тематические группы: религиозные, бытовые и военные повести. Каждому виду повести соответствует определенный набор и количественное соотношение средств выражения сопричастности.

1. Религиозные повести.

Среди предикатов (и их производных), напрямую выражающих сопричастность, выделяются такие, как любить / возлюбить / любовь, а среди предикатов (и их производных), включающих в себя семантический компонент сопричастности, наиболее частотными являются случаи употребления дарить / дар, радоваться / радость, умиляться / умиление, молить, просить / просьба, целовать / целование, скорбеть / скорбь, слезы, кланяться / поклон, (воздавать) честь, (воздавать) благодать и др. Например: Полковник же велми его возлюбил и назва его сыном своимъ, даде ему шляпу з главы своея (Повесть о Савве Грудцыне, XVII в.); И возрадовастся о предивном томъ видѣнии, и слезы от радости испутивше, богу благодать воздаяху (Повесть о Марфе и Марии. XVII в.).

При номинации лиц используются реляционные имена (друг, брат, сын, отец, мать, муж, любимый / возлюбленный и др.), употребляемые иногда в сочетании с различными эпитетами (верный, дорогой, сладкий и т. д.). Наричательные имена, актуализирующие определенный статус, в данном виде повестей отсутствуют: Сокровище живота моего, звезда златазарная... О утроба моя... О прекрасный государь мой супружнице! (Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича, к. XVI – н. XVII в.); Что ти воздамъ, любимый мой брате, и нелестный друже, и вѣрный посланниче (Повесть о Тимофее Владимирском, к. XV – I пол. XVI в.).

Среди притяжательных местоимений наиболее часто употребляются местоимения свой и мой. Суффиксы в качестве показателей посессивности в данном виде повестей не используются: Прииди паки обитать в дому моемъ (Повесть о Савве Грудцыне, XVII в.); Своима рукама поставляя

брашна свѣтѣишему папе (Повесть о Новгородском белом клобуке, сер. XVI в.).

Таким образом, можно заметить, что в данном виде повестей для выражения сопричастности используется большое количество различных предикатов. Самым распространенным из них является предикат *любить* (и его производные), что не свойственно другим видам повестей. Данная группа средств выражения сопричастности (предикаты) представлена наибольшим количеством примеров (не только по отношению к произведениям этого типа, но и по сравнению с другими видами повестей).

Важно так же отметить, что среди способов выражения сопричастности в религиозных повестях встречаются случаи физического контакта (*взять за / под руку, припасть к коленям* и т. д.), чего не наблюдается в других видах повестей.

2. Военные повести.

Среди предикатов (и их производных), напрямую выражающих сопричастность, употребляются такие, как *любить / любовь* (1 случай), а среди предикатов (и их производных), включающих в себя семантический компонент сопричастности, – *пожаловать / жалование / жалость, дарить / дар, (проливать) слезы, оборонять, защищать, беречь*. Например: *Первѣе – показа любовь ко властодержавцем своим, и милость к народомъ, и праведный суд* (Повесть о царице Динаре, к. XV – I пол. XVI в.); *Яз вас хощу пожаловати своим жалованием* (Повесть о Псковском взятии, к. XV – I пол. XVI в.).

При номинации лиц используются следующие реляционные имена: *друг* (2 случая), *брат* (3 случая). Среди нарицательных имен, актуализирующих определенный статус, выделяются (*крепко*)*стоятель, столп, спаситель, учитель*. Например: *Не выдайте по божѣ спасителей нашихъ и крѣпкостоятелей* (Новая повесть о преславном Российском царстве, к. XVI – н. XVII в.); *Нашъ крѣпкий столпъ стоять, и всѣхъ насъ крѣпить* (Новая повесть о преславном Российском царстве, к. XVI – н. XVII в.).

Среди притяжательных местоимений и суффиксов как показателей посессивности наиболее часто употребляются местоимения *мы / наши* и суффикс *-ов-* (1 случай). В эту группу входят средства личного дейксиса (инклюзивная форма глаголов – *изволим, не предадим*), а также оппозиция *там / здесь* (разделение на свое / чужое). Например: *Крѣпкий воинъ Христовъ* (Новая повесть о преславном Российском царстве, к. XVI – н. XVII в.); *Изволимъ же за святую ту христову вѣру и умрети* (Повесть о прихождении Стефана Батория на г. Псков, II пол. XVI в.).

Таким образом, можно заметить, что среди средств выражения сопричастности в военных повестях присутствуют средства личного дейксиса (инклюзивная форма глаголов), а также оппозиция *там / здесь* (разделение на свое / чужое), не используемые в других видах повестей. Данная группа средств выражения сопричастности (показатели посессивности) представлена наибольшим количеством примеров (не только по отношению к произведениям этого типа, но и по сравнению с другими видами повестей).

Важно также отметить, что в военных повестях совершенно особая номинация лиц (нарицательные имена – *(крепко)стоятель, столп*). Она отличается от номинаций в других видах повестей, представленная даже в таком небольшом количестве примеров.

3. Бытовые повести.

Среди предикатов (и их производных), напрямую выражающих сопричастность, выделяются такие, как *любить / возлюбить / любовь*, а среди предикатов (и их производных), включающих в себя семантический компонент сопричастности, наиболее частотными являются случаи употребления *кланяться, бить челом, дарить, жаловать, снабжать, плакать / плач, слезы, просить / просьба* и др. Например: *Друже мой Карпе, аз радъ снабдевати жену твою* (Повесть о Карпе Сутулове, XVII в.); *Главами своими о землю бьющися, плачущися и жалостно причитаху* (Писание о преставлении и погребении князя Скопина – Шуйского, к. XVI – н. XVII в.).

При номинации лиц используются реляционные имена (*друг, сосед, гость, (названный) брат, отец, мать, муж, любимый / возлюбленный* и др.), употребляемые иногда с уменьшительно-ласкательными аффиксами (*сестрица, матушка, батюшка, дядюшка* и т. д.). Среди нарицательных имен, актуализирующих определенный статус, выделяются *господин, холоп / раб, сожительница (-ник), защитник, кормилец, спас, забрало, доброхот*. Например: *Царя Ивана Васильевича сожительница, царица Мария Темрюговна* (Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне, XVII в.); *О всевидимая радость, о совершенная моя любви, о свете очию мою и возделесте души моя радость!* (Повесть о Карпе Сутулове, XVII в.).

Среди притяжательных местоимений и суффиксов как показателей посессивности наиболее часто употребляются местоимения *свой, мой, твой, наш* и суффиксы *-ов/-ев-* (2 случая). Например: *Онъ тебя, государь нашъ, не вѣдаешъ чѣмъ пожалуетъ* (Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне, XVII в.); *Братъ же Глѣбовъ, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, велми любляше сноху свою* (Повесть о боярыне Морозовой, XVII в.).

Таким образом, можно заметить, что в бытовых повестях самая развитая система номинаций: употребление уменьшительно-ласкательных форм, разнообразие нарицательных имен (*господин, холоп / раб, сожительница (-ник), защитник, кормилец, спас, забрало, доброхот*), чего в других видах повестей не наблюдается. Данная группа средств выражения сопричастности (номинация лиц) представлена наибольшим количеством примеров (не только по отношению к произведениям этого типа, но и по сравнению с другими видами повестей).

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что основные средства выражения сопричастности представлены во всех видах повестей, но их употребление имеет при этом количественные различия. В религиозных повестях наибольшим количеством примеров выражения сопричастности представлена группа 1 (предикаты и их производные), в военных повестях – группа 3 (показатели посессивности), к которой примыкают средства лично-

го дейксиса и оппозиция «там / здесь», а в бытовых повестях – группа 2 (номинация лиц).

Объясняются эти различия могут следующим: прямое выражение эмоций характерно для христианской житийной традиции, к которой восходят религиозные повести; военные повести имеют максимальную актуальность, и в них широко используются дейктические средства, актуализирующие сопричастность автора и адресата; а бытовая повесть характеризуется важностью многообразных лично-социальных отношений между людьми, которые выражаются с помощью реляционных и статусных имен лиц.

Таким образом, тематическая специфика повестей XVI – XVII веков отражается, кроме всего прочего, в количественном соотношении используемых в них средств выражения сопричастности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика, 1986. Вып. 28. С. 5–33.
2. Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: Монография / И.Е. Ким. Красноярск, 2009.
3. Ким И.Е. Прагматика и семантика сопричастности в современном русском языке / И.Е. Ким // Российский лингвистический ежегодник. 2007. Вып. 2 (9). Красноярск, 2007а. С. 148–155.
4. Ким И.Е. Сопричастность и чуждость в русской языковой картине мира / И.Е. Ким // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат. 2-й междунар. науч. конф. Красноярск, 2007б. С. 186–190.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. М., 1994.
6. Памятники литературы Древней Руси: кон. XV – I пол. XVI в. / Вступ. ст. Д. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. М., 1984.
7. Памятники литературы Древней Руси: сер. XVI в. / Вступ. ст. Д. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. М., 1985.
8. Памятники литературы Древней Руси: II пол. XVI в. / Вступ. ст. Д. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. М., 1986.
9. Памятники литературы Древней Руси: кон. XVI – н. XVII в. / Вступ. ст. Д. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. М., 1987.
10. Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. I / Вступ. ст. Д. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. М., 1988.
11. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. II / Сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. М., 1989. 704 с.
12. Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. Л., 1986.

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ КИНООТЗЫВ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

В данной статье явление любительского киноотзыва рассматривается с точки зрения теории речевых жанров. Объектом исследования является языковая форма и содержание киноотзыва. В рамках статьи делается попытка реконструкции структуры текстов этого жанра.

The phenomenon of an amateur film review is considered from the point of view of the theory of speech genres in the given article. The language form and the maintenance are objects of this research. There is made an attempt of reconstruction of the structure of this genre's texts.

genre's texts.

В последние 10-15 лет особую популярность приобрело интернет-общение. Закономерно, что в среде Интернета возникают и развиваются новые речевые жанры либо трансформируются известные ранее. Одним из таких трансформированных жанров является киноотзыв. Именно этот речевой жанр оказывается в центре нашего внимания. Раньше он существовал преимущественно в рамках профессиональной коммуникации кинокритиков и журналистов. В бытовой же сфере наблюдалось лишь некое его подобие – этот типичный содержательный режим разговора можно было бы назвать «впечатления от просмотренного». Интернет позволил совместить, на первый взгляд, несоединимое, предоставив пространство профессионального жанра непрофессиональным критикам. Благодаря этому сформировался своеобразный речевой жанр любительского киноотзыва, являющийся объектом проведенного исследования.

На наш взгляд, популярность жанра отзыва связана с психологией рядового человека. Посмотрев фильм, почти каждый из нас не прочь не только поделиться впечатлением, но и по возможности реализовать себя в социально престижной и даже «модной» сегодня роли эксперта, высказав свою точку зрения в подобающей форме рецензии. Для реализации этой цели как нельзя лучше подходит кинообъект. Это вид искусства, абсолютно доступный большинству, на знакомство с фильмом тратится 2-3 часа, а для его анализа практически не требуется специальных знаний. В связи с обозначенной выше коммуникативной целью автора киноотзыва можно говорить о так называемом комплексе профессионала⁹.

⁸ Научный руководитель – к. филол. н., доц. Е.В. Осетрова.

⁹ Слово «комплекс» здесь лишено отрицательной коннотации, но используется как психологический термин. В толковом психоаналитическом словаре дается следующее определение: комплекс (от лат. complex – связь, сочетание) – понятие К.Г. Юнга, которым он обозначал формирующееся в бессознательном (или вытесненную в него) эмоционально окрашенную совокупность представлений, мотивов и установок, оказывающую сущест-

Материалом исследования явились отзывы посетителей сайта www.kinopoisk.ru в период с июня 2008 г. по декабрь 2009 г. В ходе исследования собрано 105 текстовых единиц.

В качестве основы для анализа любительского киноотзыва использовалась модель речевого жанра, разработанная Т.В. Шмелевой.

Т.В. Шмелева в статье «Модель речевого жанра» [Шмелева 1997] выделила несколько основных жанрообразующих факторов. Главным из них является коммуникативная цель, т. е. то, ради чего начинается общение. Другие факторы оказываются сопутствующими, значимость каждого из них может повышаться или понижаться в зависимости от конкретного речевого жанра. Этими факторами являются образы автора и адресата, образы коммуникативного прошлого и будущего, диктумное (событийное) содержание и языковое воплощение речевого жанра, т. е. его форма.

Поскольку на данном этапе исследования киноотзыв интересует нас с точки зрения языковой формы и диктумного содержания высказывания, в рамках данной статьи попытаемся реконструировать его структуру.

Базой диктума можно считать в данном случае более или менее подробный пересказ сюжета фильма. Пересказ выступает в качестве своеобразной текстовой замены фильма. Стоит отметить, что данный содержательный пласт может отсутствовать непосредственно в тексте отзыва – в таком случае он становится частью пресуппозиции.

Являясь базовым, пересказ сюжета каузирует другие блоки содержания киноотзыва. Первый из них можно назвать «выплеск эмоций». Это та в полной мере любительская часть, которая заимствована интернет-отзывом из бытового обсуждения кино и обмена впечатлениями. Эмоции могут быть выражены прямо, через передачу чувств, испытываемых зрителем после просмотра фильма: *Тяжело... Как возникла эта тяжесть после просмотра, так и не отпускает*¹⁰ (отзыв на фильм «Внутри себя я танцую»); *От просмотра фильма остались смешанные чувства, собственно, такие же присутствуют и в самом фильме* (отзыв на фильм «Мечтатели»). Другой способ передачи впечатлений от просмотренного фильма – использование экспрессии при пересказе сюжета. Такой способ пересказа является еще более субъективным: *Раздражение появилось на сцене, когда Ник моет пол в больнице, вокруг начинается настоящий дурдом, и в это время ему звонит мать <...> он же начинает врать и почему-то не может сказать, что перезвонит позже* (отзыв на фильм «Босиком по мостовой»).

Эмоциональный блок киноотзыва тесно связан с другой составляющей содержания – оценочной. Оценочность является квалификативной модусной категорией, т. е. связана с автором текста и так же, как и эмоциональность, в общем-то на ней и базирующаяся, является субъективным по своей природе

венное влияние на развитие и функционирование психики, личности и поведение человека [Толковый психоаналитический словарь].

¹⁰ Здесь и далее в примерах сохраняется стиль и орфография авторов любительских киноотзывов.

языковым смыслом. Оценка присутствует в любом высказывании, некоторые лингвисты утверждают, что она может заключаться даже в отстраненности автора, намеренном отсутствии оценки. В киноотзыве оценочность проявляется различными способами, выражена явно или имплицативно, но на основании собранного материала можно говорить, что присутствует данная категория всегда, являясь единственным обязательным для жанра киноотзыва элементом. Наиболее простой и популярный способ оценки – прямое высказывание о фильме с использованием qualificatives: *очень хороший фильм, интересный, спокойный, разносторонний, поучительный* (отзыв на фильм «Общество мертвых поэтов»); *безусловно, лучший триллер из тех, что мне доводилось видеть на схожую тематику* (отзыв на фильм «Время убивать»).

Однако встречаются и более сложные способы выражения оценочности, например, через метафорическое сравнение: *Этот фильм как йогурт – на вид вкусно и вроде полезно, а на самом деле обычный «заполнитель» пустого места в животе...* (отзыв на фильм «Попасть в десятку»). Стоит обратить, кроме того, внимание на оценочность, выраженную через негацию: *Знаете, есть в этом фильме что-то такое, не спец.эффекты, не заоблачный бюджет, не суперпопулярные актеры, не сценарий от Кинга или музыка от Вербински...* (отзыв на фильм «Достучаться до небес») – в данном примере автор своеобразно, но все же положительно оценивает рецензируемый фильм, перечисляя отсутствующие в нем «престижные, дежурные» достоинства других фильмов.

Следующий блок содержания киноотзыва был назван нами «наивная философия»¹¹. Это те мысли и рассуждения, на которые автора рецензии наводит просмотренный фильм. Часто такие абстрактные рассуждения отталкиваются от попытки автора более или менее самостоятельно проанализировать тематику и проблематику фильма: *Тематика существует веками – Отцы и дети. Никак невозможно от этого уйти, хотя достало уже всех. Как добиться взаимопонимания? Первый шаг должен быть со стороны взрослых, потому что они были такими же детьми. Просто необходимо вспомнить: «Как это?» Ведь когда в человеке умирает ребенок, ему уже не испытать такого кайф жить* (отзыв на фильм «Общество мертвых поэтов»).

Автор в рассмотренном случае не говорит, конечно, ничего принципиально нового. Наивная философия, скорее, служит связующим звеном между двумя коммуникативными задачами, поставленными автором отзыва перед собой – высказаться, поделиться с другими впечатлением, а также удовлетворить собственный «комплекс профессионала».

Ярко выраженной направленностью на последнюю цель обладают два других блока, обнаруженных нами в киноотзыве. Это, во-первых, так называемая аналитика – часть отзыва, стремящаяся к наибольшей объективности, максимально возможной в рамках данного информационно-оценочного жан-

¹¹ Термин философия здесь понимается в традиции понятийной системы лингвистов, описывающих языковую картину мира: философия – 3. отвлеченные, не идущие к делу рассуждения (разг.) [Ожегов 1999. С. 852].

ра. Наиболее частыми объектами анализа в фильме являются персонажи и игра актеров, исполняющих эти роли, в определенных жанрах – технические средства и спецэффекты, а также атмосфера фильма. Этот термин объединяет в себе декорации, цвета, в которых выполнен фильм, музыку (впрочем, она может оцениваться и отдельно), костюмы – все, что направлено на создание наиболее подходящего для просмотра фильма психологического настроения. Реже анализируется работа режиссера и оператора – та часть фильма, достоинства или недостатки которой менее заметны среднему зрителю, а кроме того, требуют больших знаний и интеллектуальных затрат. Возможно также включение в отзыв дополнительной справочной информации о фильме: страна-производитель, студия, на которой он был снят, история создания фильма и информация о первоисточнике, если он есть, рекламная кампания фильма, а также полученные им награды.

Наконец, еще одним содержательным блоком является оценка фильма по десятибалльной шкале, иногда сопровождаемая комментарием с объяснением причины оценки. Мы выделяем его отдельно, поскольку данный блок завершает киноотзыв и располагается в тексте отдельно от выделенного выше блока оценки, являясь как бы объективно-оценочным подведением итогов: *Одним словом, классный мульт! 10 из 10* (отзыв на мультфильм «Смывайся»); *При всем моем желании поставить более высокую оценку, здравый рассудок не позволяет этого сделать, так как я оцениваю этот мультфильм как детскую сказку, а не как депрессивную драму. 7 из 10* (отзыв на фильм «Рождественская история»).

Десятибалльная шкала в сознании человека связана с некоторыми стандартами и профессионализмом. Несмотря на то, что объективно разработанных критериев оценки для киноотзыва не существует, в сознании автора наивного киноотзыва умение оценить фильм от одного до десяти баллов приближает его к специалистам.

Такова инвариантная модель киноотзыва. Еще раз отметим, что обязательным элементом в ней является только тем или иным способом выраженная оценка. Другие блоки диктумного содержания отзыва факультативны. В тексте может отсутствовать даже являющийся базовым элементом пересказа сюжета фильма, перенесенный в данном случае в пресуппозицию. Соотношение и объем разных компонентов отзыва также могут быть различными, подчиняясь только логике автора и его приоритетной коммуникативной задаче – поделиться впечатлениями или почувствовать себя профессионалом.

В перспективе работа над данным материалом имеет продолжение. Будет произведен анализ любительского киноотзыва с центром внимания на других факторах, формирующих речевой жанр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1999.
2. Толковый психоаналитический словарь [Электронный вариант].

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Й.С. ФАТЕРА

Статья посвящена исследованию лингвистических работ Й.С. Фатера. Анализ его учебно-методических работ, адресованных иностранцам, позволяет сделать выводы о вкладе немецкого филолога в исследования грамматического аспекта русского языка и о причинах изучения этого языка немцами в конце XVIII – первой половине XIX века.

The article investigates linguistic works of J.S. Vater. Basing on the analysis of his teaching and methodical books for foreigners, the author researches contribution of this German philologist to investigation of Russian grammar and the reasons for studying this language by the Germans from the end of the XVIIIth to the beginning of the XIXth centuries.

Йоханн Северин Фатер (Johann Severin Vater: 1771–1826), известный в первую очередь как богослов и теолог, еще в университетский период проявлял серьезный интерес к филологии. И хотя его вклад в языковые исследования исчисляется немногими работами¹³, в лингвистическом наследии этого немца именно русский язык занимает одно из заметных мест.

Й.С. Фатер располагал чрезвычайно обширными знаниями во многих областях современной ему филологической науки. Изучение языков, по его мнению, – это ключ к пониманию этнической общности и специфических

¹² Научный руководитель – д. филол. н., проф. Т.М. Григорьева.

¹³ Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde. Bd. II-IV. – Berlin, 1806 – 1817.

Neue Grammatik der deutschen Sprache für Polen. // Grammairc abregee de la laugue Polonoise. – Halle, 1807.

Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse. – Leipzig, 1809.

Russische Grammatik von der Schuldirektion. – St. Petersburg, 1809.

Russisches Lehrbuch mit einem Russisch-Deutschen und Deutsch-Russischen Wörterbuch und einer Abhandlung über die Vorzüge der Russischen Sprache. – Leipzig, 1815.

Literatur der Grammatiken, Lexika und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde. – Berlin, 1815.

Die Sprache der alten Preußen: Einleitung, Überreste, Sprachlehre, Wörterbuch. – Wiesbaden, 1821.

черт культуры отдельных наций, а также человечества в целом на всех исторических этапах его развития, при условии, что другие данные отсутствуют [Vater, 1815a. S. I]. Й.С. Фатер не останавливался перед самыми смелыми допущениями и гипотезами. Некоторые из них были впоследствии отвергнуты развивающимся языкознанием, но немало и таких, которые со временем получили дальнейшее развитие [Клубкова, 1982. С. 61].

Славянские языки, и в частности русский язык и Российская Империя в целом, произвели неизгладимое впечатление на немецкого лингвиста. Особенного внимания заслуживает его грамматическая деятельность. Наряду с многочисленными работами по универсальной грамматике и классической филологии, в 1807 г. Й.С. Фатер выпустил в свет руководство по грамматике сначала польского [Vater, 1807], а через год, благодаря поездке в Петербург, – и русского языка. Его книга под названием «*Praktische Grammatik der russischen Sprache in bequemen und vollständigen Tabellen und Regeln mit Übungsstücken zur grammatischen Analyse und zum Übersetzen ins Russische*» (учебник по практической грамматике русского языка) [Vater, 1808] была по достоинству оценена многими российскими филологами, в том числе такими известными лингвистами и языковедами как Н.И. Греч, В.Г. Белинский и др.

Отмечая важность этой работы Й.С. Фатера для русской грамматической мысли, В.Г. Белинский писал, что «подобно русской поэзии и русской литературе вообще, русская грамматика несколько не была русскою, но представляла какой-то странный сколок с латинской, французской и немецкой грамматики»; что русские грамматисты «от Мелетия Смотрицкого до М.В. Ломоносова и бывшей академии Российской, составляя русскую грамматику, как будто ничего другого не делали, как только переводили латинскую <...> по естественному ходу человеческого ума», но именно «знаменитый лингвист, немец Й.С. Фатер, первым <...> положил твердое основание русской грамматике, по крайней мере, сделал ее возможною» [Белинский, 1845. С. 610–611].

Работу над русской грамматикой Й.С. Фатер начал с намерением убедиться в представлениях об этом языке, которые у него уже были сформированы [Vater, 1808. Пред.]. Автор и сам не ожидал, что первое издание его работы получит такие положительные отзывы. «То благосклонное мнение, которое высказали о моей грамматике знатоки своего языка, – писал он, – превзошло мои ожидания... Особую благодарность я обязан высказать Его Превосходительству господину Адмиралу и рейхсекретарю Шишкову и Его Превосходительству господину Генерал-лейтенанту Ахвердову, языковедам и одновременно государственным мужам, которые, поработав мою грамматику <...>, внесли свои замечания и поправки» [Vater, 1814. Пред.].

Все рекомендации российских «помощников» были учтены немецким лингвистом и побудили к переизданию теоретической грамматики. Для нового издания Й.С. Фатер подобрал множество примеров, чтобы «как можно полнее отразить суть грамматических правил на практике» [Vater. 1814. Пред.]. В своем обращении к Его Величеству Александру I он писал: «Свой первый учебник по русской грамматике я не преподнес к Вашим ногам, т. к.

это была всего лишь моя первая попытка работы над русской грамматикой. Но то, что было проделано мной, было высоко оценено и заслужило признание и уважение со стороны русистов. Моя настоящая работа была дополнена и закончена <...> но мой интерес к великой нации не перестал расти» [Vater, 1814].

Переиздание грамматики [Vater, 1814] состояло из девяти глав. Этот учебник предназначался не только для освоения теоретического материала, но и для отработки и закрепления практических навыков.

Первая глава – своеобразное введение, где автор знакомил читателя с русскими буквами, их именами и произношением, их прописной и печатной формой в виде большой таблицы «Tafel der russischen Buchstaben». Многие лингвисты считают, что типичной чертой работ Й.С. Фатера является его желание систематизировать, упорядочить материал из любой области, которой бы он ни занимался. Таблицы отражали стремление автора зафиксировать основные моменты в памяти, что очень важно при языковом обучении начинающих [Vater, 1831. S. 2].

Последующие главы (§ 2–6, § 8) посвящались таким ключевым грамматическим понятиям, как имя существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие. Уделено внимание синтаксическим особенностям русского языка. Так же, как и в первой главе, для наглядности весь теоретический материал сопровождался большим количеством таблиц.

Хочется отметить, что использование этих таблиц и схем в качестве наглядной демонстрации широко распространено и до настоящего времени при обучении грамматике современного немецкого языка. К тому же сегодня существует целый ряд условных знаков и обозначений, которые также знакомы любому, кто когда-либо изучал немецкий язык ¹⁴.

При введении новых грамматических правил автор делал пометки с объяснениями сложных моментов, облегчая тем самым обучающимся процесс овладения теоретическим материалом.

Особое внимание хочется уделить пятой главе «О глаголе» [Vater, 1814. S. 82–214], ведь именно ей автор обязан своей известностью среди российских грамматистов. В.Г. Белинский писал, что до того, как Й.С. Фатер сделал свой вклад в русскую филологию, грамматика русского языка, изданная Российской академией, была в неудовлетворительном состоянии. «В русских глаголах, кроме трех времен – *настоящего, прошедшего и будущего*, действительно существующих, имелось еще *неопределенное прошедшее* (преходящее), *совершенно прошедшее*, *давно прошедшее*, *неопределенное будущее*, *совершенное будущее* и другие, и при каждом глаголе были открыты по несколько неокончательных наклонений» [Белинский, 1845. С. 611]. Й.С. Фатер первым рассмотрел систему русского глагола с последовательно

¹⁴ Системность при обучении немецкой грамматике многие методисты объясняют педантичностью германской нации во всех сферах жизнедеятельности, но все же, в большей мере, это связано со сложностью немецких грамматических конструкций и обилием правил в этом языке.

морфологических позиций и указал на видовое противопоставление как на важнейшее для славянской и, в частности, для русской глагольной морфологии [Historia linguisticae, URL]. Существует мнение, что профессор Московского университета Алексей Васильевич Болдырев брал за основу работы Й.С. Фатера для некоторых своих исследований по части русской грамматики в «Трудах Общества любителей русской словесности».

Кроме того, Й.С. Фатер первым проник в особенные свойства русских глаголов. Он доказал, что совершающееся в глаголах других языков посредством множества времен в русском языке делается через *виды*, что каждый русский глагол имеет несколько *видов*, что каждый вид имеет только одно неокончателное наклонение и что глаголы неопределенного и многократного вида имеют три времени – *настоящее*, *прошедшее* и *будущее*, а глаголы совершенного (или определенного) и многократного вида имеют только два времени – *прошедшее* и *будущее* (последнее спрягается совершенно так, как *настоящее* время глаголов неопределенного и многократного видов). Об этом же писал проф. А.В. Болдырев, которого обвиняли в том, что он присвоил себе мысли Й.С. Фатера [Белинский, 1845. С. 611]. Сам Й.С. Фатер писал о том, что им были приложены особые усилия для улучшения нового издания: «заботясь об учебном процессе, я разработал более упрощенную систему рассмотрения русского глагола» [Vater, 1814. Пред.].

На страницах этой главы имелся список основных форм глаголов русского языка [Vater, 1814. S. 128–138], использование которых могло осуществляться с помощью приставок и без них, пример:

Русские глаголы с использованием возможных приставок	Перевод на немецкий язык	
братаюсь mit по–	ich mache Brüderschaft	с. 129
дивлюсь mit у–	ich wundere mich	с. 131
крашу mit вы– oder о–	ich färbe	с. 133

В седьмой главе [Vater, 1814. S. 231–242] автор дает советы по формированию устной речи, обосновывая необходимость изучения грамматики как основы говорения. «В условиях увеличивающегося общения народов в наши дни живые языки должны так изучаться, чтобы человек сам осознавал необходимость владения разговорными фразами, грамматическими конструкциями вопросительных и утвердительных предложений в устном общении и т. д. Человеку должно знать все самые важные правила спряжений и склонений, а соответственно, по возможности, использовать в своей речи самые употребительные окончания» [Vater, 1814. S. 231]. С точки зрения организации учебного процесса, по мнению Й.С. Фатера, важно как можно больше заниматься переводами с одного языка на другой, добиваясь того, чтобы не переводить каждое немецкое слово на русский, а стараться мыслить образами, типичными для изучаемого языка [Vater, 1814. S. 233].

И лишь девятая глава [Vater, 1814. S. 253–275] содержит упражнения для практической работы: указания и для устного грамматического анализа,

и для осуществления письменных переводов с немецкого на русский язык. Тексты песен и стихов для этих заданий Й.С. Фатеру помог подобрать «замечательный языковед», Господин Майор Михаил Шулепников [Vater, 1814. Пред.]. По замыслу автора, работая над этими упражнениями, учащиеся не просто на практике закрепляют полученные навыки, а продолжают расширять свой кругозор, теперь уже в страноведческом плане.

Во всем учебнике, и в этой главе в частности, имеется много сносок, содержащих трактовку исторических фактов, географических данных, библиографических указаний и т. д. Так, например, в одной из сносок, автор дает сведения из русской истории: роль К. Минина и Д. Пожарского в истории Российской Империи и др. [Vater, 1814. S. 272].

Другой не менее важной работой Й.С. Фатера была книга для чтения «*Russisches Lesebuch mit einem Russisch-Deutschen und Deutsch-Russischen Wörterbuch und einer Abhandlung über die Vorzüge der Russischen Sprache*» (Книга для чтения по русскому языку с русско-немецким и немецко-русским словарем и приложением о преимуществах владения русским языком) [Vater, 1815]. Это пособие было ориентировано на средние и старшие классы, хотя, по мнению автора, умелый учитель мог бы с легкостью подобрать здесь материал для учащихся любого языкового уровня [Там же. S. XI].

В обращении к Его Величеству Александру Первому Й.С. Фатер писал: «Ваша доброжелательность к моим трудам на благо русского языка требует от меня достижения новых высот, содержание которых определяется моей привязанностью к этому языку и русской нации» [Там же. Пред.].

Необходимо подчеркнуть, что хрестоматии на европейских языках предназначались в тот период истории в основном для распространения литературных шедевров своей страны за рубежом. Й.С. Фатер полагал, что ситуация с книгами для чтения по русскому языку была совершенно другой: частично такие издания были ориентированы на тех, кто покинул Российскую Империю ради Германии (т. е. на российских иммигрантов), а частично – на молодых людей немецкого происхождения, которые, проживая в России, изучали местный язык. Поэтому, как считал Й.С. Фатер, к составлению книги для чтения и к выбору произведений для нее необходимо подходить с удвоенным вниманием [Там же. S. IX–X]. По его мнению, отрывки из любых литературных произведений должны представлять собой образец любви к своему отечеству и модель проявления истинных гражданских чувств по отношению к своей родине. Й.С. Фатер считал, что поэтический и прозаический материал, который попадает в руки его современников, живущих в столь тяжелое военное время, пусть даже предначертанное им провидением свыше, просто обязан был дышать патриотизмом и одновременно отвечать душевным порывам молодежи. Отобранные литературные шедевры давали, по его мнению, пищу для размышления его воспитанникам и поднимали актуальные темы для обсуждения [Там же. S. X].

Весь материал в этой книге условно делился на четыре части.

В первой части представлены рассуждения автора о преимуществах владения русским языком.

Вторая часть – это сборник произведений великих российских писателей и поэтов. Сюда попал материал из «бесценных коллекций» «хороших друзей» Й.С. Фатера, а именно господина В.А. Жуковского и господина Н.И. Греча, причем лишь небольшое число этих произведений было до этого времени доступно простому читателю [Там же. S. XII].

Стоит отметить, что в некоторых рассказах встречались старославянские имена и устаревшая система летосчисления. После произведений прозаического характера шли басни, которые, по мнению Й.С. Фатера, плавно подготавливали учащихся к особенностям российских стихотворений [Там же. S. XII].

Автор включил в свою книгу для чтения басни И.А. Крылова «Слон и Моська», «Волк на псарне» и И.И. Хемницера «Конь и осел», «Строитель», оду Г.Р. Державина «На смерть Князя Мещерского», стихотворение И.И. Дмитриева «Освобождение Москвы» и др. Как писал сам Й.С. Фатер, наряду с широко распространенными и уже хорошо известными немецко-говорящему населению литературными произведениями в «коллекцию этой книги» были включены и некоторые впервые представленные читателям шедевры [Там же. S. X].

Удобным моментом с методической точки зрения были авторские сноски в книге для чтения. Так, например, в сноске к песне В.А. Жуковского «Певец в стане русских воинов» [Там же. S. 160] автор объясняет исторические события, описываемые поэтом в своем произведении.

Der Dichter schrieb, unter den Moskauer Bewaffneten befindlich, diess vortrefflichem Lied nach der Übergabe Moskwa's vor der Schlacht bei Tarutin (курсив мой. – Е.О.).

Что касается грамматических пометок, то их число в этом сборнике произведений довольно ограничено, поскольку автор не видел необходимости «отрывать учителя от прекрасных мыслей, навеянных литературными творениями этой книги» [Там же. S. XIII].

Третья и четвертая части этого пособия – русско-немецкий [Там же. S. 165–234] и немецко-русский словари [Там же. S. 235–284]. Слова, подобранные Й.С. Фатером, ориентированы на тексты для чтения из второй части; таким образом, осуществляя переводные задания, учащиеся могли обходиться подборкой слов, сделанной автором изначально. В условиях недостаточного книжного обеспечения этот вариант для немцев, желающих овладеть русским языком, был замечательным выходом из ситуации. Сам автор писал: «Небольшой словарь одновременно с книгой для чтения на иностранном языке, в данном случае на русском, отсутствовал до сегодняшних дней, а поэтому имеет высокий спрос и просто бесценен для многих молодых людей из немецких провинций и городков, являющихся гражданами Российской Империи и изучающих русский язык» [Там же. S. IX].

Ценность данной книги как учебного пособия бесспорна. Сам автор в предисловии к ней давал учителям методические советы, рекомендации для организации простейшей формы групповой работы на занятии: «Одной группе воспитанников учитель может дать переводное задание с русского на не-

мецкий язык, а другой – перевод с немецкого на русский» или наставление для работы над небольшими сочинениями с использованием несложных речевых фраз и слов из пройденного материала [Там же. S. XIV].

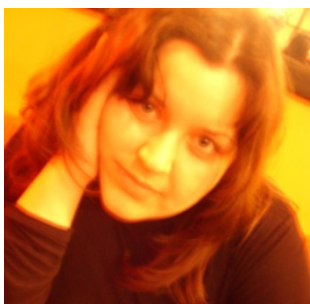
Лингвистическая деятельность Й.С. Фатера продолжалась около 30 лет, но его книги о русском языке представляли интерес и после его смерти, служили «многим ученым мужам и языковедам» материалом для дальнейших научных работ и, кроме того, представляли некий образец учебной литературы для изучения русского языка в немецкоязычной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В.Г. Грамматические разыскания В.А. Васильева / В.Г. Белинский // Отечественные записки. СПб., 1845. Т. XLI. № 8. С. 605–618.
2. Клубкова Т.В. «Митридат» И.Х. Аделунга и И.С. Фатера и его место в истории языкознания / Т.В. Клубкова // Вестник ЛГУ. 1982. № 20. С. 58–62.
3. Historia linguisticae // Интернет–портал. Режим доступа: http://histling.nw.ru/linguists/f/index_html.
4. Vater S.J. Neue Grammatik der deutschen Sprache für Polen / S.J. Vater // Grammaire abregee de la langue Polonoise. Halle, 1807. 54 S.
5. Vater S.J. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre / S.J. Vater. Leipzig, 1808. 160 S.
6. Vater S.J. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre / S.J. Vater. Leipzig, 1814. 275 S.
7. Vater S.J. Russisches Lesebuch mit einem Russisch–Deutschen und Deutsch–Russischen Wörterbuch und einer Abhandlung über die Vorzüge der Russischen Sprache / S.J. Vater. Leipzig, 1815. 284 S.
8. Vater S.J. Literatur der Grammatiken, Lexika und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde / S.J. Vater. Berlin, 1815a. 260 S.
9. Vater S.J. Tables of ecclesiastical history: from the origin of Christianity to the present time / S.J. Vater. Boston, 1831. 37 S.

Т.А. Загидулина¹⁵

СЕМАНТИКА ЦВЕТА, СВЕТА И ТЬМЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «МОРФИЙ»

В статье рассмотрена реализация семантического поля света-цвета тьмы в произведении М.А. Булгакова «Морфий». Да-

ководитель – к. филол. н., доц. А.Н. Сперанская.

на характеристика семантических групп, включенных в поле света – цвета – тьмы.

The article describes the implementation of the semantic field of light-dark color in the work of Mikhail Bulgakov "Morphine". The characteristic of semantic groups included in the field of light-color-dark.

Работа представляет собой исследование семантического поля света – цвета – тьмы в произведении М.А. Булгакова «Морфий», анализ представления этих понятий в тексте.

«Семантическое поле – группировка слов по близости значений» [Семантическое поле, <http://slovarfilologa.ru>]. На материале 60 контекстов произведения «Морфий» будет рассмотрена семантика света-цвета-тьмы.

Подробный комментарий контекстов дает достаточно полную картину для осмысления ключевых для русской культуры концептов [Падучева, 2008] в контексте раннего творчества М.А. Булгакова.

Сюжетообразующим элементом является дневник доктора Полякова. Дневник получает его университетский товарищ – доктор Бомгард. Этот своеобразный документ является практически историей болезни наркомана, изнывающего от тоски в деревенской глуши. Дневник Бомгард получает в ту ночь, когда кончает жизнь самоубийством Поляков.

Свет, цвет и тьма функционируют в рассказе как организующие структуру текста понятия. Они играют важную роль в композиционном построении произведения. Можно даже назвать композицию повести рамочной, так как свет – *тусклый свет заката и рассвета* – выступает своеобразным обрамлением рассказа. Ночью происходит кульминация внутрирамочного сюжета – самоубийство доктора Полякова, ночью привозят его на участок к Бомгарду, ночью же Бомгард читает дневниковые записи доктора-самоубийцы.

Параллельно с временным построением композиции: сумерки (свет) – ночь (тьма) – рассвет (свет) – появляется и пространственное: город – деревня (глушь) – город, то есть даже на уровне композиции видно, что свет противопоставляется тьме так же, как город противопоставляется деревне.

Город: с моим блистательным городом и вернусь в Москву; Столица... Клиника... Асфальт, огни...

Деревня: Зеленый огонек, мигающий фонарь...; И почему мне этот участок так настойчиво сегодня вечером лезет в голову?... Зеленый огонь...; Вон и блеснуло бледно и тревожно; При удаче я буду в Горелове завтра ночью, думал я, лежа в постели.

Город охватывает ту часть семантического поля, где свет ровный, яркий, где свечение блистательно, тогда как в деревне свет тусклый, прерывистый, что немаловажно – зеленый, а зеленый, как и бледность, в данном тексте является как цвет болезни и умирания.

Более того, выделяется несколько смысловых групп.

I. Источники света. Источники света подразделяются на три группы: конкретные (естественные и искусственные) и «абстрактные».

Естественными источниками света служат керосиновая лампа, закат и рассвет. Искусственными источниками являются лампа электрическая, мигающий фонарь.

«Абстрактным» источником света является надежда (*надежда блеснет для меня*). Итак, источники света несут в себе определенную семантику.

Несколько раз в приведенных контекстах встречается слово *лампа*, причем позитивно оценивается лампа электрическая. Керосиновая же лампа является символом той гнетущей глуши, что противопоставляется «блистательному» городу. Интересно, что положительно позиционируется искусственный источник света – лампа электрическая, так как она ассоциируется с цивилизацией – городом. Она дает непрерывный, яркий свет. Тогда как лампа керосиновая, напротив, ассоциируется с глушью – деревней. Свет ее не так ярок. Само понятие керосиновой лампы окрашено негативно. На уровне этого противопоставления четко видно противопоставление города и деревни, как и в композиции.

II. Свет как «атрибут» времени суток. Ночь в тексте – нечто, связанное с бессонницей, глушью, болью: *Я стал спать по ночам, ночной злоеющий стук*. Ночь воспринимается доктором Бомгардом как материальное воплощение страха. Для доктора Полякова ночь «душная», «слабость и мерзость ночью», ночью происходит впервые ссора с Анной, случается боль в желудке, впервые ему впрыскивают раствор морфия.

Итак, ночь – день, тьма – свет, глушь – город, ровный свет – мерцание, лампа электрическая – лампа керосиновая. Автор выстраивает оппозиции.

III. Свет – цвет – тьма по отношению к персонажам повести. Образ доктора Бомгарда не ярок в аспекте света – цвета. Поляков, напротив, получает самую обширную характеристику. В описании Полякова автор использует *зеленый* цвет глуши и умирания. *Бледность* – еще одна неотъемлемая черта Полякова. Он бледен во время болезни и на столе у Бомгарда, когда у него берут плечо в шипок. Бледность также символизирует в данном тексте умирание. В описании используются такие лексемы, как *потемнение* и *помутнение*, что говорит не столь о помутнении во внешности, сколь о помутнении в сознании.

Интересен образ Амнерис, который воспринимается через призму больного сознания Полякова. Голос ее *ясный*, однако *душонка темная*. Такое противопоставление внешнего и внутреннего дает понять, что образ этот скорее негативен. Опять же *зеленое* перо указывает на опасность, умирание. Но здесь Поляков упоминает о прозрачности. Образ Амнерис существует лишь в сознании Полякова, она плод его помутненного воображения, галлюцинация.

Образ Анны Кирилловны мало соотнесен с группой света – цвета, однако в тексте Анна Кирилловна возникает в связи с ночью, и описания ее мрачны, она *желта*, *больна*, лицо ее *побелело*, глаза *почернели*. Таким образом, ей свойственны те же признаки болезни и умирания, что и Полякову.

Представляет немалый интерес авторское восприятие зеленого цвета, например, в описании города. Интересно, что достаточно часто автор исполь-

зует эпитет *зеленый* в этих контекстах: *В памяти стерлась зеленая лампа с шипящим керосином, одиночество, сугробы...; Зеленый огонек, мигающий фонарь... скрип саней... короткий стон, потом тьма, глухой вой метели в полях... потом все это боком кувыркалось и проваливалось...* В примерах наблюдается явно негативное окружение, сопрягающееся с одиночеством, тьмой, прошлой, «глухой», жизнью повествователя. Следовательно, определяем смысл зеленого как негативный.

Обобщая, можно сказать, что семантические поля света – цвета – тьмы являются ключевыми в произведении «Морфий», так как именно на них строится композиция, именно они дают почву для противопоставлений типа город – деревня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков М.А. Записки юного врача / М.А. Булгаков. М., 1989.
2. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. М., 2008.
3. Семантическое поле // Словарь филолога. Режим доступа: <http://slovarfilologa.ru>.

Я.Н. Казанцева¹⁶

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ТАТАР ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается современная языковая ситуация в местах компактного проживания татар Приенисейской Сибири на основе проведенного социолингвистического опроса.

The article is dedicated to the modern language situation in the Tatars community on the Priyeniseisky Siberia's territory on the base of sociolinguistic inquiry.

В настоящее время в число актуальных задач современной отечественной и зарубежной социолингвистики входит изучение характера взаимоотношений между разными языками или диалектами на территории Российской Федерации. Большой научный интерес представляет языковая ситуация Красноярского края, где проживают 137 этносов.

¹⁶ Научный руководитель – д. филол. н., проф. О.В. Фельде.

Татарская диаспора – одна из многочисленных в крае. По опубликованным данным переписи населения 2002 г., татары занимают третье место, уступая русским и украинцам, их численность составляет 44 382 человека [Национальный состав, 2006. С. 10]. Компактно они проживают на территории Пировского, Казачинского районов, а также в городе Лесосибирске. В таких населенных пунктах, как д. Отношка Казачинского района, д. Икшурма, д. Бушуй, д. Шумбаш Пировского района, большинство жителей – татары, в д. Гамурино Казачинского района татары составляют 100 % населения.

Серьезной проблемой последних десятилетий является сокращение числа татар, владеющих своим родным языком: лишь 66 % представителей этого этноса указали на факт владения татарским языком. О постепенной утрате коммуникативной мощности татарского языка в Красноярском крае свидетельствуют и результаты опроса, проведенного нами среди татарского населения Пировского, Казачинского районов и г. Лесосибирска в период с января по июнь 2010 г. В исследовании приняли участие татары разных возрастных, социальных и гендерных групп.

Как известно, одним из важных факторов, влияющих на языковую ситуацию, является число носителей языка. Считается, что чем больше людей говорит на языке, тем больше шансов, что этот язык сохранится. Однако сама по себе высокая численность носителей языка не дает гарантий его сохранения [Вахтин, 2004. С. 114]. Большое значение имеют тесные внутрисемейные межпоколенные языковые связи, которые способствуют сохранению того или иного диаспорного языка. Чтобы выяснить, насколько соблюдается татарами традиция общения на родном языке, мы опросили представителей старшего, среднего и младшего поколения. Наиболее «компетентным» в языковом отношении оказалось старшее поколение: все опрошенные татары как сельского, так и городского населения старше 60 лет свободно общаются на татарском языке, читают, пишут. 88 % опрошенных в возрасте от 30 до 60 лет (среднее поколение) указали на хорошее знание татарского языка («свободно говорю, читаю, пишу»), 12 % испытывают затруднения при общении на татарском языке. Что касается младшего поколения, то лишь 48 % владеют татарским языком, 42 % испытывают трудности, 10 % не понимают и не говорят вообще.

Таким образом, сравнивая процентное соотношение владения татарами разных поколений родным языком, можно сказать о постепенной утрате коммуникативной мощности татарского языка, поскольку число носителей, свободно использующих язык в своей жизнедеятельности, сократилось в 2 раза.

Особо остро проблема сохранения татарского языка наблюдается в городской местности. Здесь языковая ассимиляция происходит гораздо быстрее. «Урбанизация нивелирует этническое и языковое своеобразие; она ведет к утрате не только диалектов, местных языков, но и других традиционных средств общения» [Мечковская, 2003. С. 165]. На территории города Лесосибирска компактно проживают 5138 татар, что составляет 7,2 % от общего

числа жителей. Большинство населения – русские: 59 900 человек (84,2 %) [Национальный состав, 2006. С. 10]. Русский язык преобладает практически во всех сферах употребления. Даже в татарской семье, члены которой владеют родным языком, все чаще в условиях семейного общения используется русский язык. Тем не менее, традиция общения с бабушками и дедушками на татарском языке сохраняется даже в городе. Многие представители старшего поколения гораздо лучше знают свой родной язык (70 %), а некоторые не знают русского языка вообще (1 %). Согласно данным опроса среди татар старше 60 лет, языком общения в их семьях и языком обучения в школе (в младшем и среднем звене) являлся татарский.

Несмотря на это оказалось, что всего лишь 31 % опрошенных горожан разных возрастных, социальных и гендерных групп свободно владеют татарским языком, около 50 % плохо знают язык: либо говорят с затруднениями, либо понимают, но не говорят, 19 % не понимают и не говорят вообще (в основном – представители младшего поколения). Ситуацию осложняет отсутствие в городе образовательных учреждений, где бы школьники имели возможность изучать родной татарский язык, совершенствовать навыки, приобретенные в семье.

Таким образом, современный этап языкового развития представителей городского населения татар характеризуется постепенным сокращением употребления татарского языка, глубоким освоением навыков русского языка, развитию языковой ассимиляции.

В сельской местности, а особенно в тех населенных пунктах, где татары составляют более 50 % жителей (например, д. Икшурма, д. Шумбаш, д. Шагирислам Пировского района, д. Отношка, д. Гамурино Казачинского района), процент владеющих татарским языком достаточно высок и составляет 91 %; 9 % понимают и говорят, но не пишут и не читают. Как видно, ситуация здесь значительно отличается от городской. Более тесные внутрисемейные связи, удельный вес татар, возможность ежедневно общаться на родном языке не только с родителями, родственниками, но также с друзьями, коллегами, соседями – все это благоприятствует сохранению жизнеспособности татарского языка.

Одним из факторов, влияющих на сложившуюся языковую ситуацию на территории Приенисейской Сибири, является количество функций, которые выполняет татарский язык. Выяснилось, что татарский язык используется преимущественно в сфере бытового общения. Однако сегодня все больше татар предпочитают русский язык татарскому, используют его в коммуникации с друзьями, односельчанами, супругами (национально-смешанные семьи), на работе. Если старшее поколение татар соблюдает традицию общения на родном языке во всех сферах своей жизнедеятельности, то представители младшего поколения пользуются ресурсами русского языка практически всегда. Лишь 32 % молодых людей общаются с родителями, бабушками и дедушками на татарском языке.

Велика роль учебных заведений, в которых татарский язык является одним из предметов изучения. В Красноярском крае в 2005 г. насчитывалось

7 общеобразовательных школ с этнокомпонентом, из них 4 находились на территории Приенисейской Сибири: в дд. Гамурино и Отношка Казачинского района, с. Пировском и г. Лесосибирске (кружок в средней школе № 6) [Курултай, 2005. С. 9]. В настоящее время только в одной школе (д. Отношка Казачинского района) сохранился национальный компонент. Татарский язык входит в число обязательных предметов, изучается на младшей и средней ступени обучения (1-2 часа в неделю), причем по окончании 9 класса учащиеся сдают экзамен.

Что касается вузов, колледжей, училищ Красноярского края, то здесь татарский язык не входит в число дисциплин учебной программы. Исключение составляет Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета. На базе филологического факультета в 2010 году был произведен первый набор абитуриентов на филологический факультет, направление «Филологическое образование» с профилем «Родной язык и психолингвистика» (бакалавриат). Студенты получают возможность изучать татарский язык, который не для всех будет являться родным.

Большое влияние на языковую ситуацию оказывает языковая политика. В современной социолингвистической науке под данным термином понимают «все виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование использования языка» [Мечковская, 2003. С. 199]. Языковую политику осуществляют различные государственные и негосударственные органы: министерства, комитеты (департаменты) по делам межэтнических отношений, руководство масс-медиа, научные учреждения, добровольные общества защитников родного языка.

Активными участниками (субъектами) языковой политики, заинтересованными в сохранении и развитии татарского языка, татарской культуры на территории Красноярского края, являются национальные общественные объединения (НОО). К ним относятся следующие: национально-культурная автономия «Яр» (Красноярск), общественные организации «Исламский культурный центр» (Железногорск), «Дуслар» и «Яшен» (Лесосибирск). Координационные функции по взаимодействию с НОО выполняет Межнациональный культурный центр при культурно-историческом и музейном комплексе (с 1996 г.), Палата национальностей Гражданской Ассамблеи Красноярского края (с 2004 г.), Совет молодежных национальных объединений при управлении общественных связей администрации края (2004 г.).

Силами татарских НОО и общественности проводятся различные праздники и юбилейные мероприятия, организуются концерты местных и приезжих татарских артистов, чему способствуют налаженные тесные связи с Республикой Татарстан. Так, в 1998 г. по инициативе НКА «Янарыш» было подписано соглашение «О сотрудничестве в экономической, научно-технической и культурной областях между Красноярским краем и Республикой Татарстан». Укреплению межрегиональных связей с Татарией способствовало также подписание в 2001 г. договора «О культурном сотрудничестве между городами Красноярск и Казань» [Рафиков, 2006. С. 46].

Татарский язык является средством получения знаний о культуре татарского народа. В места компактного проживания татар Красноярского края приезжают фольклорные и театральные коллективы из Казани, проводятся молодежные татарские вечеринки («Tatar party»). Так, например, ежегодно с народными песнями и танцами по Красноярскому краю гастролирует творческий коллектив «Чишмэ».

Помимо сферы образования, культуры татарский язык используется в средствах массовой информации. Вещание отдельного телевизионного канала на татарском языке, распространение татарских газет и журналов на территории Красноярского края, создание интернет-сайтов открывают доступ всем желающим изучать и совершенствовать татарский язык, получать информацию о мире на родном языке. Глобальная сеть Интернет делает возможным сегодня читать публицистическую и научную литературу в режиме он-лайн, смотреть телепередачи на татарском языке (<http://www.akbars.ru/about/index.php?p=205>). Так, например, существует молодежная общественно-политическая электронная газета на татарском и русском языках «Азатлык» (<http://www.azatlyk.com/>), еженедельная газета министерства образования Татарстана (<http://www.magrifat.ru/>), общественно-педагогический научно-популярный журнал (<http://www.kros.ru/magarif/>).

Таким образом, современная языковая ситуация в местах компактного проживания татар Красноярского края, как показал опрос, является достаточно тревожной. Наиболее остро проблема сохранения татарского языка обнаруживается в городской среде. Основной сферой употребления татарского языка является бытовая. Однако, согласно полученным результатам, представители татарского этноса все больше предпочитают общаться между собой на русском языке. Велико значение средств массовой информации: газеты, радио, телевидения, а также праздников национальной культуры в поддержании этнического самосознания татарского народа, находящегося за пределами своей исторической родины.

Тем не менее, решающим фактором сохранения и развития татарского языка выступает желание самого народа общаться на своем языке, изучать его и передавать из поколения в поколение как духовную ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахтин Н.Б. Социолингвистика и социология языка / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. СПб., 2004.
2. Курултай татар Красноярского края 16 июля 2005 г. (материалы). Красноярск, 2005.
3. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков / Н.Б. Мечковская. М., 2003.
4. Национальный состав и владения языками, гражданство населения Красноярского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (Статистический сборник, № 8–60). Красноярск, 2006.

Г.К. Кеосиди¹⁷

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ КОШЕК В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Статья посвящена изучению особенностей цветообозначения кошек в русском языковом сознании. Экспериментальным путем выявляются ядерные и периферийные цветообозначения.

The article is dedicated to the study of peculiarities of cat colours in Russian linguistic consciousness. The core and peripheral colour namings have been revealed by the means of linguistic experiment.

Вопросы взаимосвязи национального сознания и языка того или иного народа волнуют ученых на протяжении многих десятилетий. Предпосылками к изучению данной проблемы послужили научные изыскания В. фон Гумбольдта, который подчеркивал национальную специфику любой культуры, находящей выражение в языке посредством внутренней формы [Гумбольдт, 2001]. Гипотеза лингвистической относительности, возникшая в лингвистике США под влиянием трудов Э. Сепира и Б. Уорфа, гласит, что язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладевая языком, его носитель усваивает определенное отношение к миру, отраженное в структурах родного языка, в которых хранится определенная система ценностей, складывающаяся в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка. Возникновение во второй половине XX века когнитивной лингвистики привело к появлению в науке категорий, позволяющих изучать взаимосвязь языка и культуры народа, которая устанавливается в его мышлении. Поэтому все больший интерес вызывают вопросы, затрагивающие проблемы национального языка и национальной картины мира.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, необходимо разграничивать непосредственную и опосредованную картину мира. Непосредственная картина мира может быть определена как когнитивная, которая являет собой «результат отражения мира органами чувств и мышлением человека, резуль-

¹⁷ Научный руководитель – д. филол. наук, проф., зав. кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета Л.А. Араева.

тат познания и изучения мира общественным или индивидуальным сознанием». В то время как «опосредованная картина мира – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Таковы языковая и художественная картины мира» [Попова, 2002. С. 4–11]. То есть языковая и когнитивная картины мира связаны между собой. Понятие цвет и явление цветовосприятия существуют практически в любой национальной картине мира, однако не все ученые признают их универсальность. Так, например, А. Вежбицкая не считает цвет универсальным человеческим понятием, не универсальны, по ее мнению, и «имена цвета» [Вежбицкая, 1997. С. 231–232].

В рамках данной статьи мы попытались описать особенности отображения цветообозначений кошек в русском языковом сознании.

Группа основных цветообозначений в русском языке, как выявили ученые, представляет собой «наивную картину» мира цвета и состоит из 12 цветоименований. Сюда входят так называемые «семь цветов радуги», а также черный, белый, серый, коричневый и розовый.

Для того чтобы выяснить, как отображается цветообозначение при описании окраса кошек в русском языковом сознании, мы провели классификационный эксперимент. В данном эксперименте принимали участие 62 испытуемых – студенты и молодые преподаватели Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета в возрасте от 17 до 30 лет. Испытуемые получили 2 задания. Сначала им было предложено написать те цветоименования, которые они используют для обозначения окраса кошек. Далее участникам эксперимента были представлены 54 цветные фотографии кошек разных пород и окрасов. По этим фотографиям респондентам необходимо было установить цвет животного, который, по их мнению, наиболее точно описывает окрас той или иной кошки.

Итогом первой части эксперимента явилось указание 48 различных названий цвета и оттенков. Ключевыми, ядерными цветоименованиями стали черный, белый, серый и рыжий цвета – 4 из 48. Эти четыре цвета назвали практически все испытуемые. Ближнюю периферию составили следующие цвета: дымчатый, коричневый, полосатый, пестрый / пятнистый, трехцветный / черно-бело-рыжий и черно-белый / бело-черный. Дальняя периферия оказалась представлена 37 цветоименованиями, т. е. именами цвета, указанными не более 7 раз. Таким образом, количественное распределение мнений испытуемых относительно названий цвета, употребляемых для описания окраса кошек, выглядит следующим образом: *черный* (58), *белый* (56), *серый* (53), *рыжий* (51), *дымчатый* (20), *коричневый* (18), *полосатый* (15), *пестрый / пятнистый* (15), *трехцветный / черно-бело-рыжий* (12), *черно-белый / бело-черный* (9), *пепельный* (7), *голубой* (6), *черепаховый* (5), *бежевый* (4), *персиковый* (4), *тигровый / леопардовый* (3), *синий* (3), *зеленый / зелено-черепаший* (3), *белоснежный* (2), *сери-белый* (2), *желтый* (2), *каштановый* (2), *цветной* (2), *угольный* (2), *бело-желтый* (2), *красный* (1), *оранжевый* (1), *лиловый* (1), *сиреневый* (1), *фиолетовый* (1), *серебристый* (1), *кремовый* (1),

пыльно-серый (1), молочно-белый (1), охра (1), пегий (1), грязный (1), перламутровый (1), бусый (1), колор-пойнт (1), табби (1), шоколадный (1), цвета кофе с молоком (1), песочный (1), альбинос (1).

Итак, следует отметить, что в данный список вошли все основные цветообозначения, характерные для русского языка, кроме розового. Встретились такие названия, как табби и колор-пойнт, что свидетельствует о том, что один из участников эксперимента имеет представление о терминологии, которая используется учеными и профессионалами для обозначения типа окраса и рисунка шерсти животных.

Напомним, что во второй части эксперимента испытуемые должны были записать цвет животного, изображенного на фотографии. Для предъявления испытуемым было отобрано 54 фотографии котов и кошек различных пород и окрасов. Намеренно были выбраны картинки, изображающие животных одного окраса, но разных пород, а также на нескольких фотографиях были представлены животные необычной породы ла-перм, которую многие испытуемые видели впервые. Представим результаты данной части эксперимента в виде таблицы (подробное описание результатов, отраженных в таблице, дается ниже).

Цвет животных	Цвет, названный испытуемыми (ядро и периферия)
эбони / черный	черный (88), угольно-черный (12), темно-черный (3), чисто-черный (2), черный с синим отливом (2), сине-черный, темно-черный, серый, смоляно-черный, темно-коричневый с черным отливом, угольно-черный, коричнево-желтый, желтый; черно-синий, чернейший, иссиня сильно-черный, цвет пантеры, дьявольски черный, черный с отливом, ярко-черный, глубокий черный, синий (1)
белый	белый (98), белоснежный (16), снежно-белый (14), беленький (6), белый с голубыми глазами (3), лысо-белый (3), светло-белый (3), бело-голубой (3), снежный (2), грязно-белый (2), серо-бело-розовый (2), белейший, цвет пушка, цвет летних облаков, бело-серебристый, бело-сиреневый, бело-белый, девственно-белый, мягкий бело-голубой, пушисто-белый, арктически-белый (1)
красный	рыжий (46), рыже-белый (18), ржавый (8), рыже-коричневый (4), огненно-рыжий (5), бело-рыжий (5), золотисто-рыжий, красно-рыжий, рыже-розовый, рыже-оранжевый, красный, рыже-молочный, ярко-рыжий, персиковый, светло-рыжий, апельсиновый, нежно-рыжий, бежевенький, хомячковый, светло-оранжевый, кленовый, пятнисто-рыжий, узорчатый, ковер, янтарный, размытый коричневый, цвета хны с разводами, цвет блина, оранжевый, кирпичный, медовый, песочный (1)
голубой	серый (50), темно-серый (21), дымчатый (15), пепельный

	(16), стальной / с металлическим оттенком (12), серебристый (6), голубой (5), синий (4), сине-дымчатый, серо-синий, ро-голубой / голубо-серый, сливовый, серо-розовый, чужно-серый, серо-белый / бело-серый, цвет асфальта, серо-зеленый, бурый, серо-палевый, пегий, каменно-серый, иссиня-серый, угольно-серый, пепельно-розовый, породисто-серый, пепельно-русый (1)
шоколадный	коричневый (33), темно-коричневый (15), рыжий (7), бурый (7), каштановый (3), шоколадный (4), красный (2), угольный (2), бордовый (2), цвет бурого медведя, коричнево-красный / красно-коричневый, буро-рыжий, огненно-коричневый, ржавый, кирпично-красный, коричнево-бордовый, коричнево-сиреневый, коричневый с черным отливом, кирпичный, коричнево-серый, цвет сердолика, лавовый, черно-коричнево-желтый, красно-бурый пыльный
лиловый	Серый / серенький (33), светло-серый (19), бело-серый / серо-белый (12), дымчатый (7), грязно-белый (5), бледно-серый (3), серебристый (3), белый (4), грязно-серый, серо-розовый, цвета грязного снега, сиреневый, серо-бело-сиреневый, молочный, голубой, цвета слоновой кости, мягко-белый, седой, серо-голубой, снежно-пепельный, красновато-серый (1)
кремовый	рыжий (21), персиковый / светло-персиковый (16), светло-кремовый / кремовый (13), светло-рыжий (12), бежевый (9), песочный (6), охристый (3), крем-брюле (3), телесный (2), светло-коричневый, грязно-белый, молочный, детская неожиданность, цвета шампанского, цвета персидского ковра, медово-рыжий, коричневый, палево-грязный, нечто (1)

Испытуемым было предъявлено 2 фотографии животных черного окраса, но разных пород: черной ориентальной кошки, цвет шерсти которой носит название эбони, т. е. черный, блестящий цвет с синеватым отливом, и черной кошки британской породы. Как видно из таблицы, ядро в обоих случаях составляет черный цвет, однако указание на блестящую структуру шерсти и синий отлив гораздо чаще дается при описании кошки британской породы, хотя эти черты не отражены в официальном названии цвета, который именуется просто как черный. Для того чтобы подчеркнуть яркость и насыщенность окраса, испытуемыми были даны следующие ответы: *чернейший*, *иссиня сильно-черный*, *дьявольски-черный*, *черный с отливом* и даже *синий*. При описании животных *белого* цвета ядерным оказался белый цвет, однако периферию составили различные оттенки и сочетания белого цвета в зависимости от породы кошек. Так, например, при описании котенка британской породы 3 испытуемых назвали его *беленьким*, подчеркивая, таким образом, возраст животного и свое отношение к нему. При характеристике цвета ориентальной кошки и турецкой ангоры встречалось указание на длину шерсти,

поэтому были названия – *лысо-белая, пушисто-белая*. То есть, когда испытуемые считали недостаточным употребление прилагательного *белый* для описания цвета животного, они использовали различные ассоциации, которые, по мнению респондентов, наиболее точно описывали увиденный цвет (например, *снежно-белый, белоснежный* и др.). При описании кошек *красного* цвета (именно такой цвет признается учеными и специалистами-фелинологами) ядро составил рыжий цвет, периферия оказалась представлена всевозможными сочетаниями рыжего цвета с такими названиями цвета, как *золотой, оранжевый, красный, коричневый, огненный, медовый, кирпичный, песочный*.

Описывая кошек голубого окраса трех разных пород, чаще всего испытуемые использовали *серый* цвет, который и составил ядро, на периферии оказались *голубой, синий, сливовый, дымчатый, пепельный, серебристый* и их различные сочетания. Употребление этих имен цвета основано на интуитивном сходстве, т. е. все они отнесены в одну группу. Только 5 участников эксперимента называли кошек *голубыми*, что соответствует официальному названию их окраса.

Следующий цвет, предъявленный испытуемым, был *шоколадный*. В языковом сознании участников эксперимента ядерным стал *коричневый* цвет, периферию заняли разные сочетания и оттенки этого цвета, среди которых также *рыжий, бурый, бордовый, красный, каштановый*.

При описании кошек *лилового* цвета испытуемые чаще всего использовали *серый* цвет, который и составил ядро данной группы. Периферию образовали *белый, бежевый, дымчатый, сиреневый, голубой* цвет, а также следующие оттенки и сочетания: *грязно-белый, бело-серый, бледно-серый, светло-серый, грязно-серый, серо-голубой*. Ни один из испытуемых не упомянул лиловый цвет, очевидно, считая этот цвет неподходящим для описания окраса кошек.

Кошки *кремового* цвета в сознании русских людей отображаются как *рыжие* или *персиковые*, однако упоминание собственно кремового цвета было достаточно частым, много примеров имен цвета были основаны на сходстве по каким-либо признакам с определенными продуктами или предметами быта, которые окружают человека. Так, можно было встретить такие наименования, как *крем-брюле, цвета шампанского, цвета персидского ковра, детская неожиданность, кофейный, какао с молоком*.

Итак, мы рассмотрели названия основных цветонаименований, используемых для описания окраса кошек. Однако существует огромное разнообразие цветовых вариаций и типов рисунка на шерсти животных и описать их все в одной статье просто невозможно.

Хотелось бы остановиться на животных *черепахового* окраса, т. е. кошках, в окрасе которых в разных сочетаниях присутствуют черный, рыжий, белый цвет, поэтому при описании этих животных можно столкнуться с наименованием трехцветные или перечислением типа *бело-черно-коричневый, черно-бело-рыжий* и под. Некоторые испытуемые называли таких кошек *черепаховыми*, как это и принято в официальной терминологии. Один из рес-

пондентов цвет кошки черепахового окраса назвал *счастливым*, это соответствует поверью, что такие кошки приносят удачу, счастье. Если речь шла о животных, на шерсти которых есть рисунок, то их часто называли просто *полосатыми, пятнистыми / пестрыми или цветными, тигровыми* или *леопардовыми*, кошки с черно-белыми полосами получили наименование – *зебра*, т. е. испытуемые ассоциировали кошек с дикими животными, основываясь на сходстве по цвету и месту расположения пятен или полосок. Встретилось также наименование далматинец, т. е. название породы собаки было использовано для описания пятнистой кошки.

Интересная картина получилась, когда испытуемым было предложено описать неизвестную для них породу ла-перм. Особенностью данной породы является жесткая кудрявая шерсть, и именно эта особенность стала главной при описании цвета кошек этой породы. Мы получили следующие наименования: *кудрявый, коричнево-кудрявый, дрябло-серый, завитой, коричневый в катышку, кучеряво-ржавый, кудряво-непонятный, грязно-коричневый, африканец, бомж*. Очевидно, последние два названия могут быть объяснены ассоциациями, которые возникли у участников эксперимента при рассмотрении фотографий этих животных. Причем наименование *африканец* скорее связано с ассоциацией, основанной на сходстве по структуре шерсти, а *бомж* – по цвету.

Наши экспериментальные данные свидетельствуют о том, что в быденном сознании русских людей в качестве основного спектра цветообозначений кошек выделяется всего четыре наименования – *черный, белый, серый, рыжий*. Это вполне согласуется с мнением ученых, считающих, что существует два основных окраса котов – *черный* и *рыжий (красный)*, а все остальные цвета и оттенки получаются в результате генетического смешения указанных двух. Необходимо отметить, что, несмотря на два генетически обусловленных цвета, фелинологии выделяют семь основных цветоименований (*белый, черный, красный, голубой, шоколадный, лиловый, кремовый*), которые образуют ядро в научном языковом сознании. Таким образом, количество ядерных имен цвета, используемых для описания окраса кошек, в быденном и научном сознании русских людей различно.

При зрительном восприятии цветообозначение конкретной кошки в языковом сознании людей представлено большим цветовым спектром. Здесь наблюдаются не только основные цвета и оттенки, но и их смешение. Часто цвет животного в сознании людей не соотносится с теми цветами, которые определяют животным фелинологи – *русская голубая, лиловая (британская короткошерстная), красная* (ориентальная кошка) и др. Как правило, говорящие называют окрас таких кошек *серым, рыжим*, а также с использованием цвета предметов окружающей среды – *дымчатый, пепельный, седой, грязно-серый, цвета грязного снега, стальной, каменно-серый, лавовый, кирпичный, морской, крем-брюле, детская неожиданность, цвета шампанского, медово-рыжий, цвет асфальта, земляной, угольный* и др. Употребление подобных цветоименований, а также названий типа *мышино-серый, тигровый, леопардовый, черепаховый, хомячковый, песцовый, цвет норки, цвет*

пантеры, оттенок льва, цвет гималайского медведя, шиншилла, белка, цвет снежного барса для описания окраса кошек свидетельствуют о дискурсивности мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М., 1997.
2. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М., 2001. С. 35–298.
3. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2002.

А.Е. Колегова¹⁸

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ ЧАСОВ)

В данной работе рассматриваются основные особенности и подходы к созданию рекламного текста для продвижения такого товара, как часы.

Some special things and methods of advertising text for wrist-watches are looked at this work.

Рекламный текст – «сложное семиотическое целое, представляющее собой свободную – как линейную, так и нелинейную – последовательность знаковых единиц, максимально приспособленное для выполнения главной задачи – продвижения на рынок рекламируемого продукта» [Блинкина-Мельник, 2003. С. 56]

В данной работе мы хотели проанализировать рекламные тексты, выявив основные особенности, общие черты и закономерности, на примере рекламы часов. Прежде всего, следует сказать, что, выбирая канал рекламной коммуникации, мы исходим из специфики самого товара. В данном случае часы являются таким товаром, который не рекламируется по основному рекламному носителю – телевидению. [Кафтанджиев, 1995. С. 47]. Таким образом, главное сосредоточение рекламной информации о данном виде товара находится в журналах (специализированных и неспециализированных).

Анализ исследуемого материала показал, что реклама часов имеет ряд особенностей, а именно:

¹⁸ Научный руководитель – к. филол. н., доц. Т.В. Тарасенко.

визуальная демонстрация товара;
визуально-вербальная демонстрация часов;
рассмотрим особенности первой группы.

Демонстрация часов, без использования слогана или сверхкороткого утверждения. В рекламном тексте выделяется только название марки. Как правило, рекламный макет иллюстрируется непосредственно только самими часами. Например, данным приемом пользуются производители часов «Harry Winston», «RADO», «Maurice Lacroix», VALENTINO и др.

В данном случае особую роль играет цветовой компонент рекламы. Тема эффективного использования цвета в рекламе очень актуальна, по ней написано немало работ, авторами которых выступают как психологи, так и специалисты в области рекламы. Проанализировав тексты рекламы часов, можно сделать вывод о том, что в основном используются глубокие темные спокойные цвета и оттенки (темно-синий, черный, темно-коричневый), символизирующие богатство, стабильность, доверие [Пушкарев, 1992. С. 73].

Использование в рекламе узнаваемого лица. В свое время Иоганн Гете жаловался на то, что для повышения продаж товаров его портретами украшают чашки, курительные трубки и другие предметы обихода. Сегодня эту роль выполняют знаменитости, они участвуют в рекламных кампаниях различных товаров и услуг, в том числе и часов. Многие марки прибегают к этому способу рекламирования товара, например такие, как «TAG Heuer» (*Мария Шарапова (теннисистка)*), «LONGINES» (*Олег Меньшиков, Одри Хепберн (актеры)*), «ROLEX» (*Рожер Федерер (теннисист)*) и др. Тем самым они перетягивают имидж самого коммуниканта на свой товар. Например, Дима Билан стал новым лицом Chronotech, как говорят сами производители о своем выборе: «Кто, как не Дима Билан, мегазвезда и победитель многих конкурсов, лучше остальных сможет понятно для рядового потребителя выразить философию бренда? Быть ярким и неординарным, современным и успешным, таким, как признанный кумир молодежи и законодатель моды — Дима Билан».

Далее проанализирована вторая группа особенностей рекламы часов. Если в первой рекламный текст не предусматривал использование слогана, акцент делается только на визуальную составляющую, то во второй слоган — это ключевой момент в рекламном послании, основная мысль рекламного сообщения, которая расставляет следующие акценты.

Подчеркивается высокое качество часов, лучшие традиции часового дела:

ZENITH. SWISS WATCH MANUFACTURE. SINCE 1865 («ZENITH»)
BOVET. 1812. («BOVET»)

Поэзия времени... («Van Cleef & Arpels»)

Неподвластно временам. («AUDEMARS PIGUET»)

Искусное мастерство. Мастерское искусство. («GLASHUTTE»)

Абсолютный эталон. («CHOPARD»)

Завтрашняя классика. Tomorrow's classics. («Maurice Lacroix»)

Безупречное исполнение. Абсолютная точность. («BREITLING»)

Более 250 лет непрерывной истории. («VACHERON CONSTANTIN»)
 Часы как «дорогое удовольствие»:
 Шедевр, которым восхищаются, но немногое обладают. («MONT
 BLUNK»)
 Only the best is good enough... («BOVET»)
 Часы для немногих с 1791 года. («GIRARD PERREGAUX»)
 Позавидуй себе. Envy yourself. («CARLF. BUCHERER»)
 Часы как элемент стиля, образа жизни:
 Shock your time («Chronotech»)
 Воплощая вечную женственность... («Brequet»)
 What are you made of? («TAG Heuer»)
 Elegance is an attitude. («LONGINES»)
 Для тех, над кем не властно время. («CARLF. BUCHERER»)
 Камилла Линд, модель. Не боится становиться старше.
 («CARLF. BUCHERER»)
 Обращаться осторожно... необязательно. («IWC INGENIUR»)
 Живи со страстью. Live your passion. («FRDERIQUE CONSTANT
 GENEVE»)
 Где вы рассчитываете на помощь этого шедевра? На стартовой линии.
 («ROLEX»)
 Время твоих побед! («ROLEX»)
 Итак, мы проанализировали 200 рекламных текстов различных глянце-
 вых журналов, таких как Cosmopolitan, Glamour, Vogue, Дорогое удовольст-
 вие, Playboy, Maxim и др., предназначенных как для мужчин, так и для жен-
 щин.
 Анализ материала показал, что методы рекламирования часов предпо-
 лагают как общие черты, так и частные особенности подачи рекламного тек-
 ста.
 Но основное, на мой взгляд, это не художественно-изобразительные
 изыски или изящество словесной формы (творческое самовыражение), а точ-
 ность, яркость и доступность рекламного образа, многообразие и направлен-
 ность ассоциативных связей, не изощренная, а максимально работающая на
 коммуникацию композиция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинкина-Мельник М.М. Рекламный текст / М.М. Блинкина-Мельник. М., 2003.
2. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы / Х. Кафтанджиев. М., 1995. С. 47–65.
3. Пушкарёв Н.С. Искусство рекламы / Н.С. Пушкарёв. Казань, 1992.

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрена роль заимствований из польского в истории русского языка.

In this article role of Polish borrowings in the Russian language has been analysed.

Современная лингвистика уделяет большое внимание процессу заимствования. Особенно много работ посвящено заимствованиям из французского, немецкого, латыни и многих других языков. Однако в обширном перечне работ на эту тему явно недостает исследований, посвященных польскому языку как одному из источников пополнения словаря русского языка.

В задачу настоящей статьи входит рассмотрение основных этапов и причин заимствования из польского языка. Объектом исследования являются полонизмы, предметом – процесс их заимствования и освоения. Источниками исследования послужили словари: толковый словарь заимствованных слов Л.П. Крысина, этимологические словари М. Фасмера и под редакцией О.Н. Трубачева, а также данные, извлеченные из трудов историков русского языка (В.В. Виноградова, Б.А. Ларина). В результате выборочной расписки была составлена картотека, насчитывающая около двухсот тридцати единиц.

Известно, что русско-польские отношения в разные периоды истории были достаточно сложными. История взаимоотношений двух народов противоречива. Она включает близость и отчуждение, обиды и дружбу, восхищение и опасения, чувства величия и неполноценности. Нет другого такого народа, к которому поляки относились бы так противоречиво, как к русскому.

Контакты России с Польшей начались давно – еще с XI века, когда дети киевских князей вступали в брак с польскими наследниками, когда поляки активно участвовали в русских междоусобицах. В XIV веке государственной религией в Польше становится католичество. В результате этого произошел раскол между двумя странами, и в конце XV века состоялся массовый отъезд православных польских князей в Москву. Отношения между Россией и Польшей в XVII в. можно определить такими словами, как непроходящая вражда, постоянные войны. Правда, уже в кон. XVII в. – нач. XVIII в. отношения между двумя странами нормализуются: Россия объединяется с Польшей.

¹⁹ Научный руководитель – д. филол. н., проф. О.В. Фельде.

шей (входившей в состав Речи Посполитой) против шведов (Северная война – 1700–1721 гг.). XIX – XX вв. – время вражды между двумя государствами (восстания, войны).

Все эти исторические события, несомненно, повлияли как на русскую историю и культуру, так и на характер русско-польских языковых контактов. Полонизмы получают широкое распространение в русском языке начиная с XVII в. Особенно высока была частотность их употребления в речи дворян. В состав бытового словаря высшего общества вошли, например, такие польские лексические заимствования, как *вензель*, *канцелярия*, *место* (город), *особа*, *посольство*, *опека*, *пекарь*, *писарь*, а также *гарнец* в значении «мера сыпучих тел, равная 3,28 л, бывшая в ходу в России до введения метрической системы» и *кармазин* в значении «старинная суконная ткань красивого цвета» и др. В XVII веке польский язык выступает чаще всего в роли языка-посредника: «Польский язык в XVII веке выступает в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий» [Виноградов, 1978. С. 14]. Так, например, немецкие по происхождению слова *рисунок*, *кухня*, *бляха* проникли в русский язык через посредство польского. Получили широкое распространение в русском языке и польские кальки немецких слов: *духовенство* (*Geistlichkeit*), *мещанин* (*Burger*), *обыватель* (*Bewohner*) и др., а также латинизмы в польской переработке: *оказия*, *персона*, *приватный*, *презентовать*, *мизерный* и т.п.

В первом десятилетии XVIII в. влияние польского языка по-прежнему очень сильно. Роль польского языка как языка-посредника еще сохраняется, хотя наряду с ним появляются новые языки-посредники: голландский, английский, шведский, датский, немецкий. В это время были заимствованы через польское посредство такие слова, как *каналья* (из франц. яз.), *канонизация* (из лат. яз.) Однако к 20-м годам польское языковое влияние ослабевает. Оно сохраняет свое значение лишь в сфере духовного школьного образования. Все это происходит потому, что отличительной чертой Петровской эпохи является «тяготение к языкам наиболее развитых западноевропейских стран и к общеевропейским лексическим элементам [История лексики РЛЯ, 1981. С. 61]. И если до Петра переводы с польского – обычное дело, многочисленные, то при Петре их уже почти нет, т. к. «увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство» [Соболевский, 1903. С. 49].

Первая треть XIX века входит в историю русского литературного языка как эпоха активного формирования норм литературного словоупотребления, как эпоха упорядочения лексики, «оценки языкового материала с точки зрения нормативности, литературности» [История лексики РЛЯ, 1981. С. 16]. В этот период продолжает широко использоваться лексика, унаследованная от предшествующих эпох. Углубляется процесс освоения литературным языком собственно русских слов, книжно-славянских и заимствованных. У многих из них начинают формироваться новые значения и употребления. Для пушкинской эпохи характерен быстрый темп освоения не только тех иноязычных слов, которые проникли в состав русской литературной лексики в предшест-

вующее время, но и слов, только начинающих входить в русскую речь в эти годы. Приток иноязычных слов поддерживал существование вариативности в языке.

Лексические заимствования из славянских языков в последние десятилетия XIX – нач. XX в. были немногочисленны, хотя внешние для развития лексической системы факторы создали чрезвычайно благоприятный климат для их приятия и усвоения (события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., способствовавшие подъему патриотических настроений в России, осознанию ее связей со славянским миром). Польские заимствования в основном были привнесены политической литературой, хотя художественное влияние было тоже весьма значительным. Существенно в этой связи и то, что многие деятели русской революции были выходцами с юго-запада, в частности из Польши. Сам круг польских заимствований этого времени малочислен: *брутальность* от польского *брутальный*, *маевка*, с 80-х годов, сначала в значении «празднование первого дня месяца мая», к концу века это слово получило в рабочих кружках новое значение – «собрания рабочих для беседы по общественным вопросам или политического восприятия», *массовка* – «митинг», *шпик* – «сыщик, тайный агент полиции». Одна из особенностей лексического развития этого периода – быстрое превращение неологизмов в историзмы.

Судьба полонизмов в русском языке сложилась по-разному. Значительная часть полонизмов прочно вошла в словарный состав русского языка.

В том же значении, что и в польском, используются такие общеупотребительные слова, как: *мазурка*, *дивизия*, *шинок*, *шлях*. Ушли в пассивный запас и отмечены словарями как устаревшие *цирюльник*, *фармазон* (вольнодумец, нигилист), *чинш* (в период феодализма в Западной и Центральной Европе: регулярный фиксированный оброк), *фузея* (старинное кремневое гладкоствольное ружье), *маркитант* (торговец преимущественно съестными припасами и напитками, сопровождавший армию в походе), *лядунка* (сумка для патронов у кавалеристов, носившаяся на перевязи через плечо), *шпак* (презрительное наименование военными штатского человека).

Некоторые слова в процессе заимствования претерпели существенные семантические сдвиги. Например, слова *амбиция* (в России: обостренное самлюбие, а также спесивость и чванство, в Польше: чувство собственного достоинства); *кавалер* (заимствовано из польского в XVI веке и вначале использовалось в значении «дворянский титул», в XVII веке – «лицо, награжденное каким-л. орденом», в XVIII веке – «мужчина, занимающий даму в обществе» [Крысин, 2008. С. 291]. С.И. Ожегов дает два определения слову «кавалер» в современном русском языке: 1) «лицо, награжденное каким-л. орденом», 2) «мужчина, танцующий в паре с дамой», при этом отмечает, что значение «мужчина, занимающий даму в обществе» является устаревшим) [Ожегов, 1983. С. 231]. Иное значение, чем в польском, имеет в русском языке и слово *гонор*. В польском оно используется в значении «честь», в русском – «самоуверенность, заносчивость». Примечательна в этой связи также история слова *квартира*. Первоначально оно было заимствовано в форме *квартие*

ра из польского языка (в XVII веке) и использовалось в значении «военный постой, участок (в огороде), квартал, четвертая часть чего-л.» [Крысин, 2008. С. 300].

Не будем также забывать, что польский язык был посредником таких общеизвестных слов, как *каникулы, буханка, куртка, кухня, мелодия, музыка, нация, папирота, рынок, таблица, танец, фартук, канцелярия, циркуль, лекция*; названия наук: *химия, медицина*, многое из военной лексики: *шеренга, ротмистр, рекрут, мушкет, лейб-гвардия* и др.

Таким образом, польский язык сыграл важную роль в формировании лексики русского национального языка. Это следует знать каждому филологу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. М., 1978.
2. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Академия наук СССР. М., 1981.
3. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.) / Б.А. Ларин. М., 1975.
4. Соболевский, 1903

СЛОВАРИ

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. М., 2008.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М., 1983.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1986.
4. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974.

Ю.В. Лисичкина²⁰

ТЕМА ЧАЕПИТИЯ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В данной работе рассматриваются основные традиции чаепития таких стран, как Англия и Россия, а также как эти особенности влияют на формирование рекламного текста различных торговых марок чая.

This work consists of comparing Russian and English traditions of drinking tea in advertisements. Also there are a few ways and methods of advertising Russian tea companies.

²⁰ Научный руководитель – к. филол. н., доц. Т.В. Тарасенко.

Чай – самый популярный напиток в мире. И во многом благодаря своей чудодейственной способности ободрять умственно и физически. Недаром древние китайцы называли его «огнем жизни».

Родина чая – Китай, именно китайцы первыми начали выращивать этот кустарник. Они же ввели обычай пить чай из белой фарфоровой посуды, глазурированной изнутри, чтобы можно было оценить цвет заваренного напитка.

К XV веку в Китае было известно более 100 сортов чая, причем начиная еще с V века китайцы стали торговать чайным листом с другими странами. По Великому шелковому пути товар поступал в Среднюю Азию, Византию, Рим. А в Европу в XVI веке чай завезли португальцы. Голландия, Франция с удовольствием употребляли этот вкусный и полезный напиток, но наибольшую популярность он приобрел в Великобритании. Здесь даже возникла традиция, которая сохраняется до сих пор: каждый день в 17 часов англичане пьют чай – Afternoon Tea, или Five-o'clock Tea (великий Льюис Кэрролл посмеялся над национальной педантичностью, заставив Мартовского Зайца и Безумного Шляпника вечно пить чай не в пять, а в шесть вечера) [Павловская, 2005].

В Россию чай впервые попал в 1567 году. Обычно восточные правители преподносили в дар русским царям чайные листья. Однако в нашей стране чай распространился не сразу. Виной тому являлась плохая информированность о способах заваривания чая. Очень популярна в народе была песенка о незадачливом лакее, который готовил чай для своего господина и по незнанию приправлял его перцем, луком и петрушкой. А когда был наказан, в недоумении рассуждал – чего же он забыл положить? И догадался, что в чае не хватало соли!

А вот в конце XIX века, с развитием в России железных дорог, чай стал быстро распространяться среди народа. Недорогой напиток пили все – и богатые, и бедные. Начали складываться свои традиции чаепития, которые хорошо описаны в художественной литературе. Чай любили пить из блюдечка, шумно втягивая в себя напиток и при этом причмокивая.

Предпочитали сахар-рафинад, так как считалось, что песок делает чай мутным и некрасивым. К чаю подавали закуски – пироги – соленые и сладкие, пряники, конфеты, баранки, варенье и так далее. Дамы пили чай из чашек, а мужчины из стаканов с подстаканниками. И, конечно, истинно русское чаепитие отличалось душевной беседой...

В других странах тоже есть свои традиции чаепития. Например, в Германии первоначально чай считали только лекарственным растением, и доктора назначали его больным вместо супа. Позднее там стали популярны «чайные танцы» – пары танцевали, держа в руках чайные чашки.

В Америку чай привезли английские колонисты. В 1904 году там проходила Всемирная выставка чая. Но погода стояла жаркая, и посетителям не хотелось пить в жару горячий чай. И тогда один из предпринимателей, раздосадованный отсутствием внимания к своей продукции, бросил в чашку с чаем кусочек льда. Полученный напиток ему понравился и вскоре освежаю-

щий чай со льдом получил большое распространение в Америке, особенно в южных штатах [Барыбин, 2005].

Чай стал популярным напитком во многих странах мира. Мы же с вами рассмотрим традиции чаепития в России и Англии.

Как явление повседневной культуры чаепитие обладает рядом качеств, поддерживающих устойчивость традиции. Это временная повторяемость процедуры (утренний, послеобеденный, вечерний чай), определенная завершенность церемонии. Чаепитие может быть рассмотрено как процесс, имеющий завязку – кульминацию – завершение, событие (праздник, прием гостей), ритуал (во время застолья процедура чаепития означает окончание мероприятия).

Чаепитие имеет свой диапазон состояний, настроений – атмосферу, которая соотносится с удовольствием, наслаждением, гармонией тела и духа, и в этом своем качестве феномен чаепития сродни русской бане. Чайная церемония как ситуативное действие способствует социально-ролевому «раскрепощению» участников, отражает ментальные коммуникативные стереотипы русских: эмоциональность, коллективность, гостеприимство. Такие стереотипы и служат опорой для специалистов, которые придумывают названия и слоганы для марок чая («*Лисма. Дарит радость общения!*», «*Чай Никитин. Ваш уютный мир!*»).

Как предмет изучения русское чаепитие объективирует различные проблемные поля: иерархию ценностей, приметы обыденной жизни, смысловую семиосферу – концепты «дом», «семья», «счастье» («*Чай Никитин. Крепкий чай для крепкой семьи*», «*Майский чай. Когда вас любят и понимают*»). А также свои ритуалы и символы (самовар, приход гостей, праздник). Данный феномен можно отнести к явлениям, которые существуют не только в «привычке сознания», но и имеют традицию интерпретации в художественных (от Мухи-Цокотухи К. Чуковского до «Шинели» Н.В. Гоголя), визуальных (от В. Поленова, Б. Кустодиева до современного художника А. Петрова) текстах русской культуры.

Фактически весь ввозимый в Россию до середины XIX века чай «оседал» в районе, крайней северной точкой которого был Петербург, а крайней юго-восточной – Казань. Львиную долю забирала Москва (более 55–60 %), остальное рассеивалось по другим городам и помещичьим усадьбам Центральной России. Вероятно, отсюда и слоганы некоторых торговых марок («*Чай Московский – для всей России.*», «*Императорский. Чай всяя Руси*»)

Внедрение и распространение чая в России происходило на подготовленной почве, и основная особенность, причина популярности чая была в самой церемонии, правда, адаптированной к психологии русского человека.

Русская церемония чаепития направлена на – объединение духовного мира людей, собравшихся за столом, раскрытия каждой отдельной души перед обществом, семьей, друзьями, получение новых знаний. Чаепитие создает условия для душевного разговора: *Выпей чайку – забудешь тоску.*

Уже в летописях встречаются первые упоминания о традициях чайных посиделок. Пить чай нужно было медленно. В старой Москве пили чай четыре раза в день, в Пскове – шесть раз в день и больше.

Однако, пить русский чай означало пить чай заваренный (англичане, как замечает Гончаров, «*варят его по своему обыкновению, как капусту*») и с сахаром - для иностранца русский чай «*какой-то приторный напиток*».

Главный секрет успеха «китайского листа», покоровшего Англию, заключается в характере самих англичан. Эта аккуратная деловая нация, склонная к спокойной размеренности быта, быстро обнаружила, что новый напиток обладает еще одним замечательным свойством: с его помощью можно четко организовать и распланировать каждый день. Древний напиток стал частью неизменного распорядка дня, в соответствии с которым старая добрая Англия живет с утра и до вечера. Он приносит в дом уют и хорошее настроение. («*Greenfield. Не меняет мир. Меняет настроение*», «*Ahmad. Секрет хорошего настроения*»).

Обычный англичанин выпивает в день не менее шести чашек чая. Утренний, самый ранний чай, пьют около шести часов утра, порой прямо в постели. Затем чай подают около восьми, во время первого легкого завтрака.

Английские традиции всегда манили своей изысканностью, утонченностью и аристократичностью, а английский чай всегда был истинным символом качества.

Поэтому многие марки делают упор именно на происхождении чая («*Истинно английский чай Ahmad*», «*Brooke Bond. Неизменно английский. Неизменно крепкий*») [Похлебкин, 2001].

В одной статье о рекламе автор (Елена Громова) говорит о том, что в концепции продвижения новой марки необходимо использовать такие речевые штампы, которые очевидным образом отражали бы уже существующие в представлении потребителя качества идеального продукта. Только тогда новое название или слоган точно попадает в цель и начинает аутентично восприниматься представителями целевой группы, что в свою очередь может способствовать успеху товара на рынке.

Важную роль играет поиск подобного рода устойчивых речевых штампов, так называемых «ключей» к сознанию потребителя. Психосемантический ключ рекламной концепции должен раскрывать основные ценности, существующие в сознании потребителя относительно изучаемого продукта, и гарантировать отсутствие отрицательных эмоций, отражая при этом высокое качество продукта.

Ярким примером идеально подобранного ключа является название марки чая «Беседа», а также абсолютно всех слов, использованных в тексте его рекламы: «*Чай Беседа – это уникальное сочетание высших сортов листового и гранулированного чая!*»; «*Чайные листья придают этому напитку неповторимый вкус и свежий аромат, а гранулы – крепость и красивый интенсивный цвет!*»; «*С чаем «Беседа» в вашем доме будет тепло и уютно!*»; «*Чай «Беседа». Создан дарить тепло!*»; «*Беседуйте на здоровье!*».

Рассмотрим каждое из выделенных слов рекламной концепции и само название через призму психосемантических полей. При их конструировании на основе пересечений индивидуальных ассоциативных рядов относительно слова «чай» наглядным образом выявляются те понятия, которые присущи идеальному чаю в сознании типичных потребителей, а именно: красивый, насыщенный цвет; приятный, душистый аромат; бодрящая крепость; приятный, насыщенный вкус.

Исследования показывают, что в сознании большинства представителей данной целевой группы существует устойчивая связь между словами «чай» – «дом» – «тепло» – «уют». Эти слова также нашли свое отражение в рекламном тексте, особенно удачным можно считать слоган «Чай «Беседа». Создан дарить тепло». При этом следует отметить, что в блоке ценностей домохозяек старшего поколения под словами «тепло» и «уют» понимается результат их труда по созданию собственного дома. В то время как женщины младшего поколения вкладывают в эти слова иной смысл – тепло человеческих взаимоотношений. Тем не менее, и в том, и в другом случае связка «дом – тепло – уют – чай» является ключом к аутентичному восприятию рекламируемой марки представительницами различных поколений.

И интересно отметить, что старшая возрастная группа зачастую употребляет чай, чтобы избавиться от отрицательных эмоций, возникающих под воздействием стресса, заболевания, усталости, отсюда возникает психосемантическая связка «чай – бодрость – здоровье – радость». Таким образом, если чаепитие – это беседа, в результате которой человек обретает бодрость, радость и, в конечном счете, здоровье, то логично из всего вышесказанного появляется выражение «Беседуйте на здоровье» [Громова Е. Электронный ресурс].

На примере чая «Беседа» можно увидеть, как российские производители чая используют особенности восприятия чаепития русским человеком.

Таблица 1. Слоганы английских марок чая.

Марка	Слоган	Ключевые слова
Dilmah («Дилма»)	Энергия нового вкуса, энергия новой жизни!	энергия
	Dilmah. Традиционное качество	качество
Twining's («Твинингс»)	Twining's. Чай, каким он должен быть	качество
Lipton («Липтон»)	Лучшее в чае, лучшее во мне	качество
	Lipton. Знак хорошего вкуса	качество
	Вся сила чайного листа	качество, вкус
Ahmad («Ахмад»)	Истинно английский чай «Ахмад»	принадлежность, качество

	Ahmad. Секрет хорошего настроения	эмоции
Greenfield («Гринфилд»)	Greenfield. Не меняет мир. Меняет настроение	эмоции
Brooke Bond («Брук Бонд»)	Неизменно английский. Неизменно крепкий	принадлежность, вкус
	Brooke Bond. Будь на высоте!	эмоции
	Brooke Bond. Заряжает на все 100!	бодрость
Pickwick («Пиквик»)	Крепкий как дружба, горячий как любовь	ценности

Таблица 2. Слоганы русских марок чая.

Чай «Никитин»	Ваш уютный мир	уют
	Крепкий чай для крепкой семьи	семья
«Беседа»	Беседуйте на здоровье	беседа, здоровье
	Создан дарить тепло	тепло, уют
«Чайная долина»	Чайная долина – гармония жизни	гармония
Чай «Московский»	Чай «Московский» – для всей России	территория
Чай «Императорский»	Императорский. Чай всея Руси	территория
Чай «Кавалер»	Кавалер. Отличный чай на любой вкус	разнообразие
Чай «Баловень»	Всегда популярен	популярность
«Майский чай» (с 2003 – «Майский»)	Когда вас любят и понимают	эмоции
	«Майский». Когда вас понимают	эмоции
	«Майский чай» – любимый чай!	эмоции
	Любовь безгранична!	эмоции, чувства
Чай «Бодрость»	ОтЧАЯнная бодрость!	бодрость
«Лисма»	«Лисма». Дарит радость общения!	общение, эмоции
	«Лисма» – чай, доступный по цене	цена

Необходимо понять, насколько традиции чаепития определенной стране, представления потребителей об идеальном чае влияют на позиционирование торговой марки производителем. Сравнив данные таблицы 1 и таблицы 2, можно утверждать, что англичане – более педантичный и консервативный народ, для них важный показатель – качество, а русский человек более эмо-

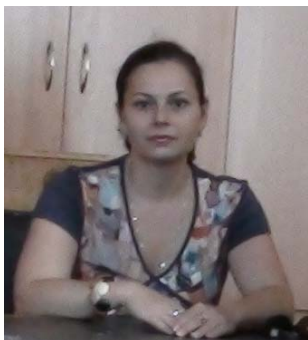
ционален, поэтому его больше привлекают слоганы, вызывающие ощущения уюта, теплоты, любви. Производители известных марок чая учитывают эти особенности восприятия потребителей разных стран. Поэтому стоит добавить, что выход определенной марки на зарубежный рынок должен сопровождаться адаптацией слогана, в некоторых случаях даже названия, для иностранного потребителя. В рекламе чая – создании слогана, названия марки – необходимо учитывать традиции определенной страны. И в данной работе наглядно показано, как рекламный текст отражает эти традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барыбин Е.В. Искусство чайной церемонии / Е.В. Барыбин. М., 2005.
2. Павловская А.В. Англия и англичане / А.В. Павловская. М., 2005.
3. Похлебкин В.В. Чай, его история, свойства и употребление / В.В. Похлебкин. М., 2001.
4. Громова Е. Конструирование психосемантических полей для выбора оптимального названия // Режим доступа: <http://www.adme.ru/blok/konstruirovanie-psihosemanticheskikh-polej-dlya-vybora-optimalnogo-nazvaniya-praktika-35641/>.

Т.В. Мамаева²¹

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОМЫСЛОВЫХ ПУШНЫХ ЖИВОТНЫХ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются типы языковых «картинок жизни» в составе языковой картины мира сибирских охотников на материале наименований промысловых пушных животных.

The notion «linguistic world picture» is very popular nowadays and it is studied by different specialists. Researchers study national world picture and its parts – concepts, lexical groups and so on. Some types of linguistic «life illustrations» as a part of linguistic world picture of Siberian hunters are viewed in this article.

Промысловая лексика уже являлась объектом исследования лингвистов. В частности, обращалось внимание на проблемы формирования промысловой терминологии в старорусском языке на материале рыболовецкой лексики Белозерья [Андреева, 1985], в историко-диалектологическом аспекте исследовалась лексика рыбаков и охотников Северного Приангарья [Петроченко, 1994], лексика ямщины и связанного с ней санно-тележного и шорного промысла, а также охоты и лодочного промысла жителей Тюменской земли [Кошкарева, 1995]. Однако описание профессионального подязыка охот-

²¹ Научный руководитель – д. филол. н., проф. О.В. Фельде.

ников и рыбаков в лингвокультурологическом аспекте до сих пор не было предпринято.

Понятие «языковая картина мира» находится в центре внимания многих современных лингвистов. Непосредственным предметом исследования могут быть как национальная картина мира в целом, так и отдельные ее составляющие – концепты, лексические группы и т.п. В нашей работе рассматриваются типы языковых «картинок жизни» в составе языковой картины мира сибирских охотников на материале наименований промысловых пушных животных.

Первая типология «картинок жизни», включающая три элемента, была представлена Н.Ю. Шведовой [Шведова, 1999]. По мнению ученого, «картинки жизни» естественно вписываются не только в систему лексики через ступень подмножества слов, но и занимают свое место на конечных ступенях языковой картины мира» [Там же. С. 5].

В нашу типологию «картинок жизни» вошли следующие составляющие:

собственно информирующие подмножества – общие наименования предметов;

уточняющие (детализирующие) подмножества – частные наименования;

Живописующие подмножества – ассоциативно маркированные и метафорические наименования.

Тематическая группа «Промысловое пушное животное» представлена только двумя – первым и вторым – типами «картинок», причем во втором типе языковое сознание сибиряка-охотника вычленяет достаточно много отдельных признаков в объекте. Ряд наименований одновременно содержит несколько признаков. Так, в номинации *вешняя белка* языковое сознание промышленников вычленяет наряду с признаком «цвет шкурки» признак «время ловли», в наименованиях *недопесок*, *недособоль* и *рослый песец* – «степень зрелости меха» и «возраст животного», а в номинации *норник* – «цвет шкурки» и «возраст животного».

Нами выделены следующие признаки.

Место обитания / ловли животного. Этот признак содержится в следующих наименованиях: *подкаменная белка* – 'белка, обитающая / пойманная на берегах Верхней Тунгуски, катящей воды среди камней и гор', *подволошная белка* – 'белка с левого берега р. Енисей, который звали наволошным', *каменная белка* – 'белка с правого берега р. Енисей – каменного', *енисейская белка/лиса/песец/соболь* – 'белка / лиса / песец, обитающая / пойманная на берегах р. Енисей', *ангарская белка* – 'белка с р. Ангары', *чулымская белка* – 'белка с р. Чулым', *минусинская белка / соболь* – 'белка / соболь, которая добывается в Минусинском уезде', *красноярская белка/соболь* – 'белка / соболь из окрестностей г. Красноярска', *усинский / сойотский / кемчугский / белогорский соболь* – 'соболь, обитающий/добываемый в Усинском округе/Ачинском уезде (по р. Кемчуг) / Белогорье (юго-восточной части Енисей-

ской губернии', *степная лиса* – 'лиса, обитающая / добываемая в степной зоне'.

Цвет шкурки. Данный признак отражен в следующих наименованиях: *красная белка / лиса* – 'белка / лиса, имеющая рыжий / красный цвет / оттенок меха', *бурская белка* – 'белка с серым цветом шерсти', *черноватая белка* – 'серая белка с черноватым оттенком меха', *подпаль* – 'белка, имеющая красную шерсть (подпалины) только на спинке', *синюха* – 'белка со светлым си-не-серым цветом шерсти по спинке', *огневка* – 'лиса огненно-рыжего окраса', *овсянка* – 'лиса с шерстью цвета спелого овса', *черная лиса* – 'лиса с мехом черного цвета', *черно-бурая лиса* – 'лиса с соответствующим оттенком шер-сти', *белый соболь/песец* – 'соболь с мехом белого цвета', *голубой (дымча-тый) песец* – 'песец редкого голубого окраса', *вешняя белка* – 'красная бел-ка', *норник* – 'щенок песца, имеющий серый/земляной цвет меха'.

Особенности окраски: *лямошница* – 'росомаха со светлой полосой (ляжкой) на спине, с лучшим по качеству мехом', *крестоватик* – 'песец, имеющий темные полосы', *крестовка* – 'лиса с переходным цветом шерсти от рыжего к черному', *горбопысь* – 'начавшая линять по хребту белка с крас-новатым оттенком шерсти', *белодушка* – 'лиса со светлым оттенком шерсти на шее и груди', *черноручка* – 'белка с черными передними лапками, от кото-рых тянутся черные полосы до хвоста'.

Способ выделки шкурки. Этот признак отражен лишь в одном наиме-новании: *морозжанка* – 'вымороженная шкурка белки'.

Степень зрелости меха. Данный признак выражают две общие для всех промысловых пушных животных номинации: *выходная / дошлая белка / лиса / песец / соболь* – 'животное, мех которого достиг высшего качества по кре-пости, длине, красоте', *невыходная / недошлая белка / лиса / песец / соболь* – 'животное, мех которого не достиг высшего качества'. Кроме того, признак выражается наименованиями с недо-: *недопесок* – 'песец, мех которого не достиг полной зрелости', *недособоль* – 'соболь, мех которого не достиг пол-ной зрелости' и *рослый песец* – 'песец с лучшим мехом'.

Время ловли. Здесь: *вешняя белка* – 'белка, добываемая весной', *пет-ровка* – белка, приобретающая в Петров день определенный окрас, не пред-ставляющая интереса для промысла'.

Возраст животного: *норник / норчик* – 'щенок песца', *недопесок* – 'мо-лодой песец', *рослый песец* – 'взрослый песец с мехом лучшего качества', *не-дособоль* – 'молодой соболь, мех которого не достиг полной зрелости'.

Звук, издаваемый животным. Этот признак представлен номинациями: *керген* – 'горностаи', *каган* – 'лиса' и *хыйт* – 'волк'.

Первый тип представлен лишь одним информирующим наименовани-ем: *векиша* – 'белка'. Это можно объяснить тем, что для промысловика важ-ным являлось состояние меха / шкурки, связанное с возрастом, местом оби-тания животного, временем года и т.п. на момент добычи животного. Соот-ветственно, в обращении закреплялись наименования, отражающие эти важ-ные для промышленников признаки.

Общие особенности «картинки жизни» третьего типа уже были представлены нами [Мамаева, 2010].

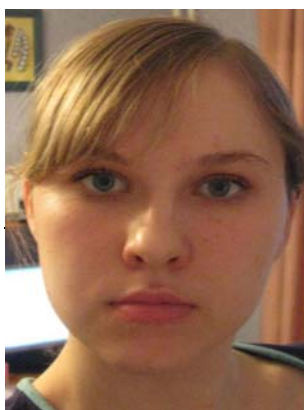
Таким образом, анализ наименований данной тематической группы позволяет представить «кусочек действительности», входящей в «единую картину» сибирских промысловиков-охотников. Большинство наименований обнаруживают достаточно высокую степень дифференциации по различным признакам наиболее важных для промысловиков реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е.П. Формирование промысловой терминологии в старорусском языке (рыболовецкая лексика Белозерья XV – XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Андреева. Л., 1985.
2. Герд А.С. Проблемы формирования научной терминологии / А.С. Герд. Л., 1968.
3. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. М., 1990.
4. Кошкарёва А.М. Материалы для областного словаря (специальная лексика северных районов Тюменской области) / А.М. Кошкарёва. Нижневартовск, 1995.
5. Мамаева Т.В. Языковые «картинки жизни» как составляющие языковой картины мира (на материале лексики охотников и рыбаков Приенисейской Сибири) / Т.В. Мамаева // Первый Томский фестиваль науки: сборник трудов. Томск, 2010. С. 36–39.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. Минск, 2001.
7. Петроченко В.И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья / В.И. Петроченко. Красноярск, 1994.
8. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. С. 12–60.
9. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 5–9.

А.Н. Радышевская²²

ЛЕКСИКА МИКРОТЕМЫ «ЗНАКОМСТВО» В ЖАНРЕ СЕМЕЙНОЙ БЕСЕДЫ

Исследование посвящено двум текстам семейной коммуникации, объединенным общей микротемой «знакомство». Анализируется лексика микротемы «знакомство», особенности ее употребления респондентами.

— переводчик — канд. филол. н., доц. А.Н. Сперанская.

The investigation is focused on two family communication texts joined by common «acquaintance» micro theme. The object of analysis is vocabulary of «acquaintance» micro theme and features of its using by respondents.

Одним из важных направлений изучения коммуникативных аспектов языка является семейная коммуникация. Это новое направление находится на стыке социолингвистики, новой фольклористики и речеведения. Исследованиям семейной и бытовой коммуникации посвящены работы М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [Китайгородская, Розанова, 1999], И.А. Разумовой [Разумова, 2001]. Языковая личность и аспекты ее изучения описаны в работах Ю.Н. Караулова [Караулов, 2006].

Особенностями семейной коммуникации являются состав участников (близкие родственники) и обстановка (неформальная). К текстам этой сферы могут быть отнесены, с одной стороны, бытовые реплики и диалоги, с другой – рассказы об (авто) биографии, семейной реликвии, значении фамилии, истории создания семьи, рождении детей и т.п.

На данный момент собранная картотека состоит из шести текстов на темы: семейная реликвия, переселение семьи в Сибирь, значение фамилии, знакомство, автобиография. Тексты представляют собой беседы, в которых участвуют один или два респондента и интервьюер. Респонденты, красноярцы Харченко Владимир Борисович 1925 г.р. и Харченко Лидия Дмитриевна 1928 г.р., являются близкими родственниками интервьюера.

Далее будут проанализированы с точки зрения структурных и лексических особенностей тексты двух бесед, объединенных общей микротемой «знакомство».

Тексты бесед записаны в один день при участии обоих респондентов. Первый текст представляет собой инициированный интервьюером рассказ о биографии Лидии Дмитриевны (ЛД), в котором наряду с микротемами «обучение», «приезд в Красноярск», «устройство на работу» выделяется рассматриваемая в данном исследовании микротема «знакомство» (см. полный текст в Приложении). Второй текст инициирован позднее Владимиром Борисовичем (ВБ) как предложение рассказать о «позоре» (история знакомства с ЛД) – см. полный текст в Приложении.

Микротема «знакомство» реализуется у респондентов по-разному. Нарратив ВБ можно отнести к так называемым рассказам-пластинкам. Для него характерно наличие четкой композиции: название ситуации (*Щас я те расскажу какой/ позор был у меня*); обозначение времени и места действия (*было это в пятидесятом году; по улице Ленина*); завязка (*че-то мне маму надо было; захожу/ и боже мой/ обомлел// Передо мной фея*); кульминация (*я опешил/ говорю/ вы мою маму не видели?*); развязка (*а она так надменно на меня/ и говорит/ откуда я знаю где ваша мама; я растерялся/ повернулся/ и пошел*); сжатый повтор кульминационного момента.

Нарратив ЛД, напротив, представляет собой спонтанное и достаточно спокойное автобиографическое повествование, включающее упоминание о

знакомстве с ВБ как об одном из фактов биографии. Повествование включает в себя обозначение места действия (*в нотариальной конторе*); краткое описание самого факта знакомства (*он разыскивал маму/ свою/ пришел туда и мы с ним там познакомились*); повествование о том, как развивались отношения дальше (*потом сходили в кино/ ну и пошло и пошло*).

Общей характеристикой рассматриваемых бесед является наличие перебивов, уточнений, взаимных дополнений со стороны обоих респондентов (одновременное уточнение места действия: ЛД: *Где главпочтамт/ вот если так ехать/ не с левой стороны а с правой стороны*; ВБ: *Да/ вот где главпочтамт /то потом там/ следующий Крайвоенкомат будет*). Такое речевое поведение свидетельствует о существовании общего пространства повествования, зачастую беседа представляет собой не монолог, а совместное повествование, что говорит о высокой степени родства и взаимопонимания между респондентами.

С точки зрения лексических средств речь обоих респондентов характеризует разнообразие лексики семейного пространства. Широко представлена лексика онимической сферы, оба респондента указывают место действия (*Ташкент, Абакан, Решеты; ул. Ленина, Крайвоенкомат, Ташкентский юридический институт*); называют полные имена участников ситуации (*Венский Александр Иванович; Александра Кононовна*). Интересным представляется упоминание в обоих нарративах участника, послужившего косвенной причиной знакомства (*тетя Шура*). Несмотря на абсолютно разные стили повествования и степень эмоциональности (ВБ: *Тетя Шура/ Александра Кононовна/ приятельница мамина*; ЛД: *Работала его знакомая/ как ее/ тетя Шура/ ну она уборщицей*), данный элемент присутствует у обоих респондентов, что свидетельствует о важной роли этого участника ситуации.

Анализ двух текстов, объединенных общей микротемой «знакомство», показывает различия в описании факта знакомства, разное эмоциональное отношение и способ рассказа. Однако, несмотря на различия, диалогический характер бесед, большое количество взаимных дополнений и уточнений, а также лексические характеристики респондентов позволяют говорить о наличии общего пространства повествования, внутри которого создается тот или иной текст. Независимо от запроса интервьюера в беседу вступают и активно принимают в ней участие оба респондента.

Таким образом, анализ реальных текстов семейной коммуникации – важная форма изучения коммуникативных аспектов языка. В исследовании синтезируется анализ социальных и языковых параметров, в частности гендерных и лексических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М., 2006.
2. Китайгородская М.В. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. М., 1999.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассказ В.Б. Харченко

ВБ: Щас я те расскажу какой / позор был у меня // Было это в пятидесятом году/ в июне месяце ты приехала да?

ЛД: Я не помню //

ВБ: Да/ где-то в июне наверно //

ЛД: Нет я не в июне приехала / я приехала в пятидесятом году август //

ВБ: В августе да? Ну короче говоря / значит / вот тебе говорил я это / по улице Ленина / там значит / вот где Крайвоенкомат знаешь да? Нет? А ну вобщем по улице Ленина...

(одновременно)

ЛД: Где главпочтамт / вот если так ехать / не с левой стороны а с правой стороны

ВБ: Да / вот где главпочтамт / то потом там / следующий Крайвоенкомат будет//

А: А-а / все / поняла //

ВБ: Вот / там вот во дворе // Там эта / тетя Шура была/ вот / Александра Кононовна / это / приятельница / мамина / вот / твоей прабабушки // Ну и вот значит / этот / че-то маму мне надо было / я значит это / а у меня / транспорт был / «Мерседес» / «Украинка» велосипед // И я знач чапаю / подъезжаю значит / захожу / и боже мой / обомлел // Передо мной фея // Я / вот не робкого десятка да? Тока с фронта приехал / вот / это сорок какой / пятидесятый год был / ну пять лет прошло всего / с фронта приехал-то //

А: Угу //

ВБ: Вот // Значит попадал в этой/ в гражданке попадал в переплеты значит...

А: Ну ладно дед / ближе к делу давай / интересно мне // (*смеется*)

ВБ: Интересно / вот / интересно //

ЛД: Какое впечатление / че тебе //

ВБ: Да / вот у меня до сих пор мороз по коже //

ЛД: Да //

ВБ: Значит / залетаю / фея...

ЛД: Молодая...

ВБ: Я опешил / опешил / говорю / вы мою маму не видели? (*все смеются*)

ЛД: Мама у него / Аня / я тебе хочу сказать...

ВБ: Это позор понимаешь? (*смеется*)

(одновременно)

ЛД: Мама у него / в отличие от него / женщина худощавая...

ВБ: А я говорю / а где моя мама?

ЛД: Темно-русая...

ВБ: А она / а она мне говорит...

ЛД: Совсем не похож / он на маму совсем не похож //

ВБ: Ты понимаешь / а она так надменно на меня / и говорит / откуда я знаю где ваша мама / ну она правильно (*смеется*) Такому / бугаю / ну / слушай / я / растерялся / повернулся / и пошел / сел на свой велосипед / включил семнадцатую скорость / и поперся со скоростью звука // А пото-ом уже када поженились / я-то у нее спрашиваю / я говорю / ну а ты наверно / занавеску отдернула посмотрела / она говорит / посмотрела (*смеется*)

ЛД: (*нрзбр*) Мама темноволосая да / у мамы темный волос // Значит / лицо худощавое / а он белый / и круглолицый...

ВБ: Грит откуда я знаю / где ваша мама (*смеется*) Это / великовозрастному дяде // А где моя мама //

Рассказ Л.Д. Харченко

ЛД: Я закончила учиться в Ташкенте / закончила учиться // Раньше в обязательном порядке/ давали направление / поезжай / куда направили // Вас государство учило / теория была такая / государство вас учило / платило вам стипендию / нам стипендию платили //

ВБ: А за обучение не платили //

ЛД: Значит / закончили учиться / и / все // Направление в Управление юстиции Красноярского края //

А: Это / ты где училась?

ЛД: В Ташкентском юридическом институте //

А: И оттуда тебя в Красноярск направили работать?

ЛД: Да //

ВБ: Да тада так было // Могли (*нрзбр.*)

ЛД: Направляли / значит / в то время как-то выпускников / ну если ты был узбекский на узбекском языке училась да / у нас / в институте два потока // Одних / учат на узбекском языке / других учат на русском языке // Вот тех кого учат на узбекском языке/ их оставляют там // Так? // Тех кого учат на русском языке / хоть куда / отправить можно / да? Вот так и меня / я же не на узбекском училась / а на русском / вот // Дали сюда направление / значит / ну / поскольку я / всю / родилась и всю жизнь жила в Ташкенте до окончания института/ мне конечно было страшно ехать / один из мужей моей сестры Нины/ Венский Александр Иванович / вызвался меня сюда проводить // Он меня сюда проводил/ с этим дипломом / в юстицию / ну все // Здесь мы / с ним (*с Владимиром Борисовичем*) познакомились / в нотариальной конторе // в нотариальной конторе/ значит работала его / или знакомая / э-э / как ее / тетя Шура / ну она уборщицей / уборщицей //

ВБ: Мамина знакомая / моей мамы //

ЛД: Мамина знакомая его // Ну и вот они приходили с мамой / он разыскивал маму / свою / пришел туда и мы с ним там познакомились // Потом сходили в кинотеатр «Октябрь» это нынче Дом кино // Ну и пошло и пошло // Потом меня отсюда отправили в Абакан / значит в Абакане я год / или скока-то месяцев восемь или десять прожила / мы с ним завели переписку / я прие-

хала сюда / мы зарегистрировались / и стали / а он в это время / учился на курсах бухгалтеров / заключил договор такие курсы бухгалтеров были / на таких началах // Значит ты / полгода учат бухгалтерии тебя / а потом отправляют на работу в Решеты / вот // Значит он закончил курсы бахгалтеров / я приехала сюда / мы зарегистрировались / и уехали в Решеты / вот так //

А: И какое это время было / какой год?

ЛД: В Решетах мы жили э-э значит / с какого месяца с февраля что ли?

ВБ: С апреля //

ЛД: С апреля / пидесятого да?

ВБ: Да //

ЛД: С апреля пидесятого / по...

ВБ: А с апреля пидесят первого //

ЛД: Пийсят первого?

ВБ: Мы в ноябре зарегистрировались пидесятого года //

ЛД: Ага мы в ноябре праильно / в ноябре пидесятого года зарегистрировались / вот в этом году будет пидесят девять лет / уже исполнилось пийсят девять лет //

ВБ: Десятого исполнилось //

ЛД: Десятого числа регистрировались / вот десятого числа было пийсят девять лет // Вот / а потом / туда / значит / а туда / он заключил договор / уже на то что / он там три года отработает / в Решетах //

Н.С. Сапожникова, А.С. Баглай²³

УСТОЙЧИВЫЕ ФОРМУЛЫ В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Данная статья посвящена изучению устойчивых формул деловой письменности первой половины XVIII века.

The aim of this article is to dwell on an topical issue of modern Slavic studies - a research into stable patterns in business correspondence in the first part of XVIII century.

Активное приобщение России к европейской культуре, начатое реформами Петра Великого, коснулось самых разнообразных сфер российского общества. Объектом реформ стало и деловое письмо. Возникла настоятельная потребность в специальных лингвистических средствах, которые бы четко обозначали иерархические отношения между людьми, помогали установить и поддержать контакт и так далее.

²³ Научный руководитель – к. филол. н., доц. Е.А. Кудрявцева.

Таковыми средствами стали особые речевые формулы, позволяющие пишущему соблюсти необходимые формальности, а также стандартизировать язык документа. Впоследствии эти формулы закрепились за официально-деловым стилем, с течением времени изменяясь и обновляясь.

Н.И. Тарабасова подчеркивает, что в деловой письменности шаблон имеет очень большое значение. Исследовательница выделяет два типа языковых фактов, встречающихся в документе-источнике: индивидуальные языковые факты, свойственные одному или нескольким памятникам, написанным одним и тем же писцом и отражающим особенности его языка, и «устойчивые языковые факты и трафареты (клаузулы)». И если проявление индивидуального начала могло быть минимальным (в зависимости от вида и целей деловой переписки), то трафареты характерны для всех официальных жанров: «Трафарет (или формуляр) – это своеобразный остов документа, куда как бы вкладывалось переменное содержание» [Тарабасова, 1964. С. 162].

С.И. Котков также отмечает, что уже для старинных анонимных текстов характерна регламентированность, выражавшаяся в «употреблении стандартной официальной фразеологии и терминологии, административно-юридической и делопроизводственной» [Котков, 1980. С. 91].

Официально-деловая коммуникация происходит по определенным правилам, поэтому документы разных жанров имеют специфическую композицию, лексико-стилистические средства, этикетные формулы. В связи с этим представляется необходимым прежде всего рассмотреть жанровую принадлежность текстов делового письма.

Вопрос о классификации жанров деловой письменности XVIII века в современной науке остается актуальным и неоднозначным, несмотря на то что неоднократно предпринималась попытка подобной классификации по отношению к жанрам допетровской эпохи. Так, многие лингвисты делят русские акты того времени на три группы: грамоты, даваемые правительственной властью; грамоты из области церковного права; частные акты. Л.В. Черепнин, считавший, что классификация должна быть исторически обусловленной, взял за основу тематический критерий [Каштанов, 1988. С. 147].

С.М. Каштанов определяет вид источника как «группу документов, имеющих однотипные формально-юридические признаки происхождения, содержания и внутренней формы», а также общую социальную функцию. «Под социальной функцией источника следует понимать прежде всего ту роль, которая отводится источникам определенного вида в формировании определенных социальных отношений. Возникновение вида письменных источников является юридическим следствием той или иной социальной потребности» [Там же. С. 14–15].

Классификация жанров делового письма XVIII века была предложена А.П. Майоровым. Исследователь кладет в основу классификации критерий функциональной и коммуникативной предназначенности текста и выделяет 9 жанровых групп документов [Майоров. 2006. С. 28].

В процессе работы в ГАКК (Государственный архив Красноярского края) на материале фонда № 819 мы проанализировали следующие разновидности документации:

- распорядительная – указ;
- уведомительная и уведомительно-просительная – предложение;
- просительная – жалоба, прошение;
- сделочно-договорная (акты) – вексель;
- документы удостоверительного характера – расписка;
- акты отказа от обязательств – протест.

В подавляющем большинстве случаев название жанра вынесено в заглавие документа, что способствовало более четкой организации делопроизводственной практики того времени.

Рассмотрим устойчивые формулы, закрепленные за определенными жанрами. Для прошения характерной является формула введения изложения обстоятельств дела «*а о чем <прошу>, тому следуют пункты*» (Д. 16, Л. 20–20 об.), которая структурировала документ, в результате чего текст подразделялся на пункты с последовательной нумерацией. Эта формула была законодательно закреплена именным императорским указом «О форме суда» от 5 ноября 1721 г.

Еще одна формула, встречающаяся в прошениях, – «*прибегаю ко освещеннымъ стопамъ вашего / императорскаго величества какъ отца отечеству / со всенижаишею моею прозбою в слѣдующемъ*» (Д. 16, Л. 58 об.). По функции она похожа на предыдущую, но более произвольна и факультативна, а также отличается большей эмоциональностью.

Другой вариант формулы изложения обстоятельств – *прошу о сем в моем прошении* (Д. 16, Л. 20 об.), располагающийся, как правило, в конце текста. Этот оборот выполняет важную функцию: завершает документ, одновременно отсылая к его началу. Такое композиционное кольцо помогает структурировать текст и способствует лучшему его восприятию.

Еще один специфический для данного жанра оборот – *почему и нахожу себя непосредственно обиженным* (Д. 16, Л. 20 об.). Эта формула используется для объяснения причин обращения к императору.

Одним из наиболее формализованных жанров деловой документации является вексель. Например: *по объявлению сего моего подлинного векселя я повинен заплатить в Красноярске красноярскому купцу Петру Федорову Ларионову или кому от него приказано будет государственного банка ассигнациями семьдесят один рубль ибо я ту сумму от него получил сполна на подлинном векселедатель Яков Никитин Дрянных мещанин красноярский его личной просьбой руку приложил красноярский мещанин Василий Худоногов* (Д. 16, Л. 22). Подобные документы представляли собой одну сплошную формулу, в которой изменялись только имена и сумма.

Другой жанр, для которого характерны специфические формулы, – указ. Непосредственным адресантом именных государственных указов является император или императрица, поэтому в начале документа в качестве указания на автора используется формула самоименования правящего члена

императорской семьи. Например: *Божією милостию / мы Екатерина вторая / императрица и самодержица / всеросіиская / и прочая и прочая и прочая* (Д. 1, Л. 202).

Другие обязательные формулы – *объявляем всем нашим подданным* (Д. 1, Л. 218(224)), *объявляем во всенародное известие* (Д. 1, Л. 292 (302)), являющиеся индикатором перехода к изложению цели и содержания указа.

Немного иную структуру имеют указы, исходящие из учреждения местной власти. Обязательными для них являются следующие формулы: название документа, формальное использование имени правящего члена императорской семьи (указание, от имени кого текст пишется), название местного учреждения, делающего распоряжение, учреждение или лицо, которому адресован указ.

Например: *Указ ея императорскаго величества и самодержицы всеросіискія тобольской епархіи изъ Енисейскаго духовнаго правленія Самышева села Знаменской церкви священнику Михаилу Зубцову* (Д. 1, Л. 295 (302)).

Следует отметить, что для канцелярского стиля характерно использование инверсии, т. е. нарушение традиционного порядка номинации, при котором сначала следует терминологическая часть онима, а затем – непосредственно название («Самышева села» вместо «села Самышева»).

Еще один аспект, на который бы хотелось отдельно обратить внимание, – стилистические средства создания образов адресата и адресанта в текстах документов. Сравним для наглядности два полярных в плане формализации жанра – прошение и указ. Если адресатом именного императорского указа выступает народ, то его образ представлен довольно лаконично, чаще всего – устойчивой формулой «*верным нашим подданным*» (Д. 1, Л. 218 (224), Л. 292 (302)). Если указ адресован конкретному нижестоящему лицу, что характерно для документов, исходящих от местных органов власти, часто встречается использование по отношению к адресату местоимения «ты» («*венчать тебе в указанные дни и часы*» (Д. 1, Л. 96)), связанное с императивным характером документа и подчиненностью адресата лицу или учреждению, пославшему указ.

Если говорить об образе адресанта именного указа, необходимо прежде всего отметить использование «мы-формы» в самоименовании особы императорской фамилии: *божією милостию / мы Екатерина вторая / императрица и самодержица / всеросіиская / и прочая и прочая и прочая / объявляемъ всѣмъ вернымъ нашимъ подданнымъ* (Д. 1, л. 218 (224)).

Интересно с точки зрения противопоставленности образов автора и получателя текста рассмотреть жанр прошения. Из двух проанализированных нами документов, относящихся к данному жанру, один (жалоба Дмитрия Максимова сына Юдина на несправедливость городничего и просьба к государю повелеть гражданской палате отменить безвинно и напрасно наложенное взыскание в размере 1250 рублей (Д. 16, Л. 58-59 об.)) наполнен эмоциональностью, а другой (два купца решили вместе заниматься торговлей в Красноярске, деля прибыль и расходы пополам. Один из них, Седой, нару-

шил договор под тем предлогом, что он был неправильно составлен. Второй, Ларионов, просит у императора Александра Павловича управу на Седого (Д. 16, Л. 20–20 об.) написан довольно стандартным, сухим языком. Это можно объяснить тем фактом, что XVIII век является переходным от челобитных, написанных в крайне экспрессивных выражениях с использованием многочисленных эпитетов, гипербола и перифраз, к современным стандартизированным и обезличенным документам.

Автором прошения выступает частное лицо, стоящее на социальной лестнице несравнимо ниже, чем император, на имя которого писался документ, поэтому для адресанта характерна крайняя степень уничижения. Он использует в своей речи такие эпитеты, как *всенижайшая просьба, бездетный престарелый и беднейший человек, напрасно и несправедливо обиженный, верноподданный раб*, прибегает к метафорам («*глас моей старости, бездетности и бедности вопиет к вашему императорскому величеству*») и гиперболам («*будучи крайне без надежды в моем положении и не найдя более никаких средств*») (Д. 16, Л. 58–59 об.).

Напротив, адресат предстает перед нами в крайне идеализированном и возвеличенном виде. Используются различные языковые формы, образованные по словообразовательным моделям книжно-славянского языка: *всеавгустейший; всемилостивейший; всепресветлейший; державнейший; блаженныя; достойныя; неизреченное милосердие*; и т. д. Встречаются перифразы (*отец отечества*) и метафоры (*прострите щедрую вашу руку и взгляните своим милосердным оком*) (Д. 16, Л. 58–59 об.).

Для большей выразительности проситель использует восклицательные конструкции (*Всеавгустейший монарх! Всемилостивейший государь!* (Д. 16, Л. 58–59 об.)), хотя в то время употребление знаков пунктуации было еще крайне редким и бессистемным, инверсию, прямое обращение к императору, что позволяет автору сделать текст документа более эмоциональным и повысить вероятность рассмотрения и удовлетворения просьбы.

Существуют также речевые формулы, не имеющие четкой жанровой закреплённости. В качестве примера можно привести упоминание в тексте документа особы императорской фамилии. В таком случае возможны два варианта специальных формул: использование как можно более полного титула, чаще всего в связи с рождением или кончиной («*блаженныя имени достойныя памяти ея императорского величества государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской*» (Д. 2, Л. 101); «*ея императорского величества великой княгини*» (Д. 1, Л. 205 (210)) или использование краткого титула, при упоминании ныне правящего императора или императрицы («*по силе техъ вышеписанныхъ ея императорского величества указовъ*» (Д. 2, Л. 101); «*за подписаниемъ ея императорского величества собственныя руки*» (Д. 2, Л. 102).

В текстах делового письма непременным условием для писца было указание в конце документа даты (*июля 15 дня прошлого 1740 года* (Д. 2, Л. 101 об.); *мая 14 дня 1809 года* (Д. 16, Л. 20 об.); *данъ в царскомъ селе мая 21 дня в лето от рожества Христова 1788е царствованія же нашего в два-*

десять шестое (Д. 1, Л. 218 (224)), а также человека, который писал указ или сверял его с печатным вариантом (*прошеніе писалъ вчерне и набело со словъ просителя иркутской мещанинъ Афонасей Яковлевъ сынъ поповъ* (Д. 16, Л. 20 об.); *канцеляристъ Петръ Малешинъ* (Д. 1, Л. 204 (210) об.); *канцеляристъ Александръ Бреховъ* (Д. 1, Л. 205 (210)); *печатными читалъ подканцеляристъ Петръ Малешинъ* (Д. 1, Л. 218 (224)); *с печатнымъ сверялъ подканцеляристъ Петръ Малешинъ* (Д. 1, Л. 292 (302))).

В некоторых проанализированных документах встречается заверение подлинности, выраженное в таких формулах, как *подлинному явочному прошенію по пунктамъ красноярской третьей гильдіи купецъ Петръ Федоровъ сынъ Ларионовъ руку приложилъ* (Д. 16, Л. 20 об.); *за собственноручнымъ ея величества подписаниемъ* (Д. 1, Л. 204 (209)); *на подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако Екатерина* (Д. 1, Л. 218 (224)). Формулу рукоприкладства и обозначение даты можно считать стандартными элементами композиции деловых текстов данного периода.

Итак, в XVIII веке деловая коммуникация является важной и необходимой частью общественной жизни. Для того чтобы упорядочить и стандартизировать язык документов, наиболее быстро и эффективно добиваться своих целей, успешно взаимодействовать с чиновниками и другими государственными людьми, были необходимы специальные правила.

Появляются особые клише, призванные облегчить коммуникацию в деловой сфере – устойчивые языковые формулы. Функции этих формул довольно разнообразны. Некоторые клише характерны для определенного жанра: их использование служит для самоотождествления текста, отнесения его к определенному жанру деловой документации. Помимо жанрообразующей, одна из универсальных функций формул – прагматическая. Сюда относятся установление и поддержание, а также завершение контакта, речевое поведение в соответствии с социальными ролями, соблюдение субординации. Кроме того, как было показано ранее, стандартные формулы служат не только для передачи информации в ясном, четком, регламентированном виде, но и для усиления эффекта коммуникации, т. е. расположения к себе адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каштанов С.М. Русская дипломатика / С.М. Каштанов. М., 1988.
- Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С.И. Котков. М., 1980.
- Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А.П. Майоров. М., 2006.
- Тарабасова Н.И. О некоторых особенностях языка деловой письменности / Н.И. Тарабасова // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 157–172.

В.А. Степанова²⁴

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРЕВОЖНОСТЬ» В ПОЭМЕ А.А. АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ»

В работе рассмотрены особенности семантического поля «тревожность» в поэме А.А. Ахматовой «Реквием».

In this investigation we analyzed peculiarities of semantic field of anxiety in the poem «Requiem» writing by Anna Ahmatova.

Целью данного исследования является анализ лексико-семантического поля «тревожность» в поэме А.А. Ахматовой.

Тревожность – комплекс фундаментальных эмоций, включающий страх и такие эмоции, как горе, гнев, стыд, вину и иногда интерес-возбуждение, то есть тревожность – «комплекс негативных эмоций» [Изард, 1999].

Анализ показал, что в СП «тревожность» можно выделить три доминирующих ЛСГ:

- 1) ЛСГ эмоций, включая в эту группу включены понятия-подгруппы – **горе, страх, одиночество**;
- 2) ЛСГ социальных ситуаций, в которых эмоции проявляются, – **похороны, тюрьма**;
- 3) ЛСГ физических состояний человека – **смерть, безмолвие**.

Отдельно стоят семантические группы **иллюзорность** и **цвет**, они не относятся напрямую к чувствам человека, однако цвет может передавать чувство тревожности и влиять на эмоциональное состояние, иллюзорность же показывает зыбкость окружающего мира, которая может вводить человека в состояние тревожности.

В основном **горе** выражается через страдание, мучения, само состояние горя является протяженным во времени. Группа **горе** пересекается с такими ЛСГ, как **смерть, цвет, безмолвие**.

Группа **смерть** является очень обширной, полисемичной. **Смерть** в данных контекстах воспринимается двояко: как освобождение от мук и как вечная память о страданиях. Отметим, что группы **горе** и **смерть** тесно взаи-

²⁴ Научный руководитель – к. филол. н., доц. А.Н. Сперанская.

мосвязаны. Кроме того, пересечения с группами **цвет**, **иллюзорность**, **тюрьма**, **безмолвие** создают ощущение всеобъемлемости смерти, ее неотвратимости.

Безмолвие – как выражение крайнего горя, так и уединения, спокойствия, однако в обоих случаях семантика тесно переплетена со **смертью**, **тюрьмой**, **горем** и **одиночеством**.

Группа **одиночество** пересекается с группами **горе** и **смерть**. Проявления одиночества здесь два – **одиночество** как болезнь и как победа над собой.

Группа **страх** пересекается с группой **смерть**, в основном проявления страха внешние, в поэме не встречается внутреннего ощущения ужаса, **страх**, как правило, испытывает не лирическая героиня.

Из выделенных нами групп семантического поля «тревожность» для анализа выбраны именно эти пять подгрупп потому, что состояние тревожности наиболее полно выражено именно этими ЛСГ. Другие четыре группы: **похороны**, **тюрьма**, **цвет**, **иллюзорность** – являются скорее вспомогательными, оттеняют нюансы.

Рассмотрим примеры пересечений подробнее.

Подгруппы **горе** и **смерть** перекликаются особенно часто, рассмотрим эти контексты: *Звезды смерти стояли над нами, И безвинная корчилась Русь Под кровавыми сапогами И под шинами черных марусь*, – в этой строфе нет ни лексемы **горе**, ни каких-то внешних проявлений этого чувства, однако есть лексема «корчилась», что значит «изгибаться в корчах, судорогах». [Черных, 1989. С. 123]. Также здесь перекличка с группой **смерть**. Смерть предстает предвестницей **горя**. Возможно, «звездами смерти» А. Ахматова называет красные звезды, горящие на башнях Кремля. В следующем контексте пересечение двух подгрупп еще более скрыто: *Буду я как стрелецкие женки Под кремлевскими башнями выть*, – смысл выражается при помощи сравнения лирической героини со стрелецкими женками. Как известно, стрельцов казнили на Красной площади, поэтому можно отметить здесь двойную реминисценцию – в упоминании стрельцов и башен Кремля. Казнь стрельцов, а, следовательно, и вой их «женок» входит в подгруппу **смерть**. Употребление просторечной формы указывает на народность **горя**. Метафорически выражается семантика **смерти** в следующем контексте: *Словно с болью жизнь из сердца вынут*, – **смерть** – отсутствие жизни. Кроме того, в этом контексте присутствует перекличка с группой **горе**, т. к. жизнь вынут с болью, а одной из составляющих горя является страдание. *Затем, что и в смерти блаженной боюсь Забыть громохание черных марусь*, – данный контекст показывает, что смерть приносит покой. Лексема **смерть** употреблена с определением – «блаженной», что означает высшую степень счастья в христианской культуре, но «блаженная смерть» возможна только жертвенная, после страданий, т. е. здесь пересекаются ЛСГ **горе** и **смерть**. Кроме того, возникает вопрос памяти, для лирической героини важно помнить это страдание, как будто именно страдание – главное в ее жизни. И спокойствие она обретет не в забвении, а, напротив, в вечной памяти.

Подгруппа **горе** также пересекается с подгруппой **безмолвие**: *И если зажмут мой измученный рот, Которым кричит стомиллионный народ*, – **безмолвие** в данном контексте еще в будущем и оно, предположительно, насильственное. Экспрессивные лексемы «зажмут», «кричит» создают состояние тревожности. А. Ахматова употребляет прием доказательства от противного, т. е. **безмолвие** – отсутствие звука, и здесь именно звук собираются убить, зажать. Народность **горя** показана определением – «стомиллионный» народ.

Синтаксическими параллелизмами выражено пересечение подгрупп **тюрьма** и **смерть**: *Муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне*, – в данном контексте **тюрьма** и **смерть** становятся контекстуальными синонимами. Смерть описывается при помощи соответствующих атрибутов – «в могиле». Также тюрьма и смерть являются контекстуальными синонимами в следующем контексте: *Там тюремный тополь качается, И ни звука*, – а сколько там *Неповинных жизней кончается*, – кроме того, здесь есть пересечение с группой **безмолвие** – «и ни звука», безмолвие показывает нам на безысходность смерти. Смерть выражена отрицанием жизни – «жизни кончаются». То, что жизни определяются как «неповинные», указывает на жертвенность смерти.

Подгруппа **тюрьма** также пересекается с подгруппой **одиночество**: *И ненужным привеском качался Возле тюрем своих Ленинград*, – отметим, что тюрьмы являются главным, а Ленинград – лишь «привесок», к тому же «ненужный», это определение – «ненужный» – и создает впечатление одиночества.

Подгруппа **смерть** также пересекается с подгруппой **страх**: *И синий блеск возлюбленных очей Последний ужас застилает*, – «последний ужас» – страх смерти, следовательно, эти две подгруппы сливаются здесь в одну. В следующем контексте пересечение этих двух подгрупп выражено синтаксическим параллелизмом: *Узнала я, как опадают лица, Как из-под век выглядывает страх*, – синтаксический параллелизм: «опадают лица» – «выглядывает страх» приравнивает друг к другу эти два действия, а увядание – это смерть.

Таким образом, в подгруппе **горе** смысл выражается в основном через страдание, мучения, само состояние горя является протяженным во времени. Подгруппа **горе** пересекается с такими подгруппами, как **смерть**, **цвет**, **безмолвие**. Подгруппа **безмолвие**, в свою очередь, является как выражением крайнего горя, так и уединения, спокойствия, однако в обоих случаях семантика тесно переплетена со **смертью**, **тюрьмой**, **горем** и **одиночеством**. Подгруппа **одиночество** пересекается с подгруппами **горе** и **смерть**. Проявления одиночества здесь два – одиночество как болезнь и как победа над собой.

Подводя итог, можно сказать, что ощущение тревожности создается при помощи выразительных средств – метафор, реминисценций, синтаксических параллелизмов.

Взаимоотношения между группами наглядно изображены в таблице:

	горе	смерть	похоро- ны	тюрьма	цвет	безмол- вие	страх	одиначе- ство	иллю- зорность
горе		+	+		+	+		+	
смерть	+			+	+	+	+	+	+
похороны	+			+	+	+			
тюрьма		+	+			+			
цвет	+	+	+						
безмолвие	+	+	+	+					
страх		+							
одинокчество	+	+							
иллюзорность		+							

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Изард К.Е. Эмоции человека / К.Е. Изард. М., 1980.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. М., 1989.

Е.С. Степанова²⁵

МЕСТО КОНЦЕПТА «ЯЗЫК / РЕЧЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АМЕРИКАНЦЕВ

В статье содержится представление о способах выражения концепта «язык / речь» в английском языке и о его значимости в англоязычной картине мира. В работе используется метод ассоциативного эксперимента; информанты – носители американского варианта английского языка (канал связи: Интернет).

This scientific article contains representation about ways of concept «language/tongue/speech» in English language and about its sig-

²⁵ Научный руководитель – к. филол. н., доц. А.А. Бернацкая.

nificance in English worldview. In the work I use the method of association experiment; informants are American English-speakers (communication channel: the Internet).

Работа посвящена анализу семантики ядерных лексем концепта «язык / речь»: *language*, *tongue* и *speech* в современном английском языке. По данным «Летописи авторефератов и диссертаций» и «Библиографического указателя ИНИОН РАН» за последние десять лет не было ни одной работы по заявленной теме. Статья Ю.А. Левицкого [2006] частично затрагивает данную тему, но в аспекте определений «язык», «речь» и «речевая деятельность» Ф. де Соссюра.

Целью исследования является определение значимости концепта в англоязычной картине мира, в языковом сознании носителей. Она может быть достигнута только путем сопоставительного анализа концепта «язык / речь» в русско- и англоязычных картинах мира. На данном начальном этапе исследование ограничено англоязычным материалом, однако элементы сопоставления неизбежны.

Материалом исследования послужили словари (англо-русский, пословиц и поговорок, толковые, фразеологический, синонимов, историко-этимологический и идеографический), результаты ассоциативного эксперимента и художественные тексты «Паломничество Чайльд-Гарольда» Дж. Г. Байрона и «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Использовались методы семантического толкования, ассоциативная методика (анкетирование) и описательно-аналитический метод.

Ключевые понятия и понятийные категории обозначенной в названии темы: язык и мышление, язык и культура, концепт и концептосфера, языковое сознание, языковая картина мира – это базовые понятия лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики. Концепт – «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». [Степанов, 1997. С. 40]. Концептосфера – совокупность концептов в языковом сознании человека [Лихачев, 1993].

Культурная (понятийная) картина мира — это «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [Тер-Минасова, 2000. С. 42]. **Языковая картина мира** «отражает реальность через культурную картину мира. Речь идет, во-первых, о том, что язык как идеальная, объективно существующая структура подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями. А во-вторых, о том, что язык – система чистых значимостей – образует собственный мир, как бы наклеенный на мир действительный» [Там же. С. 46].

В английском лексиконе русское слово «язык» представлено двумя лексемами: *language* и *tongue*, русское слово «речь» – лексемой *speech*. Клас-

сификация толкований данных лексем произведена на основе наиболее полных англоязычных толковых словарей – Вебстера, Кембриджского и Оксфордского.

Лексема *language* имеет следующие значения:

язык как знаковая система, включающая в себя звуки, слова и грамматику; язык, используемый на определенной территории или определенной группой людей; система знаков, передающая информацию;

язык как способность говорить (естественные или искусственные языки);

язык как речь, форма или манера словесного выражения; слова и их использование, а также способы их комбинирования;

переносное значение (школьный предмет изучения).

Лексема *tongue* означает:

язык как анатомический орган;

язык как система (родной язык, иностранный язык, разговорный язык);

язык как речь, способ выражения чувств и мыслей;

в переносном смысле – «язык как кушанье»; «узкая полоска суши»; «морской залив или пролив»; «апофиза» (жилоподобное ответвление, отходящее от магматического тела) (геол.).

Лексема *speech* означает:

речь и речевая деятельность, способность говорить; публичное выступление; индивидуальная манера говорить;

переносное значение – «реплика в драматическом произведении».

Общий компонент семантики данных ядерных лексем – «речь».

В этимологии лексемы *language* отчетливо просматривается связь с огнем. Слово заимствовано из французского *langage* в XIV в. *Langage* – «язык» – соотносится с древнеанглийским *lieg* – «огонь». Подобным же образом латинское *lingua* – «язык» – восходит к индо-европейскому *dheg* – «гореть», литовское *kal-ba* – «язык» – к индоевропейскому *kel* – «гореть, жечь».

Слово *tongue* произошло от древневерхненемецкого *zunga* – «язык» (в XII в.), также обнаруживается связь с огнем (древнеанглийское *tung* – «язык» и индоевропейское *teg* – «гореть»).

Слово *speech* произошло от древнегерманского *spraekijo* – «говорить» (до XII века), и тогда обозначало речь как выступление перед людьми. Глагол «говорить» (*to speak*) связан с древними верованиями. Согласно языческим преданиям, слово было первым божественным творением, равносильным созданию Вселенной. Вселенная же была создана Божеством, разорвавшим Хаос посередине Мироздания. В связи с этим древнеанглийское *spácan* – «говорить» – можно сопоставить с английским глаголом *break* – «разрывать» [Маковский, 2000. С. 188-189, 349, 378].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что данные лексемы очень древние. Об этом свидетельствует связь слов *language* и *tongue* с огнем, т. е. с древними языческими обрядами, а глагола *speak*, родственного слову *speech* – с языческой мифологией. Язык – это власть. Огонь – это власть. Не только вождя над членами племени, но и человека над природой. Умение пользо-

ваться языком – прямой путь к власти. К примеру, в Мексике слово «император» *tlatoani* переводится как «тот, кто говорит» [Ажеж, 2003. С. 192].

Концепт «язык / речь» связан с речевым поведением. «Речевое поведение – одна из самых сложных и многогранных характеристик человека... складывается из ряда составляющих – как лингвистических (выбор субъектом слов и конструкций), так и психологических (обычные реакции субъекта на просьбу или совет)...». Отмечаются, что «все лексические единицы, характеризующие соотношение говорения и слушания в речи субъекта, описывают отклонение от среднего, от идеального» [Бабаева, Урысон, 2006. С. 69–71].

Оценочные характеристики субъекта речи – классы «разговорчивый» и «молчаливый». На материале английского языка слов в классе «разговорчивый» оказалось столько же, сколько в классе «молчаливый» (14 в каждом), причем многие из первых носят негативную оценку, как и в русском языке, (например, болтливый, говорун), *talkative* – разговорчивый (нейтрально); *garrulous*, *verbose*, *prolix*, *verbalize* – разговорчивый, многословный (легкая негативная оценка); *indiscreet*, *blabbing* – не умеющий хранить тайну (более сильная негативная оценка); *idle talker*, *windbag* – пустослов (ярко выраженная негативная оценка). Английский эквивалент русского «разговорчивый» можно отнести к природе в поэтической речи – *murmuring* («*Leaves murmuring by myriads in the shimmering trees*» Wilfred Owen. From My Diary, July 1914) [Мультитран].

В классе «молчаливый» многие лексемы носят положительный характер. Например, *impled*, *laconic*, *terse*, *brief* – молчаливый, немногословный (легкая положительная оценка); *taciturn*, *silent* – неразговорчивый (нейтральные); *speechless*, *mute* – безмолвный (нейтральные). Заметим, что слова класса «разговорчивый» (*garrulity*) толкуются через глагол *talk*, а слова класса «молчаливый» (*taciturnity*) – через *speak*. Напрашивается вывод, что в культуре англоговорящих не преобладает ни тип людей болтливых, ни людей молчаливых, в отличие от русского языка, где преобладающий класс – «разговорчивый» [Бабаева, Урысон, 2006. С. 76–81]. Также в культуре англоговорящих класс «болтливость» подвержен более сильной негативной оценке, в отличие от русского языка, где «говорливый» может иметь положительную оценку в зависимости от контекста. Класс «молчаливый» так же, как и в культуре русскоязычного этноса, носит нейтральный и положительный характер. Оценки класса «молчаливый» в английском языке совпадают с данными по русскому языку.

В исследовании принимается гипотеза, согласно которой значимость места того или иного концепта выражается не столько частотой употребления в речи соответствующих лексем в их прямых, основных значениях, сколько числом и характером понятийных областей, в которых языковые представители концептов используются в переносных значениях, а также продуктивностью этих лексем в процессе создания образности. Это предполагает анализ фразеологизмов, пословиц, поговорок, художественной речи.

Тезаурус Роже позволяет определить круг активно используемых лексических единиц в сочетании с исследуемыми лексемами «язык» и «речь».

Language – communication, speech. *An outflow of bad language* – «поток ругательств». *I can't find a common language with you* – букв.: «я не могу найти с тобой общий язык». Ср.: *я ему про Фому, а он мне про Ерему*. *Eyes and language sign* – «симптом глаза и языка» (мед.). В специальной терминологии *language*, по данным другого словаря, употребляется 133 раза в 17 понятийных областях. Это авиация, автоматика, бухгалтерия, деловая лексика, дипломатия, Интернет, компьютерная техника, математика, медицина, механика, полиграфия, политика, психиатрия, психология, религия, сотовая связь, теория информации, юриспруденция. В пословицах и поговорках *language* встречается 1 раз, в устойчивых выражениях – 72 раза.

Tongue – language, speech. *Lose one's tongue* – «язык проглотить». *An ox is taken by the horns, and a man by the tongue* – букв.: «быка берут за рога, а человека – за язык». Ср.: *Всякая сорока от своего языка погибает*; *The tongue is not steel yet it cuts* – букв.: «язык не острый, пока не начинает резать». Ср.: *Злые языки страшнее пистолета*. В специальной терминологии лексема встречается 66 раз в 16 понятийных областях (авиация, автоматика, автомобилестроение, ботаника, геология, ихтиология, кулинария, медицина, металлургия, морские термины, океанология, оружейное производство, почвоведение, религия, СМИ), в пословицах и поговорках – 32 раза, в устойчивых выражениях – 52.

Speech – talk, communication: *Incontinence of speech* – «недержание речи»; *Speech is silver, but silence is gold* – «Слово – серебро, а молчание – золото». В специальной терминологии *speech* употребляется 90 раз в 14 понятийных областях (авиация, автоматика, акустика, военные термины, деловая лексика, дипломатия, киноведение, компьютерная техника, литературоведение, медицина, морские термины, психиатрия, сетевые технологии, юриспруденция), в пословицах и поговорках – 1 раз, в устойчивых выражениях также 1 раз [Мультитран].

По данным синонимического словаря на слово *language* найдено 39 синонимов (например, *accent, letters, prose*), на слово *tongue* – 35, на слово *speech* – 41. Приведенные статистические данные свидетельствуют о распространенности концепта «язык/речь» в сознании говорящих. Также лексемы *language* и *tongue* – синонимы и часто являются взаимозаменяемыми. Общие синонимы для трех лексем – *accent, articulation, dialect, discourse, talk, utterance, voice*.

Анализ художественных текстов не дал значимых результатов. Возможно, это связано со случайным выбором текстов. В идиостиле Байрона концепт «язык / речь» не играет какой-либо роли (*language* встречается только 1 раз): *To such as see thee not my words were weak; To those who gaze on thee, what language could they speak?* (G. Byron). В идиостиле Толкиена концепт «язык / речь» более активен – в первых двух книгах *language* встречается 4 раза, *tongue* – 15 раз, из них 4 – в переносных значениях – *Tongues began to wag in Hobbiton and Bywater; and rumour of the coming event travelled all*

over the Shire; I thought all the trees were whispering to each other, passing news and plots along in an unintelligible language. (J. Tolkien).

Кроме этого, был проведен ассоциативный эксперимент²⁶, участниками которого стали 80 человек в возрасте от 11 до 61 года (США). Канал связи – Интернет. Информанты должны были назвать первые ассоциации со словами *language, tongue и speech* в течение 10 секунд на каждое слово.

На слово *language* возникли следующие реакции: Речь и речевая деятельность – 28/35 % (communication, talk); система знаков – 26/32,5 % (mother language, French); система вспомогательных знаков – 14/17,5 % (AL, finger language); словарный запас – 6/7,5 % (words I say, dictionary); манера говорить – 4/5 % (flowery, bad); затруднились ответить – 2/2,5 %. Реакциями на слово *tongue* были: анатомический орган – 28/35 % (glosso, mouth); language – 22/27,5 % (English, foreign tongue); переносное употребление – 16/20 % (of flames, bat); словарный запас – 7/8,75 % (terminology, words); кушанье – 5/6,25 % (food, jelly tongue); затруднились ответить – 2/2,5 %. Реакции на слово *speech*: действие – 37/46,25 % (dialogue, communication); манера говорить – 16/20 % (style, wonderful speech); публичное выступление – 14/17,5 % (public speech, lecture); словесное выражение мысли – 11/13,75 % (direct, thoughts); language – 1/1,25%.

Можно сделать следующие выводы по результатам эксперимента.

За исключением трех случаев, все реакции относятся к основной коммуникативной сфере. Реакция «анатомический орган» обусловлена профессией информантов (врачи). Реакция *tongue of flame* задана стереотипностью сравнения, «кушанье (язык)» – интернациональным характером. Подтверждается указанный в словарях факт синонимии *language* и *tongue*. Тот факт, что только 4 реакции «не знаю», свидетельствует о значимости исследуемого концепта в языковом сознании англоязычных американцев.

Таким образом, исходя из полученных в процессе исследования данных, можно сделать следующие выводы.

Данные словарей и эксперимента свидетельствуют о том, что концепт «язык / речь» занимает существенное место в англоязычной картине мира, в языковом сознании носителей языка. Это подтверждается, во-первых, продуктивностью в разных понятийных сферах вне основной (коммуникативной) сферы; *language* употребляется 133 раза в 18 понятийных сферах, *tongue* – 66 раз в 13 областях, *speech* – 90 раз в 16 областях. Суммарно это составляет 289 переносных значений в 37 понятийных областях. Эти сферы охватывают самые разные области, связанные с природой, экономикой, религией, военным делом, медициной, питанием, психикой, СМИ. Лексема *language* охватывает более широкий круг понятий, нежели *tongue* и *speech*. Во-вторых, об этом свидетельствует активность лексем *language, tongue, speech* в созда-

²⁶ В данном эксперименте не учитывались различия в картине мира англичан и англоязычных американцев. Сначала называется область значений, затем абсолютное число реакций и их процентное соотношение.

нии образности, в-третьих, ассоциативный эксперимент продемонстрировал большой диапазон конкретных реакций (154 разных реакций из 240 данных).

Правомерность рассмотрения единого концепта «язык / речь», представленного в английском языке тремя ядерными лексемами, оправдана тем, что в сознании людей слово язык часто заменяется словом речь, что свидетельствует о восприятии концепта «язык / речь» как единого целого. Это подтверждается словарями (толковый, синонимический), а также ассоциативным экспериментом. Данные эксперимента демонстрируют достоверность информации, заключенной в толковых словарях: прежде всего, синонимию слов *language* и *tongue*. Концепт «распространяется» также за счет синонимов (для *language* найдено 39 синонимов, для *tongue* – 35, для *speech* – 41).

Особенность концепта *tongue* – его «физиологичность». В сознании людей – это скорее орган речи или кушанье, нежели язык в лингвистическом смысле. В ходе эксперимента реакция «анатомический орган» на слово *tongue* составила 35 %.

В русском и английском языках речевые характеристики субъекта представляют два класса: «молчаливый» и «разговорчивый». В английском языке лексемы класса «разговорчивый» носят более негативную оценку, чем в русском (например, *verbalize* – разговорчивый, многословный (легкая негативная оценка)), в то время как в русском языке «разговорчивый» может иметь положительную оценку в зависимости от ситуации.

Выводы носят предварительный характер, требуют проверки на более обширном материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. М., 2003.
2. Бабаева Е.Э. Разговорчивый VS. молчаливый: к характеристике речевого поведения человека / Е.Э. Бабаева, Е.В. Урысон // Язык и мы. Мы и язык. М., 2006. С. 69–83.
3. Левицкий Ю.А. Лексикографическая загадка. Значения слов *language* и *langue* / Ю.А. Левицкий // Язык и мы. Мы и язык. М., 2006. С. 47–56.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3–9. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1993/01/931-003.htm>.
5. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры / М.М. Маковский. М., 2000.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М., 1997. С. 40–76.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М., 2000.

ИСТОЧНИКИ

1. Byron G. Childe Harold's pilgrimage / G. Byron. Новосибирск, 2007. Режим доступа: <http://www.bayron.ru/pilgrimage.htm>.
2. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. UK, 2003. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org>.
3. Devlin J. Dictionary of synonyms and antonyms / J. Devlin. М., 2005.
4. The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form. NY, 1958.
5. Tolkien J.R.R. The lord of the rings: The fellowship of the ring / J.R.R. Tolkien. L, 2002. Режим доступа: <http://kniga2001.narod.ru/bibl/index.htm>.
6. Tolkien J. R. R. The lord of the rings: The two towers J.R.R. Tolkien. L, 2008. Режим доступа: <http://kniga2001.narod.ru/bibl/index.htm>.
7. Webster's Revised Unabridged Dictionary . NY, 1913. Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary.htm>.

В.И. Тонкая²⁷

ПОГРАНИЧНЫЕ ЛОКУСЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Работа посвящена характеристике пространства и способам преодоления межпространственных границ в парадигме национально-поэтической картины мира на основе зафиксированных в русских народных сказках языковых фактов. Наш научный интерес представляет поиск способов пересечения межпространственных границ по критерию «свое-чужое», а также описание пограничных локусов, преодолеваемых героем на пути от исходной точки к конечной. Все упоминаемые в сказках локусы, исходя из контекста, были систематизированы и классифицированы по нескольким категориям (относительно героя).

The article is devoted to the description of space and ways of overcoming of interspatial borders in the national-poetic world picture's paradigm on the basis of the language facts fixed in Russian national fairy tales. Our scientific interest is a search of ways of crossing interspatial borders in criterion "own -another's", and also the description of the boundary loci overcome by the hero on a way from a starting point to the final. All loci mentioned in fairy tales, proceeding from a context, have been systematized and classified on several categories (concerning the hero).

Фольклор представляет собой одну из важнейших сторон духовной культуры народа. Было бы ошибочным считать, что все непосредственно наблюдаемые явления окружающей действительности доподлинно воспроизводились и не претерпевали процесс трансформации. В.Я. Пропп в «Морфологии волшебной сказки» выступает против ассимиляции восприятия (как

²⁷ Научный руководитель – к. филол. н., доц. А.Н. Сперанская.

внутреннего осмысления, становящегося фундаментом устного произведения) и исторических фактов на основании того, что первобытное мышление не знает абстракций. Оно манифестируется в действиях, в формах социальной организации, в фольклоре, в языке. Зачастую в основе некоторых мотивов лежит иное понимание пространства, времени и множества, чем то, к которому привыкли мы [Пропп, <http://lib.ru/CULTURE/PROPP/skazki.txt>].

Под «иным пониманием» подразумевается прежде всего суждение носителей русского языка об организации окружающего мира (в частности, пространства) в русле «наивной» системы понятий, которая стоит во главе угла национальной картины мира [Яковлева, 1994. С. 9].

Данная работа посвящена характеристике пространства и способам преодоления межпространственных границ на основе зафиксированных в русских народных сказках языковых фактов.

Следует подчеркнуть, что в архаичной модели мира пространство оживотворено, одухотворено и качественно разнородно [Топоров, 1983]. Важно сделать акцент на различии мира физического – освоенные человеком территории, и умозрительного – внеземные (надземные, подземные), иные пространства.

Во многом сюжетную и композиционную специфику жанра сказки определяет малое сопротивление в ней материальной среды, «сверхпроводимость» ее пространства. Оно в сказке не служит затруднением действию, и любые расстояния не мешают развиваться сказке [Лихачев, <http://ksanak.ru/Book/3tom/1/poet/31>].

С.Д. Домников отмечает, что различие пространства в сказке – это прежде всего различие пространства этого мира (горизонтальное измерение: герой передвигается в горизонтальном измерении, преодолевает равнины, леса, степи, долины) и мира «иного» (вертикаль: герой или падает в пропасть, или взбирается в гору, или переносится птицей вверх или вниз) [Домников, <http://www.newscience.ru/konferencia/konfer2004/domnikov>].

Также пространство в народном сознании дифференцируется по признаку *свое-чужое*. *Свое* – как правило, отцовский дом, отправная точка для дальнейшего путешествия. *Свое* включает в себя определенный круг, замыкающий узкое сакрализованное пространство. *Чужое* – вне дома. События сказочного действия предполагают особый набор локусов, благодаря которым текст осознается и признается вымышленным. Все пространство, включенное в сказочное повествование, является неоднородным и мозаичным, составленным из n-го числа деталей – микролокусов.

Данная работа основана на анализе 76 текстов из трехтомника А.Н. Афанасьева «Русские народные сказки». Наш научный интерес представляет поиск способов пересечения межпространственных границ по критерию «свое-чужое», а также описание пограничных локусов, преодолеваемых героем на пути от исходной точки к конечной.

Все упоминаемые в сказках локусы, исходя из контекста, были сгруппированы по нескольким категориям (относительно героя):

1. Определенный пункт назначения

«Свое»	«Граница»	«Чужое»
И улетел к отцу, к матери Иван-царевич очутился в своем государстве	-	Вези свою дочь в лес, в землянку Приходит в другое царство к царю Добрый молодец поплыл в тридесятое королевство

2. Ландшафт: море, река, берег, лес, гора, камень

«Свое»	«Граница»	«Чужое»
Сели царевичи на свои корабли, отвалили от берега и поплыли по морю	Дошли до камня в пятьсот пудов Взойдет на высокую гору, посмотрит на свой дворец Пришли в дремучий, густой лес Пришли к оврагу крутому-раскрутому	Едет, а вокруг все бор да болото Перебралась ведьма через горы Завтра улечу за темные леса, за высокие горы На море, на океане, на острове на Буяне

3. Топографические объекты: луг, пашня, дорога

«Свое»	«Граница»	«Чужое»
Девушки гуляли по саду	Приехал он в чистое поле, в зеленые луга Ступайте в заповедные луга и выстрелите в разные стороны	Вот едут они степями, долинами

4. Жилище

«Свое»	«Граница»	«Чужое»
Василиса запретя в чуланчике, где жила Не ходи со двора Старик пошел в амбар крупку брать; взял крупку, понес домой	Стань ты только вечером на пороге Подвел ко крылечку Сел у открытого окошечка Отворила дверь в лес	Месяц затопил про него баню <...> Пошел старик в баню Иван-царевич две ночи в шатрах ночевал

5. Топонимы

«Свое»	«Граница»	«Чужое»
В некоторой было деревне: жил мужик	-	Ездил-ездил по селам и городам

Повадился в ту дере- вушку змей летать Сам летал по Руси, нахватался русского духу		Пошли вместе в иные во- лости промышлять Пришли в село Приходят в большой град столичный
--	--	--

Необходимо оговорить «тройственность» сказочного пространства в сознании русского народа. Перемещение персонажей, будь то герой или антагонист (вредитель), задано траекторией «свое – граница – чужое – граница – свое». Во втором случае «граница» может нивелироваться. При этом естественно, что «свое» для героя, то «чужое» для антагониста и наоборот. При этом граница – зона нейтральная (исключение – жилище и его атрибуты) и в частных случаях в прямом смысле условная. Итак, выясним, что в сознании русского народа символизирует грани перехода из одного пространства в другое.

«Тройственность» пространства вовсе не ограничивает количество преодолеваемых границ. Нередко дорогу от родного дома до конечного пункта путешествия – места заточения сестры, матери, невесты – разделяет огненная река, дремучий-дремучий лес, высокие горы или глубокое море. Зачастую одно препятствие следует за другим. *Фролка-сидень и Ерема <> уговорились с царем и пустились искать царевен. Шли они, шли и пришли в дремучий, густой лес. Долго ли, коротко ли они ехали – никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. А за мостом – царство многоглавых змеев.*

Граница здесь имеет и временной характер. Продолжительность их путешествия – *шли они, шли и пришли* – это первая граница между «своим» и «чужим», так как «свое» имеет узкую локальность. *Дремучий лес* – вторая граница, это переход из «чужого» в «чужое», *огненная река* – третья, *мост* – связующий элемент между третьим и четвертым локусом. Восприятие сказочного пространства можно назвать «эффектом мозаики».

В большинстве текстов переходной точкой из «своего» в «чужое» становится *степь* или *чисто поле*, которые видны сразу за воротами дома. Семантика *чистого поля* представляет особый интерес – пожалуй, больше ни на одном пространстве не происходит столько событий и действий. *Чисто поле* может интерпретироваться как:

1. Пустое пространство, которое при помощи волшебного средства заполняется. *Долго ли, коротко ли – приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось; Он взял гребенку и кинул во чисто поле: откуда что – вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще!*

2. Ритуальное пространство. *Королевна вызвала Зорьку; тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы; потом разложил костер, сжег змея поганого и пустил пепел по чистому полю.*

3. Поле битвы как нейтральное пространство. *«Ну, – сказал царевич, – коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе». Сели*

на коней, выехали в чистое поле; баба-яга золотая нога выставила рать-силу несметную.

4. Граница между «своим» и «чужим». Ахнула, кинулась туда-сюда – нету. Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом.

Зачастую именно *чисто поле* становится ключевым местом для перехода в чужое пространство. В качестве объекта-границы может выступать *камень, ручей и горы*. Горы, как и поле, а также *камень, море, овраг, луг, лес* – границы только нейтральные.

Переходом-границей из «своего» в «чужое» и из «чужого» в другое «чужое» является окошко, порог или дверь / доска. Никогда – труба или крыша. *Стала она <девка> на порог, отворила дверь в лес и зовет: «Кто в лесе, кто в темном – приди ко мне гостевать!»*. В сказке о Царевне-Лягушке Девка-чернавка пошла и рассказала королевнам, что лягушка все полотно изрезала на маленькие лоскуточки и кинула за окошко. Здесь дом – «свое» пространство, тогда как за окошком / за дверью / на крылечке – переходное, поскольку в славянской культуре именно эти части жилища символизируют пограничный пункт мира живых и мертвых.

Границы могут быть направлены как горизонтально, так и по вертикали (под землей, водой, в небе): *«Расступись, земля, провались, сестра!»*. А сестра шла-шла под землю, видит: *стоит избушка на курьих ножках, стоит-перевертывается*.

В сказках мы сталкиваемся также с особым видом границы – нематериальной (слово и жесты). Например, Иван-дурак, поймав щуку и выполнив ее просьбу, переступил через границу своей реальности, попав в сказочное – чужое – пространство, обретя чудесного помощника.

Нематериальной границей может быть:

заклинание – *Расступись, земля, провались, сестра!*;

запрет – *Будь умна, береги братца, не ходи со двора*;

выполнение обещания – *Ты преждепусти меня в воду, а я обещание свое исполню*;

условие – *Слушай, – сказала ему лягушка, – стрела твоя попала ко мне, ты должен взять меня замуж; а не возьмешь за себя – не выйдешь из этого болота*;

крестное знамение – *Солдат запер во дворце все окна и двери накрепко и закрестил их православным крестом*.

Стоит обратить внимание и на такой способ пересечения границы, как оборотничество / травестирирование: *Иван-царевич ударился о сырую землю, сдelaлся ясным соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем*.

Сырая земля интерпретируется как «свое» и выполняет мистическую функцию. Поскольку земля представлялась также человекоподобным существом, можно отметить амбивалентность ее функций: земля – «свое» / земля – чудесный помощник. Герой, оборотившись соколом, именно в этом обли-

чии перемещается от дома к тридесятому царству. Здесь особенно четко представлена «сверхпроводимость» пространства, так как герой не встречает препятствий на своем пути и мгновенно переносится через все условно существующие границы. Интересно, что способность к оборотничеству герой сохраняет независимо от местоположения: «свое», «чужое» или же пограничная территория.

Герой может перевоплощаться не только в зооморфных созданий, но также принимать новый человеческий облик, а порой претерпевать целую цепочку превращений, без которых перемещение его в пространстве было бы невозможным: *Королевна ударила о крыльцо, оборотилась голубкою и полетела на море; Буря-богатырь ударился оземь, оборотился соколом и полетел за ней следом <...> Буря-богатырь ударился оземь, оборотился девицей и говорит: «Дедушка, дедушка! Выйди еще, поговори со мною, позабыла тебе словечко сказать».*

Таким образом, представление о пространстве в русской сказочной картине имеет четкую структуру. Пространство «трехчастно», оно включает в себя начало пути от «своего» к «чужому», что составляет саму цель путешествия. Особое внимание уделено межпространственным границам, разделяющим объектный мир на «свое» и «чужое». Фольклорное представление о пространстве и пересечении границ отражает архаичные представления, залегшие в народное сознание и не совпадающие с научными, и являют собой самобытные семантические языковые черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домников С.Д. Семантика пространства в русской волшебной сказке / С.Д. Домников // Режим доступа: <http://www.newscience.ru/konferencia/konfer2004/domnikov/>.
2. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев // Режим доступа: <http://ksanak.ru/Book/3tom/1/poet/31.html>.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп // Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/PROPP/skazki.txt>.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 227–284. Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/p/Publ_Toporov_Space.html.
5. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. М., 1994.

ИСТОЧНИКИ

1. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 // Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/150103/read>.
2. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2 // <http://lib.rus.ec/b/150104/read>.

II. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

С.Б. Белецкий²⁸

МАКРОДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

В статье дается краткая характеристика коммуникативной манифестации патернализма – феномена опеки и покровительства самого широкого спектра. Коммуникативный патернализм рассматривается как интердискурс и описывается как совокупность конституирующих его макродискурсивных практик.

This article reflects the way the paternalism (the relationship of patronage and protection) is being realized through verbal communication. The communicative paternalism is seen as an interdiscursive entity and is described as set of its practices.

Понятие патернализма объединяет широкий круг явлений, для которых характерно действие во благо индивида или группы индивидов, которое, однако, может противоречить или не в полной мере соответствовать их воле. Проявления патернализма можно наблюдать в самых разных сферах человеческой деятельности – от воспитания детей (запрет на курение) до внешней политики государств (неоколониализм). Нами предпринята попытка исследовать патернализм как коммуникативный феномен, возникающий в условиях межличностной вербальной коммуникации.

Под патернализмом в целом понимается «действие, предпринимаемое государством или отдельным индивидом по отношению к личности из соображений ее благополучия или избавления от какой-либо опасности, но вопреки ее воле» [Dworkin, 2010. С. 1]. Иными словами, суть патерналистского действия сводится к заботе через запрет. Поскольку элементы патерналистской коммуникации могут быть идентифицированы в различных типах дискурса (бытовой, профессиональный, государственный), с точки зрения коммуникативно ориентированного исследования мы рассматриваем данное явление как интердискурс, а именно дискурс патерналистских отношений. Согласно теории критического дискурс-анализа Н. Фэрклофа, ситуация интердискурсивности возникает тогда, когда различные дискурсы и жанры артикулируются вместе в одном коммуникативном событии [Йоргенсен/Филлипс, 2008. С. 128]. Так, например, в медицинском дискурсе могут быть обнаружены элементы дискурса патерналистских коммуникаций как патерналистская модель отношений между врачом и пациентом [Чеботарева, 2006]. Таким об-

²⁸ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Л.В. Куликова.

разом, при исследовании патернализма в непосредственной межличностной вербальной коммуникации мы сосредоточимся, в первую очередь, на описании структуры дискурса патерналистских отношений посредством описания конституирующих его дискурсивных практик.

Под дискурсивной практикой вслед за Йоргенсен/Филлипс мы понимаем метод производства и потребления текста, который, являясь формой более широкой социальной практики, вносит вклад в конституирование социального мира [Йоргенсен/Филлипс, 2008].

Понятие дискурсивной практики мы применяем для описания процессов структурирования как отдельного коммуникативного события (микро-дискурсивная практика), так и самоорганизации дискурса в целом (макродискурсивная практика).

Мы моделируем дискурс патерналистских отношений через следующие макродискурсивные практики:

актуализация симптомов иррациональности субъекта общения, под которыми мы понимаем проблемные, с точки зрения говорящего, участки картины мира собеседника, то, что свидетельствует о его неверном, искаженном, неполном, иными словами, иррациональном восприятии действительности [БСЭ, 1972. С. 1333];

атрибуция (эксплицитная или имплицитная) иррациональности субъекту общения;

дискурсивная обработка иррациональности субъекта общения;

конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как состоявшегося или опровергнутого.

Мы выделяем данные процессы условно и в условной последовательности. Какие-то из них могут вовсе не наблюдаться, порядок следования других будет иным, или же два и более процесса при понимании их как серии коммуникативных действий могут протекать одновременно, т. е. иметь один и тот же материальный носитель (одна и та же последовательность конструктивных единиц хода может стать ресурсом для совершения нескольких коммуникативных действий). Кроме этого, в живой коммуникации для отдельного процесса сложно установить адресата и адресанта, поскольку вербальное взаимодействие интересубъективно по своей природе.

Проиллюстрируем сказанное на примере транскрипта фрагмента одной из серий первого сезона реалити-шоу «Big Brother», выходившего в эфир в Германии в 2000 г.

Пример «des MUSS=te nochmal NEU machen»²⁹

01 kom³⁰: verena kommt dazu

02 sab: haste geSEHN

03 ver: mArion naDIN isch verÄCHte euch? ((lacht))

²⁹ Данные представлены в соответствии со стандартами немецкой системы транскрипции устной речи [Selting, 1998]. Транскрипционные знаки см. в приложении.

³⁰ Комментатор (от нем. Kommentator).

04 kom: andrea kommt dazu
 05 ver: mArion=n naDIN ich verÄCHte euch ((lacht))
 06 jür: macht mich NICH bekloppt
 -> 07 ver: [naDIN wird das hinten nich mit e äh E
 -> 08 adr: [(...)]
 09 ver: noch geschrieben?
 10 jür: =jaJA
 11 adr: ja KLAR [naDIne
 12 jür: [die=s so DOOF
 -> 13 adr: haja des MUSS=te nochmal NEU machen
 14 sab: ((schreit [erschreckt]))
 15 adr: [naDIne schreibt man mit E am ende
 16 sab: ach das SIEHT man [doch nich
 17 ((...))

В данном коммуникативном эпизоде участники обсуждают надпись, сделанную Сабриной (sab) красками на спине Юргена (jür). Сабрина допустила в надписи две орфографические ошибки. В данном отрывке участники обсуждают первую. После шутки по поводу содержания надписи (01-06) Верена (ver) имплицитно актуализирует симптом иррациональности Сабрины, привлекая внимание к орфографической ошибке (naDIN wird das hinten nich mit e äh E noch geschrieben). Актуализация симптома иррациональности (в данном случае незнание правил орфографии) является ликоугрожающим действием [Goffman, 1975]. С целью минимизации угрозы социальному лицу Сабрины Верена оформляет свой коммуникативный вклад максимально нейтрально с точки зрения лексического наполнения и интеракционного исполнения – в форме вопроса в страдательном залоге без референции к автору надписи, предваряя его смехом как маркером непринужденного общения и отодвигая совершение репаратуры другим (othercompleted repair в терминологии конверсационного анализа [Schegloff, 2007]) путем самостоятельно инициированной и совершенной репаратуры (e äh E), тем самым давая Сабрине возможность морально подготовиться к наступлению ликоугрожающего действия. Использование страдательного залога позволяет ей привлечь внимание к проблеме, непосредственно не вторгаясь в коммуникативную автономию Сабрины, т. к. конструкции в страдательном залоге позволяют сохранять социальную дистанцию на вербальном уровне.

За этапом актуализации симптома иррациональности следует этап дискурсивной обработки иррациональности, под которой мы понимаем коммуникативные действия, направленные на решение коммуникативной проблемы и служащие продолжению начатого (в данном случае бытового) дискурса. Данный этап одновременно открывают Андреа (adr) и Юрген, чьи коммуникативные ходы накладываются, после чего Андреа отказывается от права слова в пользу Юргена. Юрген не просто выражает согласие с предложенным Вереной вариантом написания имени, а интерпретирует его как предложение исправить ошибку и соглашается с ним, о чем свидетельствуют факт редупликации междометия «ja» и факт интенсивной акцентуации на втором слоге

фонетического слова «jaJA». Выражая солидарность с Вереной и Юргеном, Андреа принимает на себя роль «эксперта по орфографии», поскольку она не просто выражает согласие с остальными участниками коммуникации (ja), а дает оценку их мнению (KLAR) и единственная из всех предлагает верный вариант написания (naDIne). Андреа завершает этап дискурсивной обработки иррациональности Сабрины, эксплицируя необходимость исправить ошибку. При этом она вторгается в коммуникативную автономию Сабрины (13). В отличие от Верены, она оформляет свой коммуникативный вклад максимально эксплицитно в форме императива, усиливая эффект директивности фразовым ударением на слове «neu».

После того как этап дискурсивной обработки иррациональности субъекта общения завершен, открывается этап конструирования статуса дискурса патерналистских отношений (ратификация или опровержение). Субъект общения, которому была атрибутирована иррациональность и предложены варианты ее нивелирования, должен или подтвердить или опровергнуть навязываемую ему роль профана ратификацией или отклонением предыдущей коммуникации в качестве ресурса для дальнейшего развития коммуникативного взаимодействия. Сабрина не ратифицирует помощь со стороны остальных участников общения, имитируя вскриком испуг (14). Андреа настаивает на том, чтобы Сабрина исправила ошибку, но уже в более мягкой форме, т. к. из только что последовавшей реакции Сабрины она могла сделать вывод, что ее социальному лицу был нанесен урон (имитация испуга должна была переключить внимание участников с персоны Сабрины на происходящее). Однако Сабрина снова отвергает коммуникативную помощь, ссылаясь на то, что ошибка практически не заметна (ach das SIENT man doch nich).

Как актуализация симптомов иррациональности, так и их дискурсивная обработка происходят в интересах Сабрины. Участники едины во мнении, что если одна из адресатов надписи – Надин – прочитает свое имя, написанное с ошибкой, то социальное лицо Сабрины окажется в еще большей опасности, чем, если ей укажут на ошибку и скажут, как ее нужно исправить. На основании этого мы рассматриваем данный коммуникативный эпизод как пример коммуникативного патернализма. Участники общения накладывают коллективный запрет в имплицитной форме на показ надписи, сделанной Сабриной. Следует отметить, что в данном коммуникативном эпизоде коммуникативный патернализм является лишь одной из целей коммуникации.

С позиций ролевого взаимодействия процесс актуализации симптомов иррациональности является основой конструирования ролевой пары «эксперт-профан». Экспертом становится тот, кто актуализирует симптом иррациональности (Верена), а также тот, кто предпринимает попытку его дискурсивной обработки (Андреа). Роль профана в данном коммуникативном эпизоде отводится Сабрине помимо ее воли, о чем может свидетельствовать ее реакция на замечания о том, что ею была допущена ошибка (имитация испуга в строке 14) и попытка нивелировать ситуацию указанием на то, что ошибка практически не заметна (16). Иными словами, Сабрина не принимает навязываемую ей роль профана и тем самым отнимает у Верены и Андреа статусы

экспертов. Следует также заметить, что процессы актуализации симптома иррациональности и ее дискурсивной обработки в данном коммуникативном эпизоде совпадают.

Подводя итог сказанному, заметим, что проблематика коммуникативного патернализма не ограничивается лишь описанием конституирующих его макродискурсивных практик как этапов построения патерналистской коммуникации и микродискурсивных практик как конкретных коммуникативных действий по их реализации. Она намного шире и включает в себя такие аспекты, как коммуникативные пространства и контексты его реализации, жанры и стратегии, параметры и ситуация общения, которые, однако, не могут быть освещены в рамках данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1972. Т. 10.
2. Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. Харьков, 2008.
3. Чеботарева О.А. Патернализм в отечественной медицине. Дис. ... канд. соц. наук / О.А. Чеботарева. Волгоград, 2006.
4. Dworkin G. Paternalism / G. Dworkin // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2005/entries/paternalism/> (дата обращения: 05.10.2007).
5. Gofmann E. Interaktionsrituale: Über Verhalten in direkter Kommunikation / E. Gofmann. Frankfurt-am-Main, 1975.
6. Schegloff E.A. Sequence Organization in Interaction: A Primery in Conversational Analysis / E.A. Schegloff. New York, Melbourne, Cape Town, Singapore, São Paulo, 2007.
7. Selting M. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem / M. Selting, P. Auer, B. Barden, J. Bergmann, E. Couper-Kuhlen, S. Günther, Ch. Meier, U. Quasthoff, P. Schlobinski, S. Uhmann // LB. № 173. 1998. S. 91–122.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Транскрипционные знаки [Selting, 1998]

Сегментная структура

слово [слово]

наложение реплик

[слово]

=

отсутствие паузы между репликами

Ударение

amZENT

главное

akzEnt

второстепенное

Движение тона

?

высоковосходящий

,	средневосходящий
-	без изменений
;	среднепадающий
.	глубокопадающий

Прочие знаки

A:	говорящий
((lacht))	пара- и внеязыковые явления и события
<<hustend> >	пара- и внеязыковые явления
<<erstaunt> >	комментарий
()	фрагмент речи неясен
(слово)	предполагаемое слово
((...))	часть транскрипта опущена
->	указание на фрагмент, разбираемый в тексте

Е.В. Беляева, Ян Ли

ОБРАЩЕНИЕ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена вопросам коммуникативного поведения русских и китайцев. Коммуникативная единица «Обращение» представлена в сопоставительном аспекте двух языков. Выявляются различия в форме выражения обращения в двух языках. Даются рекомендации иностранцам, которые помогут избежать коммуникативных неудач при обращении к китайцам.

The article is dedicated to the communicative behavior problems of Russian and Chinese. The communicative units "Address" is represented in a comparative aspect of two languages. The differences in wording of address in two languages are elicited. Some recommendations to foreigner are given, which help to avoid communicative failures in addressing the Chinese.

В процессе обучения иностранным языкам актуальным является изучение разнообразных фрагментов языковых картин мира, которые содержат важную информацию о самобытности и богатстве национальных культур. Прежде всего они воплощены в традициях, обычаях и в речевом поведении.

Изучая проблемы межкультурной коммуникации, исследователи сталкиваются с различными вопросами. Но в практике преподавания русского языка как иностранного актуальным становится изучение речевого этикета и форм его реализации в языке, например, обращение.

Именно в китайском языке существует множество моделей обращения, которые совпадают по смыслу, но имеют особую форму выражения, отличную от русского языка. Такие обращения могут вызвать у собеседника недоумение.

Различия касаются прежде всего структуры самого имени. Русское имя состоит из трех частей (имя, отчество и фамилия), а китайское имя – из двух (фамилия и имя). Обычно в китайском имени фамилия ставится на первое место и состоит из одного, реже двух иероглифов (слогов). За фамилией следует двусложное (реже односложное) имя, например: *Ян Ли* (*Ян* – фамилия, *Ли* – имя). Разница заключается в порядке слов (1) и в форме самого обращения (2):

(1) В русском языке: должность / ученое звание + имя + отчество + фамилия (*декан Иван Иванович Иванов*); в китайском языке: фамилия + имя + должность / ученое звание (*Ян Ли декан*).

(2) В русском языке обращаются по имени и отчеству, а в китайском – по фамилии + должность / ученое звание или по фамилии + наименования родства [Чжан Ци, 2003. С.170].

Неуважительным оказывается обращение к китайцу только по фамилии. Вежливое китайское обращение это: фамилия + титул, например: *мистер Ли* (Ли сяншэн), *госпожа Ли* (Ли тайтай) и т. д.. Допустимо обращение *сяоцзе* к женщинам в сфере услуг (продавцы, горничные, кассиры). Оно сродни русскому *девушка*, безотносительно к возрасту.

Обращение в русском и китайском языках имеет и много общего. В обоих языках используются такие наименования родства, как *мама, папа, отец, мать, бабушка, дедушка*. Однако в Китае существует строгая градация между поколениями, что привело к формированию очень сложной системы наименования родства. Если в русском языке употребляют только *тетя* и *дядя*, то в китайском языке все родственники различаются по материнской и по отцовской линиям. Также словесно выделяются дяди, жены братьев, мужья сестер, братья старшие и младшие, сестры старшие и младшие и, конечно, их дети. В китайской среде привычны простые формы обращения: *брат / сестра* или фамилия + наименования родства (например, *Ли цзе*), но вторая форма обычно используется для различения одного члена семьи от другого.

Еще одной отличительной особенностью китайского обращения является традиция сохранения женщинами своей фамилии после замужества: *госпожа Ли* может быть замужем за *господином Ваном*.

Следует отметить различия и в употреблении формы обращения на *ты* и *Вы* в двух языках. Когда китайцы разговаривают с собеседником старше, вышестоящим по должности или с уважаемым собеседником, то используют форму *Вы* (например, с бабушкой, преподавателем, директором). Но когда обращаются к друзьям и ровесникам, то говорят *ты*. В древнем Китае употребление личных местоимений (*ты / Вы*) имело строгие языковые нормы. Но теперь в устной речи китайцы чаще обращаются к собеседникам на *ты*. Однако в письме китаец напишет своим родителям *Вы*.

Между собой китайцы очень часто используют для описания иностранцев якобы презрительное *лаовай* (заморский дьявол). Но сегодня это всего лишь архаичная форма описания некитайцев. Она уже не несет в себе ни презрения, ни оскорбительных оттенков. Однако для китайской языковой

традиции европейские имена являются слишком длинными по структуре и труднопроизносимыми. Поэтому китайцы обязательно постараются упростить европейское имя и наградят собеседника прозвищем, которым будут называть его за глаза: например, Сергей = *Лао Се*, *Сяо Се* (Первый Се, Второй Се), если знакомых Сергеев несколько. Ключом к называнию может стать отличительный признак: например *Лао бай мао* (старая блондинка). Причиной тому являются особенности языкового сознания китайца: европейские имена свыше трех слогов слишком сложны для произнесения. Поэтому происходит естественный процесс встраивания чужого имени в родную для китайца языковую традицию. Но иностранец сам может предложить форму от своего имени в китайском духе, назвав себя *Большой Саша*, *Мистер И*, *Маленькая Ната*, *Красивая Валя*. Тем самым можно выделить у себя какой-либо отличительный признак и предложить его в качестве своего имени. В такой ситуации русское отчество оказывается излишним и может внести путаницу.

Возникают коммуникативные неудачи у иностранцев и при обращении к жителям Поднебесной, если они следуют европейской традиции. Только близкие друзья или родственники могут обращаться к китайцу по имени: например, к *Ма Хуну* просто как *Хун*. Даже если известно, что в китайском имени фамилия, а что имя, необходимо спросить, можно ли звать *просто по имени* и получить утвердительный ответ. Такое обращение может сильно повеселить китайца, особенно непривыкшего к простоте и фамильярности иностранцев. Обычно, для того чтобы избежать неловкой ситуации при общении с иностранцами, китайцы берут себе «импортные» имена: *Джон Ву*, *Тимоти Ванг*, *Вася Чжан*, *Ирина Ли*.

Эти различия в использовании обращения необходимо учитывать как китайским, так и русским студентам в процессе изучения иностранного языка, для того чтобы избежать досадных ошибок при общении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжан Ци. Проблемы межкультурной коммуникации при обучении китайских учащихся русскому обращению / Чжан Ци // Мат. XXXII междунар. филолог. конф. Вып. 15. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2003. С. 170–174.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЕКСТАХ Э. ХЕМИНГУЭЯ

Статья посвящена стилистическим особенностям заимствованной лексики на примере текстов американского писателя Э. Хемингуэя; представлена классификация стилистических функций заимствований, которая помогает провести тщательный анализ текстов с точки зрения употребления заимствований не только как лексических единиц, но еще и как стилистических явлений.

The article is devoted to stylistic peculiarities of borrowings by the example of E. Hemingway's texts. The classification of stylistic functions of borrowings was presented in the article. This classification helps to analyze texts in the view of usage of borrowings not only as lexical units but also as stylistic phenomena.

Язык, как средство коммуникации, неразрывно связан с культурой многочисленными связями. Одним из серьезных последствий взаимодействия культур является заимствование лингвистических единиц.

В настоящее время современную лингвистику интересуют стилистические особенности, которые могут заключать в себе заимствованные лексемы.

Заимствование – это уникальное универсальное языковое явление, заключающееся в акцепции одним языком лингвистического материала из другого языка. Это один из важных способов обогащения словарного состава.

Заимствования – это элемент чужого языка (слово, морфема, словосочетание, синтаксический контекст и т. д.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода из одного языка в другой [Ахманова, 2004. С. 101].

Обычно заимствуются слова, реже – синтаксические и фразеологические обороты.

Заимствование звуков и словообразовательных морфем из другого языка происходит в результате их вторичного выделения из большого числа заимствованных слов [Крысин, 1965. С. 11].

Заимствования приспосабливаются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь при помощи этимологического анализа [Ярцева, 1995. С. 158].

Понятие стилистической функции является одним из центральных понятий в стилистике.

Стилистическая функция обеспечивает надежность связи и может препятствовать неправильному пониманию текста.

³¹ Научный руководитель – д. филол. н., проф. О.В. Фельде.

В целом, в научных работах различных авторов стилистические функции делятся на следующие виды:

- 1) номинативная функция;
- 2) функция создания местного колорита;
- 3) функция речевой характеристики персонажей;
- 4) социально-стилистическая функция;
- 5) функция языковой игры;
- 6) экспрессивно-оценочная функция;
- 7) эвфемистическая функция;
- 8) рифмообразующая функция;
- 9) функция авторского самовыражения;

10) функция заимствований, способная создать эффект информационной опустошенности в тексте.

Итак, нами была представлена классификация стилистических функций заимствований, которая помогает провести тщательный анализ текстов с точки зрения употребления заимствований не только как лексических единиц, но еще и как стилистических явлений.

В данной работе мы рассматриваем стилистические особенности заимствованной лексики, употребление и практическую значимость заимствованных лексем на примере текстов американского писателя Э. Хемингуэя.

Этот автор был выбран нами не случайно, поскольку его стиль отличается легкостью восприятия, его язык достаточно современен и приближен к языку простого читателя.

Лексика, используемая в его рассказах, отличается удивительной простотой, метафор почти нет – смысл слова должен быть понятен сразу и строение фразы не должно препятствовать этому.

Но, несмотря на это, его тексты изобилуют заимствованными словами, придавая языку особое своеобразие.

Всего нами было рассмотрено 15 текстов и выделено 73 примера заимствований. Из них в статье упоминается 8 наиболее подходящих для нашего исследования, из которых процитировано 11 наиболее ярких иноязычных лексем, характеризующих определенные стилистические функции.

Проанализировав эти тексты, нами был сделан вывод, что Э. Хемингуэй чаще всего использовал в своих произведениях испанские, итальянские, французские и немецкие заимствования.

Также в некоторых рассказах нами были отмечены заимствования из различных африканских диалектов, отражающих местный колорит, через которые писатель пытался передать свои эмоции и ощущения во время собственных путешествий по Африке.

Анализ заимствований, которые мы встретили в рассказах Э.Хемингуэя, позволил нам распределить их по ряду функций.

Номинативная функция

Заимствования этой группы объединяются на основе общего критерия: репрезентации средствами языка выделенных в акте номинации объектов,

объединенных на основе семантической общности: обозначение понятий чужого языка, реалий и т. д. [Колесова, 2005. С. 9].

Данная функция позволяет презентовать средствами одного языка реалии и понятия, свойственные другому языку.

Как правило, эквиваленты данных понятий в заимствующем языке отсутствуют.

Номинативную функцию заимствований можно проследить в следующих примерах:

«How many *corridas* you had this year?» – Renata asked.

(«The Undefeated»)

«Сколько у тебя *выходов* за этот год?» – спросил Рената.

(«Непобежденный»)

He looked pale, and his *coleta* pinned forward on his head so that it would not show under the cap.

(«The Undefeated»)

Его *колета*, пришпиленная на макушке, чтобы она удержалась под шляпой, немного торчала над бледным лицом.

(«Непобежденный»)

He was dressed in the same sort of *safari clothes* that Wilson wore except that his was new.

(«The Short Happy Life of Francis Macomber»)

На нем был такой же *охотничий костюм*, как и на Уилсоне, только новый.

(«Короткое счастье Френсиса Макомбера»)

Анализ примеров показывает, что номинативная функция заимствований занимает значительное место в текстах Э. Хемингуэя и составляет 25 % от общего количества рассмотренных иноязычных вкраплений.

Данная стилистическая функция весьма значима, поскольку она способствует свободному и разнообразному отражению быта и окружающей действительности, а также номинирует иноязычные реалии, не свойственные принимающему языку.

Функция создания местного колорита

Данная функция также является весьма распространенной в произведениях Э. Хемингуэя.

Мы четко можем выявить ее в следующих примерах:

It's western summit is called «*the Masai Ngaje Ngai*» the House of God

(«The Snows of Kilimanjaro»)

Племя масаи называет его западный пик «Нгайэ-Нгайя», что значит «Дом Бога».

(«Снега Килиманджаро»)

He walked down the shady side of the steep street forward the *Puerta del Sol*.

(«The Undefeated»)

Он пошел к *Пуэрта дель Соль* по темной стороне крутой улицы.

(«Непобежденный»)

Количество заимствований, несущих функцию создания местного колорита, составило 17,9 % от общего количества исследованных заимствований.

Функция речевой характеристики персонажей

Использование заимствований в этой функции отражает индивидуальное восприятие действительности персонажем произведения или автором [Колесова, 2005. С. 10].

В рамках нашего исследования данная функция показала себя как наиболее часто употребляемая в произведениях Э. Хемингуэя. В его произведениях она довольно многогранна и характеризует хемингуэевских героев с самых различных сторон. Мы можем увидеть эту функцию на следующем примере:

«*No hay derecho*», – the waiter said with dignity. This means “You have no right to do this” and is the simplest and the strongest protest in Spain.

(«The Butterfly and the Tank»)

«*No hay derecho*», – сказал официант с достоинством. Это значит «Не имеете права» и энергичнейший протест в Испании.

(«Мотылек и Танк»)

Данное заимствование характеризует персонажа как человека несломленного, привыкшего смотреть в лицо опасности, ощущать себя личностью с чувством собственного достоинства.

Некоторые характерологические заимствования помогают читателю определить взаимоотношения между персонажами рассказов. Например:

«What’s the matter *Schaz*?»

(«A Day’s Wait»)

«В чем дело, *милый*?»

(«Ожидание»)

«You Poor *Schaz*», – I said, – «Poor old *Schaz*».

(«A Day’s Wait»)

«Ах ты, бедный *дружок*», – сказал я, – «бедный *старина*».

(«Ожидание»)

«And you? You have no fear of going home before your usual hour?»

«Are you trying to insult me?»

«No, *hombre*, only to make a joke».

(«A Clean, Well-Lighted Place»)

«А ты? Не боишься возвращаться домой раньше обычного?»

«Ты что, оскорбить меня хочешь?»

«Нет, *дружище*, просто шучу».

(«Там, где чисто, светло»)

Эти иноязычные слова показывают дружелюбность, теплоту и искренность отношений между героями, их миролюбивый настрой. Эти заимствования создают спокойную и умиротворенную картину происходящего.

Функция речевой характеристики персонажей – самая распространенная функция, которая встретила нам в исследуемом материале. Количество

заимствований, выполняющих данную функцию, составило 35,7 % от общего количества исследованных иноязычных лексем.

Социально-стилистическая функция

Эта функция также имеет место быть в рассказах Э. Хемингуэя. Так, по употребленным заимствованиям, мы можем судить о социальном статусе некоторых героев. Например:

«The maid looked up at her. *«Na perduto qualche cosa, Signora?»*
(«The Cat in the Rain»)

Горничная взглянула на нее. *«Вы потеряли что-нибудь, Синьора?»*
(«Кошка под дождем»)

«*Frau!*» – he shouted. *«Frau! Fraulein! You are not going!»*
(«Out of Season»)

«*Frau!*» – крикнул он. *«Frau! Фройлен! Не ходите туда!»*
(«Не в сезон»)

Используя данные заимствования, Э. Хемингуэй характеризует героев по социальной шкале. Даже то, что написание этих заимствований производится с заглавной буквы, указывает на социальный статус героев, их место в описываемой ситуации.

Количество заимствований, несущих эту функцию, составило 21,4 % от общего количества использованных иноязычных единиц.

Итак, на основании вышеизложенного материала можно сделать вывод, что автор использует иноязычную лексику, выполняющую номинативную функцию, функцию создания местного колорита, функцию речевой характеристики персонажей и социально-стилистическую функцию. Тем самым, он преследует весьма разнообразные цели:

заимствования обогащают и оживляют язык писателя;

выражают авторское отношение к изображаемой действительности;

вовлекают читателя в самую суть повествования;

устанавливают смысловые и ассоциативные связи между словами, выражениями и предложениями.

Несмотря на то, что общее количество заимствований в текстах Э. Хемингуэя велико, они не представляют собой хаотичной массы. Напротив, они обладают общими свойствами, поддаются классификации и систематизации.

Проведенное исследование позволяет нам судить о многообразии функций заимствований в произведениях Э. Хемингуэя. Заимствования обладают полифункциональным характером:

обогащают язык писателя путем номинации иноязычных предметов и явлений;

используются для более точной семантической дифференциации;

расширяют грамматических и стилистических возможности принимающего языка;

придают тексту аутентичность и колорит, создают характерную национальную атмосферу.

являются одним из средств характеристики персонажей;

- могут создавать комический или иронический эффект;
- они передают эмоциональное отношение автора к изображаемой действительности;
 - они способны охарактеризовать читателя и самого автора, передать его мироощущение, социальное положение, степень его образованности и т. д.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что использование иноязычной лексики вносит существенное разнообразие в арсенал языковых средств речи, а также дает возможность включить в тексты много нового, интересного и актуального.

В заключение хотелось бы отметить, что хотя проблема классификации стилистических функций заимствований довольно часто затрагивается при стилистическом анализе текста, полноценной научной теории стилистических функций иностранных лексем пока не существует, и начало такому исследованию еще только положено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М., 2004.
2. Колесова Н.В. Заимствование в идиостиле В. Аксенова / Н.В. Колесова. Барнаул, 2005.
3. Крысин Л.П. О причинах лексического заимствования / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. 1965. №3. С.11–13.
4. Хемингуэй Э. Избранные произведения в 2 томах / Э. Хемингуэй. Т. 2. М., 1959.
5. Hemingway E. Selected Stories / E. Hemingway. М., 1971.
6. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. М., 1995.

А.И. Грекова³²

РОМАН И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «12 СТУЛЬЕВ» В ПЕРЕВОДЯЩИХ КУЛЬТУРАХ

Статья посвящена анализу перевода романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» на английский язык. Описываются основные переводческие стратегии и приемы, позволяющие эффективно решать переводческие задачи.

The article deals with the analysis of the I. Il'f and E. Petrov' novel «The 12 Chairs» translation into English. The main translation strategies and ways which permit to solve the translation tasks effectively are described.

³² Научный руководитель – канд. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

Перевод – это один из древнейших видов человеческой деятельности. Перевод выполняет важнейшую социальную функцию: художественный перевод позволяет людям узнать о нравах и обычаях других народов, благодаря переводу открывается широкий доступ к культурным достижениям разных народов и становится возможным взаимообогащение культур, обмен духовными ценностями.

Вопросы, связанные с переводом, всегда актуальны, ведь одним из самых главных источников получения информации о других культурах является литература, переведенная на другие языки. Только так мы можем понять, чем живут люди других стран, понять уклад их жизни, их ценности, обычаи. Следовательно, перевод явлений культуры должен быть как можно более достоверен. Именно из перевода читатель, не знакомый с оригинальным произведением, будет получать знания о другой («чужой») культуре.

К сожалению, во многих переводах культурологическая информация искажена. Это происходит из-за различий между культурами, а также из-за того, что переводчик воспринимает другую культуру через призму своей собственной [Тер-Минасова, 2008]. И, таким образом, он показывает явления иной культуры глазами своей. Из-за межкультурной асимметрии и происходит искажение информации. Так, передача реалий в переводном тексте напрямую связана с пониманием читателем национальной специфики и своеобразия исходного текста.

Вопрос о переводе реалий является одним из главных вопросов в теории перевода. В переводной художественной литературе существует множество примеров искажений и неточностей, которые обусловлены межкультурной асимметрией. Эти искажения указывают на то, что данный вопрос изучен не полностью.

При художественном переводе переводчик работает с языком преимущественно в двух его функциях: коммуникативной и эстетической. То есть требуется уметь передать не только идейное содержание оригинала, но также и его эстетическую составляющую. И перед переводчиком стоят две главные задачи: правильно и понятно перевести исходный текст и в то же время не потерять его национальную специфику.

Материал для сравнительного анализа в данной работе – роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и его переводы на английский язык Эрика Конколя и Джона Ричардсона.

Выбор именно этого романа не случаен. Роман «Двенадцать стульев» – один из самых популярных и читаемых книг в советское и постсоветское время. Этот роман разобран на крылатые выражения, и в наше время он сохраняет свою актуальность, его продолжают читать во всем мире.

Трудность перевода романа «Двенадцать стульев» заключается в том, что он полон слов и выражений, которые обозначают ситуации, которых нет в других культурах. И задача переводчика заключается в том, чтобы так пе-

ревести это произведение, чтобы люди других культур поняли всю информацию, заключенную в романе. Но нужно помнить также и о национальной специфике «Двенадцати стульев», которую необходимо сохранить. И, конечно, сложность перевода романа составляет его сатирическое содержание: передача сатирических и комических смысловых элементов является второй важной задачей переводчика.

Рассмотрим фрагмент главы «Междупланетный шахматный конгресс». Предложение *В шахсекции сидел одноглазый человек и читал роман Шпильгагена в пантелеевском издании* переведено следующим образом: 1. In the chess section sat a one-eyed man reading a Panteleyev edition of one of Spielhagen's novels. 2. At the chess club sat a one-eyed man, reading an old novel.

Э. Конколь сохраняет только суть высказывания, опуская имя автора романа. Дж. Ричардсон полностью переводит данный отрывок, и поэтому его перевод является более удачным. Сохранение в переводе имени автора романа никак не затрудняет понимание отрывка в целом, а лишь указывает на то, что в СССР были популярны политические романы Шпильгагена.

Обратимся к следующему предложению: *Следовательно, НКПС построит железнодорожную магистраль Москва–Васюки*. Переводы: 1. So the Ministry of Railways will have to build a main line from Moscow to Vasyuki. 2. Therefore, the Transportation Ministry will build a railroad line between Moscow and Vasiuki.

НКПС – это Народный комиссариат путей сообщения, и по сути это то же самое, что и «the Transportation Ministry», то есть транспортное министерство, но переведенная дословно аббревиатура НКПС была бы непонятна иностранному читателю. Поэтому данные переводы можно считать эквивалентными, Дж. Ричардсон только сузил термин «транспортное министерство» (родовое понятие) до «железнодорожного министерства» (видовое понятие).

Также в главе «Междупланетный шахматный конгресс» встречаются случаи, когда метафорический перевод невозможен, и поэтому переводчики пытаются передать только смысловое содержание отрывка. Например:

– *Позвольте, товарищи, у меня все ходы записаны!*

– *Контора пишет, – сказал Остап.*

Переводы: 1. «Wait a moment, Comrades, I have all the moves written down» – «Written down my foot!» 2. «Excuse me, comrade, I have all the moves written down here!» – «Bureaucratic nonsense», said Ostap.

Э. Конколь заменяет метонимию «контора пишет» фразой, которая просто передает сущность конторы – место бюрократии. Тем самым он лишает данное предложение образности. А Дж. Ричардсон использует выражение «my foot», которое означает «полная чушь, какая чепуха, ври больше», но таким образом переводчик меняет немного смысловое значение высказывания.

Для создания комического эффекта И. Ильф и Е. Петров часто прибегают к отступлениям от традиционных норм употребления фразеологических единиц. В связи с этим рассмотрим следующий пример:

Сию минуточку, товарищ гроссмейстер! – крикнул одноглазый. – *Присядьте, пожалуйста. Я сейчас*. Переводы: 1. «One second, Comrade Grossmeister», he cried. «Take a seat, won't you? I'll be back in a moment». 2. «Just a moment, comrade grandmaster!» the one-eyed man shouted. «Sit down, please. I'll be right with you».

В русском языке фразеологизм «сию минуту» означает «сейчас же, немедленно». Но в данном романе авторы прибегают к модификации фразеологизма, и у него появляется дополнительный оттенок в результате использования уменьшительной единицы «минуточка». Модификация «сию минуточку» указывает на то, что одноглазый заискивает перед гроссмейстером Остапом.

Обоим переводчикам не удалось полностью передать экспрессивное значение данного фразеологизма и то дополнительное значение, которое он несет. Однако они восполняют это в дальнейшем, используя такие слова, как «won't you», «please», что также указывает на то, что одноглазый шахматист заискивает перед гроссмейстером.

В другом случае иронический эффект в тексте оригинала достигается благодаря замене стилистически нейтрального слова его просторечным синонимом, что делает высказывание экспрессивным: *Остап не баловал своих противников разнообразием дебютов. На остальных двадцати девяти досках он проделал ту же операцию: перетащил королевскую пешку с e2 на e4*. Переводы: 1. Ostap did not pamper his opponents with a variety of openings. On the remaining twenty-nine boards he made the same move-pawn to king four. 2. Ostap did not indulge his opponents with varied openings. On the remaining 29 boards he undertook exactly the same operation: he moved his king's pawn from e2 to e4.

Из первого перевода видно, что разговорный глагол «перетащить» передается с помощью нейтрального глагола «made». В целом данный глагол совпадает по предметно-логическому содержанию с глаголом «перетащить», но он не имеет того значения, которое бы указывало на физические и эмоциональные усилия, как в тексте оригинала.

Что же касается перевода Э. Конколя, то он использует глагол «undertake». Этот перевод является более удачным, так как глагол «undertake» несет значение взятия на себя определенных обязательств, что является более экспрессивным вариантом, чем нейтральный глагол «made».

Сравним также следующие примеры: *Возмущение было так велико, что фотографа даже выперли из помещения*. Переводы: 1. In fact, their annoyance was so great that he was actually put outside the door. 2. The uproar was so great that they even shoved the photographer out of the premises.

В русском языке глагол «выпереть» содержит ярко выраженный компонент, указывающий на то, что человека вытеснили силой. Его замена в тексте перевода на словосочетание «put outside» не в полной мере передает тот уровень эмоциональности, который есть в тексте оригинала. Однако переводчик компенсирует это тем, что использует в данном примере пассивную

конструкцию: «he was put outside», что указывает на то, что человека вывели из помещения силой, против его воли.

Э. Конколь же использует фразеологический глагол «shove out», означающий «вытолкать; выпихнуть», который является более эмоциональным, чем словосочетание «put outside the door».

Важным приемом создания комического эффекта является использование стилистически окрашенных единиц. Рассмотрим следующий отрывок: *Например, вон тот блондинчик в третьем ряду.* Переводы: 1. Take, for example, the fair-haired young man sitting in the third row... 2. For example, take that blond man in the third row...

В исходном тексте уменьшительный суффикс «-чик» придает слову «блондинчик» презрительное значение. Как мы видим, в переводах нет передачи этого дополнительного значения. Эмоционально окрашенное слово «блондинчик» переводится с помощью слов «fair-haired» и «blond», то есть «светловолосый, блондин», словами, не имеющими эмоциональной окраски.

Рассмотрим другой отрывок: *И одноглазый не сводил своего единственного ока с гроссмейстеровой обуви.* Переводы: 1. The one-eyed man was keeping his single peeper firmly fixed on the Grossmeister. 2. And the one-eyed one did not take his single eye off the grandmaster's footwear.

В тексте оригинала юмористический эффект достигается благодаря использованию устаревшего, архаичного слова «око». Мы можем видеть, что в переводе Дж. Ричардсона слово «око» переведено стилистически сниженным словом «реерер», которое переводится как «гляделки». Употребление данного слова создает юмористический эффект, как и в оригинальном тексте. Перевод Э. Конколя менее удачен, поскольку он перевел слово «око» нейтральным, стилистически неокрашенным словом «eye», не достигнув, таким образом, того эффекта, который был предусмотрен текстом оригинала.

Таким образом, перевод романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» является очень сложной задачей. Даже та небольшая часть, которая была использована в данной работе для анализа, уже показывает, что в романе заключено несколько подходов к выбору решения при переводе. Однако в связи с разными языковыми картинками мира, отраженными в русском и английском языках, потеря отдельных образов и метафор неизбежна. Основной задачей переводчика является адекватная передача юмористического текста, и эта задача решается с помощью разнообразных переводческих трансформаций, замен и компенсаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильф И. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. Красноярск, 1993.
2. Ильф И. Двенадцать стульев. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. М., 1956.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М., 2008.

ЦЕНТРЫ НОМИНАТИВНОЙ АТТРАКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ «FOOL / ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Данное исследование посвящено сопоставительному изучению синонимических связей существительных, концентрирующихся вокруг центров номинативной аттракции (ЦНА) со значением «fool / глупый человек» в английском и русском языках и установлению соотношения общего и частного в сравниваемых микросистемах двух языков. В статье были определены и сопоставлены основные способы образования лексики данных ЦНА, а также был проведен компонентный анализ значений слов для выявления общих и различительных семантических компонентов для каждого языка в отдельности.

Our research work is dedicated to the comparative study of the Centres of Nominative (or Synonymous) Attraction with the meaning Fool in Russian and English. Basing on the comparason of 2 languages one can come to the conclusions of the main similarities and differences of the compared languages. The main methods of word-formation in the Centres of Nominative Attraction and the componential analysis of these words to indicate the common and distinctive semantic components were studied and compared in this research.

В настоящее время проблемы сопоставительного изучения языков привлекают все большее внимание. На основании сопоставлений можно прийти к ценным выводам об основных принципах сходства и различия сравниваемых языков, о внутренних законах их развития. Но непосредственное сопоставление отдельных фонем, слов, форм ведет лишь к тривиальному установлению их несовпадений, поэтому принято сопоставлять не фонемы, морфемы, лексемы непосредственно, а их характеристики, причем не изолированно, а в рамках системы или микросистемы [Арнольд, 1991].

Данное исследование посвящено сопоставительному изучению синонимических связей существительных, концентрирующихся вокруг центров номинативной аттракции (ЦНА) со значением «fool / глупый человек», в английском и русском языках, где ЦНА представляют собой микросистему, входящую в макросистему языка.

Центры номинативной аттракции отражают те сферы жизни и деятельности языковых коллективов, в которых эмоциональная нагрузка высказывания диктуется материальными условиями быта, общей идеологией членов коллектива и индивидуальными нормами речевого поведения, заданного семейным воспитанием, образовательным цензом, общественным положением, возрастом и полом [Беляева, Хомяков, 1985].

Важность изучения ЦНА различных языков состоит в исследовании взаимосвязи между лексическими единицами внутри ЦНА и функциониро-

³³ Научный руководитель – к. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

вании их в речи говорящих. Способность языковых знаков номинировать действительность с различных сторон приводит к существованию в языке обширных ЦНА, которые объединяют слова по одному или нескольким общим значениям. Скоплению синонимов наиболее подвержены общеупотребительные глаголы, но и имена существительные тоже имеют свои ЦНА. Слова, входящие в определенные ЦНА, могут различаться способом образования, компонентами значения, сферами употребления. Появление различных ЦНА в языке зависит от того, что волнует носителей языка, что является первоочередной задачей, связанной с особенностями национальной картины мира.

В результате исследования языкового материала было выделено 313 существительных, образующих ЦНА со значением «fool» в английском языке и 140 существительных, образующих ЦНА со значением «глупый человек» в русском языке.

Большая часть слов рассматриваемых ЦНА в двух языках относится к нестандартной, стилистически сниженной лексике: сленгу, жаргону, просторечию, вульгаризмам и табуизированной лексике. Также все слова рассматриваемых ЦНА обладают экспрессивной окраской, о чем говорит их стилистическая характеристика и сама понятийная сфера ЦНА, содержащая эмоции и оценку.

Все слова рассматриваемых ЦНА в русском и английском языках исследованы по способу номинации [Шмелев, 1982] и проведен их семантический анализ. По способу номинации выделены словообразовательные дериваты, образованные путем словосложения, аффиксации, конверсии, редупликации, сокращения, в результате возникновения устойчивых словосочетаний, заимствования. Также выделены слова, образованные путем переноса значения, включая метафору, метонимию и персонификацию. По способу номинации все слова двух языков были подразделены на группы и в каждой группе выделены общие схемы, либо черты, присущие конкретному языку при образовании слов рассматриваемых ЦНА.

I. К первой группе отнесены немотивированные слова с основным значением «fool / глупый человек» либо слова, которые утратили иные значения и к данному моменту имеют одно словарное толкование; а также слова со стертыми словообразовательными процессами. В английском языке в процентном отношении данная группа составила 34 % от всего объема слов рассматриваемого ЦНА (*fool, idiot, silly*), а в русском языке 61 % (*дурак, болван, глупец*).

II. Ко второй группе отнесены слова с переносным значением, образованные путем метафорического и метонимического переноса. Слова, образованные путем метафорического переноса, в обоих языках были подразделены на зоометафоры, перенос с неодушевленного предмета на человека и перенос внутри имен лица.

1. Зоометафоры обнаружены в словах ЦНА как русского, так и английского языка и составили 4,3 % (*баран, осел*) и 13 % (*ass, duck, loon*) соответственно.

2. Метафорический перенос с неодушевленного предмета на человека в словах ЦНА английского языка включает перенос с названия продуктов, фруктов и овощей, что можно объединить общим словом «пища». В английском языке эта подгруппа составила 7 % от всего объема слов рассматриваемого ЦНА (*butterhead, meat*). Также в английском языке выделен перенос с названия предмета, вещества или орудия, что составило 16 % (*block, clod*).

В русском языке метафорический перенос с неодушевленного предмета на человека не выявил каких-либо особых закономерностей, хотя можно утверждать, что при образовании слов данного ЦНА русскому языку не свойственно использовать уже имеющиеся в языке лексические единицы со значением «пища». Большинство слов образовано путем метафорического переноса с наименования предмета. В русском языке данная подгруппа составила 15,7 % (*валенки, бревно*).

3. Перенос внутри имен лица в словах ЦНА обоих языков малочислен и представлен лишь несколькими примерами как в английском (*farmer, cretin*), так и в русском языке (*даун, идиот*).

Следует отметить, что метонимический перенос был обнаружен лишь в нескольких словах ЦНА английского языка, а при исследовании языкового материала русского языка примеры метонимического переноса не обнаружены. Данные выводы доказывают непродуктивность этого способа номинации при образовании слов рассматриваемых ЦНА русского и английского языков.

Итак, в ЦНА русского и английского языков выделены слова, образованные путем переноса значения, причем слова ЦНА английского языка образуют определенную группу, включающую перенос с наименования пищи и предмета. В процентном отношении слова, образованные путем метафорического переноса в русском языке, составили 22,8 %. В английском языке эта группа составила 46 % от всего объема слов рассматриваемого ЦНА.

III. К третьей группе отнесены структурно-маркированные слова, т. е. словообразовательные дериваты, образованные путем аффиксации, словосложения, редупликации, сокращения, конверсии и в результате возникновения устойчивых словосочетаний. В соответствии с этими способами словообразования все слова исследуемых ЦНА в русском и английском языках разделены на подгруппы.

1. Аффиксация зафиксирована в словах ЦНА русского и английского языков. В русских словах отмечены процессы суффиксации и префиксации в 29,3 % от всего объема слов рассматриваемого ЦНА (*при-дур-ок, о-болт-ус*). В ЦНА английского языка выделено лишь несколько слов, образованных путем аффиксации, причем префиксация отмечена лишь в одном слове (*illiterate*). В английском языке данная группа составила 5,8 %, что намного меньше по сравнению с русским языком.

2. Словосложение в словах ЦНА английского языка идет по следующей схеме: «Основа 1» + «Head», где «Основа 1» может быть названием неодушевленного предмета (пища, предмет, вещество), названием животного и звукоподражательным словом. По аналогии со второй основой «Head» об-

разуется большее количество синонимов со значением «дурак», и сейчас этот синонимический ряд насчитывает уже 55 лексических единиц.

Для английского языка выделены еще несколько схем словосложения: «Основа 1» + «Wit», «Основа 1» + «Brain», «Dumb» + «Основа 2». В русском языке наиболее часто встречающимися основами являются «дуб» (3 слова), «дур» (5 слов), «лом» (3 слова), хотя в русском языке не отмечено какой-либо постоянной аналогии или модели словосложения применительно к рассматриваемому ЦНА. Для сравнения: в процентном отношении группа слов, образованных путем словосложения, в английском языке составила 31 %, а в русском языке 9,3 %.

3. Редупликация отмечена в словах ЦНА как русского, так и английского языка и составила 1,4 % (*додо, фафа*) и 2,3 % (*do-do, dum-dum*) соответственно.

4. Слова, образованные путем сокращения, в русском и английском языках составили 1,4 % и 4,8 % соответственно, причем все сокращенные слова образованы путем усечения. В английском языке выделены слова с усеченным концом (*block, flat*) и слова с усеченным началом (*stiff*), а в русском языке выделено слово, усеченное с обеих сторон.

5. Конверсия отмечена преимущественно в словах ЦНА английского языка. Словообразование идет по следующим схемам: глагол → имя существительное и имя прилагательное → имя существительное. Всего в английских словах данная группа составила 2,9 % (*weenie, icky*), тогда как в русском языке безаффиксным способом образовано лишь одно слово, что составило 0,7 % (*остолон*). В отличие от английского языка, в словах ЦНА русского языка отмечено два слова, образованных путем обратного словообразования (реверсии) (*неуч, пустоголов*).

IV. К четвертой группе отнесены слова, заимствованные из других языков. Слова ЦНА со значение «Fool» в английском языке представлены заимствованиями из еврейского, французского, итальянского, голландского, шотландского, немецкого и вьетнамского языков. Выделены также ранние заимствования из греческого и латинского языков. Всего данная группа в английском языке составила 10 % (евр. – *yold, schnook*; франц. – *pier-rot, buf-foon*). В русском языке были выделены заимствования из французского и немецкого языков. Несколько слов были заимствованы из тюркских языков (*балбес*), одно из старославянского и одно из готского языка. Однако следует отметить, что основная часть слов исследуемого ЦНА в русском языке принадлежит к исконно русским словам, и лишь 5,7 % от всего объема слов рассматриваемого ЦНА являются заимствованиями.

V. К пятой группе были отнесены слова, образованные путем персонификации, т. е. путем перехода имени собственного в нарицательное. В английском языке данная группа составила 4,2 % (*Punchinello*), а в русском языке 4,3 % (*Ванька, простофиля*).

Среди слов исследуемого ЦНА русского и английского языков были выделены такие, которые могут быть отнесены сразу к нескольким группам. В их формировании участвовали как словообразовательные, так и семантиче-

ские процессы. Включая несколько способов словообразования, они являются экспрессивно насыщенными. В русском языке процент экспрессивов составил 13,5 %, а в английском 30 %.

Таким образом, проведя анализ ЦНА русского и английского языков со значением «fool / глупый человек», можно сделать следующие выводы:

1. Доминирующим способом образования единиц ЦНА русского языка является словообразовательная деривация, представленная, в первую очередь, аффиксацией, образованием устойчивых словосочетаний, словосложением – количество словообразовательных дериватов составило 68,5 %.

2. Имплицитный способ, представленный метафорическим переносом и персонификацией, в русском языке также присутствует, но используется значительно реже. Количество метафорических дериватов составило 27,1 %.

3. По результатам анализа ЦНА английского языка со значением «fool» можно сделать вывод, что доминирующим способом образования единиц является метафорический перенос, составляющий 46 %. Вместе с персонификацией количество метафорических дериватов составило 50,2 %. Однако следует отметить, что словообразовательная деривация в английском языке также является высокопродуктивной. Особо важную роль при образовании слов нелитературного стандарта играет словосложение, объем которого составил 30 %. Другие способы словообразования, такие как аффиксация, конверсия, сокращение и редупликация, также широко представлены при образовании слов рассматриваемого ЦНА английского языка. Из них наиболее продуктивными являются сокращение и конверсия.

4. Сопоставив основные пути формирования лексики рассматриваемых ЦНА русского и английского языков, необходимо проследить различия их семантического состава. Для этого был проведен компонентный анализ значений слов, образующих рассматриваемые ЦНА русского и английского языков [Кузнецов, 1971].

Структура лексического значения единиц, входящих в ЦНА русского и английского языков, содержит один ядерный денотат fool – дурак, общий для всех членов центра как английского языка, так и русского языка. Будучи непосредственным семантическим компонентом значения большинства слов, он является тем стержнем, вокруг которого группируются остальные члены ряда, образуя своего рода микросистему.

Общими семами, которые составляют денотативную структуру лексического значения слов рассматриваемых ЦНА русского и английского языков, являются архисемы – лексико-грамматическая сема «лицо» и собственно лексические семы *naturally a fool, a foolish, stupid person* – глупый человек, дурак; дифференциальные: *тупой человек – a dull person, слабоумный человек – a feeble-minded person, несообразительный человек – a slow-thinking person, неуклюжий человек – an awkward, clumsy person, упрямый человек – a stubborn, obstinate person, никчемный человек – a useless person, простофиля, простак – a simpleton, ninny, дебил – moron, грубый человек – rude person,*

шут (истор.) – *artificially a fool, a man employed by a king, etc to amuse others with jokes and tricks (formerly), a person whose job is to make people laugh.*

Набор семантических компонентов лексического значения слов английского языка несколько шире, чем в русском языке. Однако лексическое значение слов как русского, так и английского языка составляют различительные семантические компоненты, отмеченные только в одном из сравниваемых языков.

Денотативную структуру лексического значения слов рассматриваемого ЦНА русского языка составляют следующие семантические компоненты, которые не представлены в английском языке: *бестолковый, ограниченный человек; необразованный человек; бесчувственный, нечуткий; неотесанный человек; ленивый человек, бездельник; разиня.*

Семантическая структура ЦНА английского языка содержит следующие различительные семантические компоненты: «a person who is not very clever», «an uninformed, unknowing person», «a person who does not know anything», «one who makes many blunders or mistakes», «one who pretends to be more clever than he is», «a worthless or insignificant person», «an incompetent person», «a despicable, contemptible person», «one who takes the blame for another», «a person who is easily deceived, tricked or persuaded to do something», «an ineffectual person», «an unattractive or embarrassing socially person», «an unsophisticated person», «an ill-mannered person», «disliked, objectionable, undesirable person», «a person who is joked about or laughed at», «an unskilled person».

Выделенные семантические компоненты русского и английского языков образуют сложные взаимосвязи, являются синонимичными по отношению друг к другу или передают оттенки значения, которые очень близки.

Проведен анализ словарных помет, и в словах исследуемых ЦНА русского и английского языков выделены стилистические, эмоционально-экспрессивные, индивидуальные, традиционно экспрессивные, социально-стилистические и локальные пометы. Индивидуальные пометы подразделяются по половому признаку (общие для обоих языков «female» – «о женщине» и «esp. a man» – «мужчина») и по возрастному признаку (в русском «молодой», «о детях»; в английском «esp. an old man»). В словах ЦНА русского языка выделены социально-стилистические пометы: сленг, уголовный жаргон, воровское арг, просторечие, разговорное, молодежное, студенческое. Эмоционально-экспрессивные пометы: презрительно, пренебрежительно, снисходительно, с оттенком укоризны, ласкательно, шутливо, негативно, бранное. Стилистическая помета – фамильярно и локальная – южное.

В словах ЦНА английского языка также были выделены социально-стилистические пометы: сленг (slang), табу (taboo slang), неофициальное (informal), разговорное (colloquial), вульгарное (vulgar), студенческое (student use). Эмоционально-экспрессивные пометы: пренебрежительно (derogatory), неодобительно (disapproving), шутливо (humorous).

На основе словарных помет в словах ЦНА русского языка выделено 17 коннотативных сем [Телия, 1986], присутствующих в лексическом значении слов данного ЦНА, в словах ЦНА английского языка выделено 20 таких

коннотативных сем. Некоторые коннотативные семы являются общими для обоих языков: сленг – *slang*, разговорное – *colloquial*, студенческое – *student use*, устаревшее – *archaic*, пренебрежительное – *derogatory*, шутливое – *humorous*.

Рассматриваемый ЦНА английского языка содержит много слов, обладающих локальными пометами: *Brit. informal*, *Am. informal*, *Aus. informal*, *Scot. informal*, *Brit. slang*, *Irish slang*, *Canad. slang*, *Aus slang*, *Am. slang*. Большинство слов относятся к американскому сленгу (*Am. slang*).

В результате сопоставительного анализа коннотативных сем двух языков отмечено несколько различительных сем, присущих только словам одного языка. Коннотативные семы русского языка, не отмеченные в английском языке: «фамильярно», «снисходительно», «с оттенком укоризны», «ласкательно», «бранное», «уголовный жаргон», «воровское арг», «южное». Коннотативные семы английского языка, не отмеченные в ЦНА русского языка: «*esp. an old man*», «*disapproving*», «*vulgar*», «*euphemism*», «*taboo slang*».

Итак, в результате сопоставительного анализа ЦНА русского и английского языков со значением «*fool* / глупый человек» выделены как общие (синонимические), так и различительные семантические компоненты. Оба ЦНА содержат общие архисемы. Их денотативной структуре соответствует коннотативная структура, включающая ядерную сему, актуализирующую негативную оценку глупого человека, и дифференциальные семы, актуализирующие различную степень признака «*stupid*» – «глупый» и оценки.

В результате проведенного исследования можно предположить, что явление концентрации синонимов вокруг ЦНА универсально. Оно является общенациональным в том случае, если обозначаемый этими синонимами объект социально значим, что приводит к появлению различных стилистических и экспрессивных синонимов.

Существование большого количества синонимов, формирующих ЦНА («*fool* / глупый человек»), обусловлено языковыми потребностями общества. Данная лексика употребляется во многих сферах общественной жизни человека, и, в зависимости от желания, говорящий может выбрать тот или иной образ, ту или иную форму. Очевидно, что употребление того или иного слова будет характеризовать носителя языка и обусловлено его речевыми целями.

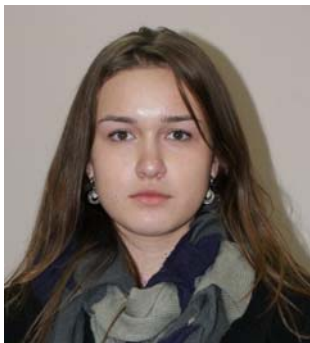
Таким образом, исследование данных ЦНА русского и английского языков является оправданным, так как дает возможность глубже изучить само явление «подвижной синонимии», группирующей многочисленные ряды синонимов вокруг центров номинативной аттракции и на конкретных примерах проанализировать особенности стилистически сниженной и эмоционально-экспрессивной лексики в английском и русском языках, расширить понятие самих ЦНА и выявить общее и частное при образовании ЦНА в языках различных типов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. М., 1991.
2. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. Л., 1985.
3. Кузнецов А.М. О применении метода компонентного анализа в лексике / А.М. Кузнецов // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. М., 1986.
5. Шмелев Д.Н. Введение / Д.Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 3–44.
6. Cambridge International Dictionary of English. London, 1995.
7. Crabb's Dictionary of English synonyms. London, 1956.
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. Oxford, 1990.
9. Random House Compact Unabridged Dictionary. Special Second Edition. New York, 1996.
10. The Little Oxford Thesaurus. Oxford, 1995.
11. The Oxford Dictionary of English Etymology / Edited by C.T. Onions with the assistance of G.W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford, 1966.
12. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English language. New York, 1989.
13. Webster's New World Dictionary of the American language. New York, 1968.
14. Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. New York, 1975.

Н.М. Колтунова³⁴

УЛЫБКА КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ РУССКИХ

В статье рассматривается лингвокультурологический аспект феномена «русская улыбка». Предложена классификация улыбок, которая помогает оценить многогранность русской улыбки в семантике и сочетаемости.

In our article we considered the linguistic and culturologic aspect of phenomenalism «russian smile». We did the classification of smiles, which helps to understand the versatility of russian smile in semantics

³⁴ Научный руководитель – к. филол.н., доц. А.Н. Сперанская.

Коммуникация является одним из основополагающих принципов развития общества. Многие риторы говорят о том, что успех коммуникации на 60 процентов зависит от невербального поведения собеседников. А в межкультурной коммуникации невербалика особенно значима, ведь любой жест или его отсутствие могут быть истолкованы неверно. В этом аспекте интересно различие в восприятии такого казалось бы простого мимического жеста, как улыбка. У иностранцев сложился стереотип, что русские почти не улыбаются. Иностранцев удивляет наша неулыбчивость в общественных местах, которую они расценивают как угрюмость, недоброжелательность, неприязнь. С другой стороны, русские, оказавшись в Западной Европе и в Америке, недоумевают, почему им улыбаются совершенно незнакомые люди в ситуации, где они не видят достаточного повода для улыбки. А между тем неверное истолкование и восприятие улыбки может привести к коммуникативной неудаче. Исследуя улыбку в контексте русской языковой картины мира, нельзя не сказать о значительной роли И.А. Стернина, который написал ряд статей об особенностях коммуникативного поведения в разных культурах. И.А. Стернин отметил, что для русских характерна **бытовая неулыбчивость**, которая выступает как одна из наиболее ярких и национально-специфических черт русского общения [Стернин, 2002]. И.А. Стернин выделил основные национальные особенности русской улыбки. Например, то, что у русских улыбка не является сигналом вежливости, тогда как в странах Запада улыбка – это обязательная составляющая многих профессий и знак дружелюбности при общении. В ходе диалога принято слушать собеседника улыбаясь, чтобы показать расположенность, приветливость, воспитанность. Такой вариант коммуникативного поведения ярко проиллюстрирован в произведении А. Дудолодова «Бац- и готово!»: *Улыбка, как фотовспышка. – Привет, Педро! Улыбка. – Салют, Педро! Улыбка в ответ.*

В русском коммуникативном поведении улыбка «из вежливости» воспринимается неодобрительно. Постоянная вежливая улыбка, например, работников сферы услуг, воспринимается как дежурная и считается проявлением неискренности, скрытности.

В русском общении не принято улыбаться незнакомым. Именно поэтому в магазинах мы редко можем встретить улыбающегося незнакомым посетителям продавца. Ведь улыбка у русских – это сигнал личного расположения к человеку, хотя на сегодняшний день актуально специальное обучение персонала, где акцентируют внимание на значимости приветливой улыбки в сфере услуг. Научиться этому достаточно сложно, поскольку не принято улыбаться при исполнении служебных обязанностей, выполнении серьезного дела. Должно быть, такая привычка привита с детства. В российской школе самое распространенное замечание учителя: *Что улыбаешься? Пиши.* Детей приучают к тому, что совмещать работу с улыбкой запрещено [Шаховский, 2008]. Улыбка человека должна иметь вескую причину, известную окружающим, только тогда человек получает на нее «право» в глазах окружающих. Если русскому человеку причина чьей-либо улыбки становится непо-

нятной, это может вызвать подозрение и вопросы. **Право на улыбку** – уникальная особенность русского коммуникативного бытового поведения.

И.А. Стернин объясняет причины бытовой неулыбчивости тем, что для русской культуры характерна искренность и открытость, и отсюда – стремление не скрывать своих чувств, настроения. Более того, в русской коммуникативной культуре улыбка воспринимается как отдельный коммуникативный акт, который должен точно соответствовать речевой ситуации. О коммуникативной роли улыбки писал Г.Е. Крейдлин и рассматривал улыбку не как один отдельный жест, а как класс семантически разнородных жестов, разделение внутри которых культурно специфично [Крейдлин, 2002]. Русские улыбки отличны от множества остальных по функциям и по ситуациям использования. Несмотря на то, что улыбка – это типичное стереотипное проявление счастья, радости, удовольствия, благодарности и других позитивных чувств, при этом она может вызывать и негативные эмоции. Приведем бинарный пример: *Простодушная улыбка осветила его лицо* (Катаев. Алмазный мой венец) и *Страшная улыбка озарила его униженный рот* (Елизаров. Pasternak). Таким образом, улыбка может оцениваться как положительно, так и отрицательно и нести максимальную смысловую нагрузку, в сравнении с другими невербальными средствами.

По основным семантическим типам Г.Е. Крейдлин выделяет улыбки-чувства, улыбки-состояния, улыбки-отношения [Там же]. Такая классификация недостаточно широко показывает семантическое поле лексемы «улыбка», поэтому уместно рассмотреть сочетаемость этой лексемы более подробно в синтаксическом и лингвокультурологическом аспектах, уделяя особое внимание ассоциативному восприятию улыбки. Исследование проводится на материале контекстов русской художественной и специализированной литературы и интернет-общения. Предлагаем следующее распределение материала по группам:

Группа I. ДЕЙСТВИЕ – сочетаемость лексемы улыбка с предикатами.

Улыбка с его лица исчезла. Улыбка эта резанула по сердцу. Приторно лукавая улыбка растягивала ее ввалившиеся губы.

Подклассы предикатов:

Физическое действие (метафоричное значение): *резанула, исчезла, мигом скрылась, пробежала, слетела, выскользнет, гаснет, бродила, промелькнула, поползла, скользила, порхала, постепенно сползала, играла, закружилась, плавно сошла.*

Состояние: *сама собой застывала, присутствовала, таяла, зарозовела, появляется, держалась, сохранилась, засветилась, освещала, задерживается, возникает, угасла, стекает, так и не вернулась, оставалась снаружи.*

Результат: *преображала лицо, сразила молодого человека, омолодила черты, продлевает жизнь, умиротворяющее подействовала, разрядила напряжение, портила прелесть лица.*

Психическое действие: *блаженствовала, блуждала, согревает, когда холодно и освещает, когда темно, тронула, говорила, озаряет, сама собой сходит, растворяется в воздухе.*

Взаимодействие с коагенсом: *поднимала вверх уголки губ, кривила губы, растягивала ввалившиеся губы, дрожала на губах, разомкнула губы, раздвинула, искривила рот, искажила лицо, расправила лицо, не покидала лица, раздвигает лицо, не корежит лицо.*

Группа II. ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

Все определения, которые сочетаются с «улыбкой», мы разделяем на группы по восприятию. Выделим позитивные, эмотивные (об эмоциях, характере обладателя, передают его настрой), негативные (вызывают отрицательную реакцию) и социальные (в соответствии с профессией, возрастом, национальностью).

Позитивные: *обаятельная, великодушная, хорошая, обворожительная, приветливая, удивительная, неотразимая, ясная, простодушная, доброжелательная, сердечна и мила, редкая, драгоценная, добрая, особая, загадочная, неожиданная, милая, умная, ласковая, открытая, широкая, ангельская, роскошная, располагающая, нежная, светлая, безмятежная, радостная, благодарная, человеческая, шикарная, чарующая, солнечная, спокойная, щедрая, блаженная, искренняя, располагающая, сияющая, лучезарная, счастливая, ослепительная, поощрительная, красивая, довольная, привлекательная.*

Эмотивные: *робкая, извиняющаяся, доверчивая, деликатная, молящая о верности, виноватая, понимающая, пристойная, скромная, озадаченная, по-доброму хитрая, не циничная, горделивая, вымученная, смущенная, застенчивая, ироническая, снисходительная, невеселая.*

Негативные: *беззубая, насмешливая, горьковатая, неуместная, встревоженная, подавленная, независимая и крутая, застывшая, грустная, глуповатая, хитроватая, простецкая, улыбка всеведения, страдальческая, несчастная, ветреная, острая и тонкая, блуждающая, вялая, рассеянная, нервная, жалкая, растерянная, сдержанная, недобрая, плохая, неопределенная, беглая, едкая, едва приметная, напряженно-предупредительная, надменная, холодная, повешенная, как приклеенная, кривоватая, неестественная, странная, предательская, слабая, дьявольская, неуверенная, печальная, идиотская, страшная, лукавая, скупая.*

Социальные: *детская, младенческая, традиционная для малайца (молодежи, японца), профессиональная, застенчиво-юная.*

Также в этой группе отдельно выделяем **эмоционально окрашенные сочетания**, которые были встречены в ходе работы: *улыбка с вопросительным знаком; улыбка – лучший способ помириться с тем, кто в ссоре; улыбка – наше главное оружие; улыбка как далекий и еще неразличимый на волнах предмет играла на его лице; улыбка каждого человека уникальна как отпечатки пальцев; это не улыбка, это гримаса; улыбка как пуля снайпера.*

Группа III. НЕВЕРБАЛЬНОЕ СРЕДСТВО: УЛЫБКА ВЫСТУПАЕТ ЭКСПЛИЦИТНО КАК ЖЕСТ С ОПРЕДЕЛЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Знак вежливости: Улыбка как фотовспышка. – Привет, Педро! Улыбка. – Салют Педро! Улыбка в ответ; И помогаем и облегчаем. Каждый больной – улыбка, несколько ласковых слов.

Знак маскировки истинных желаний: При этом улыбка трогает ее губы – и он тоже улыбается, они оба знают, что это не совсем правда, но зачем перечить душе, вспоминать то, что ей хочется вспомнить, – пусть даже этого и не было?

Жест профессионального этикета: Я встал, она протянула руку, это было не рукопожатие а легкое прикосновение, улыбнулась коротко и официально, улыбка тут же сошла с ее губ, она уселась в кресло.

Улыбка как ответ, как отдельный эпизод коммуникативного акта, замещающий вербальную часть: Но когда его спрашивают, как он получил столько званий, ответ – неопределенная улыбка.

Физиологический жест характерен для медицинской литературы, где улыбка описывается только как физиологическое явление: Далее, на четвертой-пятой неделе жизни возникает и первая улыбка, которая квалифицируется уже как факт возникновения психической жизни.

Группа IV. УЛЫБКА – ЗНАЧЕНИЕ.

Лексема несет смысловую нагрузку, которая отражается в авторском восприятии.

Улыбка как эмотивное восприятие автора: Это «мое одеяло» для меня как привет, как улыбка из детства; Гитара, голос женщины, улыбка ее, тихий вечер, покой, старый Петрович – все было так близко сердцу, так мило; Эта улыбка! Словно весть с неба: прощен; И тем не менее при слове «Калифорния» на лице у любого американца появляется улыбка или тень улыбки, как у наших людей появляется улыбка при слове «Крым».

Улыбка как знак: На первой полосе только улыбка эталон революционного оптимизма, а также признак благонадежности.

Улыбка как награда: То есть к самому обществу, - блеснул наконец сообразительностью и Забелин; Поощряющая Юлина улыбка стала ему наградой; И благодарная улыбка Олега была мне лучшей наградой.

Улыбка как необходимость: Не унывайте – ваша улыбка нужна не только вам одному.

Как выражение эмоций, сигнал: Его улыбка выражала несовершенство мира и тяжелое бремя ответственности за чужие грехи; Последняя улыбка мужа с порога комнаты, жалкая, молящая о верности, — вспоминая ее она кричала и хваталась за голову.

«Про себя»: Улыбка его относилась к самому себе; Женина внутренняя улыбка отразилась на губах.

Группа V. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: улыбка Джеймса Бонда, улыбка Джоконды, улыбка – это флаг корабля, улыбка сквозь слезы.

На основании всего проанализированного материала можно говорить о развитости сочетаемости слова «улыбка» и, как следствие, о многогранности ее семантики. Слово «улыбка» употребляется с предикатами как объект, субъект действия, результатив, коагенс. Несмотря на свою позитивную се-

мантику, в сочетании с прилагательными оно переносит на себя их характеристики, отсюда у «улыбки» появляются отрицательные свойства в ассоциативном восприятии читателя. Сочетаемость «улыбки» с существительными подразумевает, что «улыбка» присваивается не только одушевленному, но и неодушевленному предметам или даже явлениям: *улыбка коммунизма*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. М., 2002. С. 300–400.
2. Национальный корпус русского языка // Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/corpora-intro.html>.
3. Стернин И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении / И.А. Стернин. Ижевск, 2002. Вып. № 4.
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. М., 2008.

А.В. Кудрявец³⁵

ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья содержит анализ перевода единиц, номинирующих религиозные и философские понятия на китайский язык. Приведены примеры процесса переосмысления и трансформации фундаментальных религиозных и философских концепций трех мировых религий.

The article contains the analysis of the Chinese translation of the units which nominate the religious and philosophical notions. The examples of the process of examination and transformation of the fundamental religious and philosophical ideas are given.

Философская и религиозная лексика китайского языка – это огромный пласт китайской лексической системы, связанный, прежде всего, с историей возникновения и развития китайских традиционных религиозно-философских течений (конфуцианства и даосизма), а также с влиянием трех мировых религий (христианства, ислама и буддизма) на историческое развитие Китая.

По определению А.А. Азарова, к религиозной лексике относятся слова и сочетания слов, возникшие на почве основных религий мира: христианства, мусульманства, буддизма, иудаизма. К данному разряду относится лексика,

³⁵ Научный руководитель – к. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

употребляемая в практике отправления религиозных обрядов, в работах по архитектуре культовых сооружений, иконописи, прикладному искусству, истории религии, а также имена святых, богословов, известных религиозных деятелей, названия религиозных праздников, религиозная атрибутика и т. д. [Азаров, 2002].

К.А. Тимофеев утверждает, что религиозную лексику русского языка можно разбить на три основных группы. Первая группа включает общерелигиозную лексику, т. е. слова, обозначающие понятия, свойственные всем монотеистическим религиям (*Бог, душа, праведность, молитва* и др.). Вторую группу составляют слова, обозначающие понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям (*Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, церковь, исповедь* и др.). Третью группу образуют слова, свойственные отдельным христианским конфессиям (наименования священнослужителей: *батюшка, пастор, ксендз, кюре, аббат, кардинал*; богослужений: *обедня, утренняя, всенощная, месса, лития*) [Тимофеев, 2001]. Таким образом, под религиозно-философской лексикой китайского языка мы будем понимать слова, выражающие термины, понятия, ключевые идеи конфуцианства, даосизма, буддизма, христианства и ислама.

Рассматривая направление развития китайской философии, приходится задаваться вопросом: все-таки это философия или религия? И чем являются конфуцианство и даосизм для самих китайцев?

У китайцев есть одно различие, которое может ответить на эти вопросы, – различие между терминами *цзя* (家jiā) (школа, мысль, философия) и *цзяо* (教jiào) (учение, религия). Первый термин относится к великим мыслителям, их учениям, а также к великим традициям. Второй имеет отношение к единственному способу усвоения великих традиций, доступным простым людям, т. е. религиозному. Различие между интеллектуальной и культовой стороной религиозной жизни проведено во всех китайских верованиях – конфуцианстве, даосизме и буддизме, после того как буддизм появился в Китае во II веке до н.э.

У китайцев никогда не возникало необходимости противопоставлять *цзя* и *цзяо*, поскольку данные понятия представляют две стороны одного явления. В традиционном Китае каждая великая религия практиковалась на двух уровнях одновременно: великие философы конфуцианства, даосизма и буддизма не препятствовали существованию мастеров религиозных искусств медитации, литургии и ритуалов [Зельницкий, 2002].

Религия и философия Китая уникальны. Два основных религиозно-философских направления Китая, конфуцианство и даосизм, успели оформиться в самостоятельные учения до того, как Китай открылся для остального мира.

Конфуцианство – китайское этико-политическое учение, приписываемое Конфуцию (551 – 479 гг. до н. э.). Конфуцианство превратилось в официальную идеологию древнекитайского общества и существенным образом

влияло на мировоззрение и социальный уклад не только Китая, но и всей Восточной Азии [Википедия, <http://ru.wikipedia.org/>].

Даосизм – китайское традиционное учение, включающее элементы религии, мистики, гаданий, шаманизма, медитационной практики, науки. Существует также даосская философия [Там же].

В этих двух направлениях заключены корни последующих китайских верований. От них берет свое начало непоколебимая вера китайцев в сбалансированность природы, оформленная впоследствии в знаменитую концепцию “Инь” и “Янь”, силу тьмы и света, мягкого и твердого, женского и мужского. Еще одна важная идея – забота о благосостоянии людей – пронизывает всю последующую философию и религию Китая. Из нее родилась концепция Тянь-Минь (天命 *tiānmìng*), или Воля Неба, послужившая базой для развития философии и расцвета цивилизации Китая [Зельницкий, 2002].

Что же касается буддизма, то это была первая западная для китайцев религия, получившая широкое распространение на территории Китая.

Буддизм – религиозно-философское учение о духовном пробуждении, возникшее около VI века до н. э. в южной Азии. Основателем учения был Будда Гаутама.

Проникновение буддизма в Китай и формирование собственно китайской буддийской традиции является самым ярким в истории китайской культуры примером межкультурного взаимодействия до наступления Нового времени и начала интенсивных контактов Китая и Запада. С проникновением в страны буддизма Китай впервые столкнулся с мировоззрением, принципиально чуждым ему по своим основным характеристикам и ценностным ориентациям. В результате сложнейшего многовекового процесса культурной адаптации буддизм не только сумел раз и навсегда вписаться в китайское общество, но и значительно трансформировать многие аспекты китайского взгляда на мир. Во всяком случае, он принес с собой принципиально новую культурную информацию, которую китайская культура осваивала, адаптировала и перерабатывала в течение тысячелетия; плодом этого усвоения и свершившегося культурного синтеза во многом стало неоконфуцианство [Торчинов, 2000. С. 202–218]. Но, разумеется, и сам буддизм в ходе этого процесса претерпел огромные изменения, подвергшись значительному влиянию конфуцианства и даосизма.

По словам А.Д. Зельницкого, существование такого феномена, как религиозный, или, точнее, идеологический, синкретизм в традиционном Китае является общеизвестным фактом [Зельницкий, 2002. С. 64–67]. Конфуцианство, даосизм и буддизм, сосуществуя на протяжении многих веков, постепенно сближались между собой, причем каждая из доктрин находила свое место в складывавшейся всекитайской системе религиозного синкретизма. Конфуцианство преобладало в сфере этики и социально-семейных отношений, даосизм с его магией, метафизикой и пантеоном божеств и духов был обращен к сфере чувств и как бы компенсировал сухость и рационализм конфуцианства; буддизм заботился о замаливании грехов, рождал и поддер-

живал иллюзии о светлом будущем [My China. Электронный ресурс: <http://www.mychina.ru/>].

Термин «сань цзяо» (三教 sānjiào три учения) используется в китайской литературе с III в., то есть в то время, когда буддизм начал занимать прочные позиции в духовной культуре Китая. В связи с этим необходимо указать на определенную «асимметричность» в употреблении самого термина, связанную с тем, что слово «цзяо» (教 jiào учение) понималось несколько по-разному в конфуцианстве, и в буддизме и даосизме. Несостоятельность данного термина заключается в совершенно разных значениях слова «цзяо» для конфуцианства и для двух других «учений», названных так лишь в смысле вообще большого явления, подобного конфуцианству, по духу совершенно ему не соответствующего [Зельницкий, 2002].

Таким образом, конфуцианство, даосизм и буддизм оказывали и до настоящего времени продолжают оказывать влияние на формирование философской мысли Китая. Кроме того, в русле этих трех основных религиозно-философских течений Китая была сформирована основная религиозно-философская лексика китайского языка, которая впоследствии была использована для перевода основных священных текстов других религиозных учений на китайский язык. Процесс поиска адекватного эквивалента для китайского языка реалий, существовавших в других иноземных религиозных учениях и отсутствующих в китайской культуре, был сложным и весьма трудоемким. В результате многие иероглифы приобрели новую семантику.

Так, например, при переводе с арабского языка на китайский сути мусульманского учения, его терминологии и основных принципов неизбежно было оказано влияние на национальную культуру Китая, а следовательно, и на китайский язык, что нашло отражение на лексическом уровне китайского языка в виде большого пласта заимствованной лексики.

古兰经gǔlánjīng \可兰经kělánjīng [араб. الْقُرْآن - al-Qur'ān «читать»] – *Ko-ран*, главная священная книга мусульман. В слове гуланьцзинь (古兰经) или иногда *кэланьцзинь* (可兰经) преимущественно взята фонетическая сторона слова, а значение «читать», заключенное в арабском слове, не сохранено в слове китайском. Однако в переводе присутствует некая китайская специфика, словом *цзин* (经jīng) обозначались многие дренекитайские каноны, например, такие известные, как Даодэцзин, И-цзин, Ши-цзин и др. В данном случае мы наблюдаем некий культурный симбиоз, заложенный в переводе.

清真寺qīngzhēnsì [араб. مسجد – масджид – место поклонения, тат. мечет] – *мечеть*, мусульманское богослужбное архитектурное сооружение. Семантическое заимствование (калька), полностью игнорирована фонетическая передача слова. 清真寺 дословно переводится как «исламский храм», но под словом 寺sì понимается именно буддийский храм, монастырь.

尖塔 (清真寺的尖塔) jiāntǎ [араб. منارة, манара, «маяк»] – *минарет*, в архитектуре ислама башня (круглая, квадратная или многогранная в сечении), с которой муэдзин призывает верующих на молитву.

При переводе другого культового сооружения мусульман – *минарета* – возникает ситуация, аналогичная с *мечетью* – 尖塔 является калькой, в которой полностью игнорирована фонетическая передача арабского слова. Однако слово *минарет* при переводе на китайский язык содержит намек на дальневосточную культуру, ведь иероглиф «塔» означает «буддийская пагода».

Другим примером является перевод Библии на китайский язык. Первые заимствования христианской лексики китайским языком относятся к VII в., это связано с первыми нестерианскими переводами «Канона Иисуса Мессии» и «Единобожия».

Для «Канона Иисуса Мессии» характерно большое число фонетических транскрипций. Более того, многие из понятий и транскрипций были явно скороспелыми и носили странный для христианской религии характер. Терминологической спецификой «Канона Иисуса Мессии» стали:

1) употребление иероглифа 佛 fó («Будда») для обозначения христианского Бога,

2) использование неподходящего знака 迷 mí («загадка», «конфуз») в фонетической транскрипции 迷诗词 míshīhē («Мессия») [Ломанов, <http://www.chinese.orthodoxy.ru/>].

В переводе Нового Завета, выполненном в начале XX века отцом Иннокентием, *Царствие Небесное* универсально переводится во всех текстах как 天国 tiānguó, то есть используется слово, также имеющее глубокие корни в традиционной китайской идеологии и национальном мифологическом сознании [<http://www.pravoslavie.ru/>].

天 tiān «Небо», одна из главных категорий китайской культуры и философии, выражающая понятия: 1) бога, верховного божества, высшей божественной силы; 2) природы, естества, естественности, натуральности; 3) неба-свода как носителя астрономических и метеорологических объектов и явлений; 4) неба как основополагающего структурного элемента космоса, соответствующего времени и оппозиционного земле (地 dì ди), соответствующей пространству, а также входящего в мирообразующую триаду (三才 sāncái сань цай): Небо – Человек – Земля [<http://www.krugosvet.ru/>].

Итак, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. При переводе фундаментальных исламских и христианских трактатов наблюдается широкое использование буддийской и даосской терминологии, что свидетельствует о «китаизации» мировых религий и обусловлено процессом взаимовлияния разных культур.

2. При переводе имен собственных на китайский язык, особенно на начальных этапах, в основном применялся метод транскрипции, причем переводческие решения часто были неудачными. Однако в результате переосмысления переводы корректировались, дополнялись и улучшались, поскольку применялись калькирование и описательный перевод.

3. Составители христианских переводов сталкивались с проблемами перевода на китайский язык фундаментальной богословской терминологии и библейских имен собственных. На раннем этапе это обуславливалось недостаточно глубоким знанием китайского языка христианскими миссионерами, однако другой немаловажной причиной являлась огромная разница в мировоззрении представителей Восточной и Западной культур: китайскому мировоззрению теистический подход был настолько чужд, что первые миссионеры-иезуиты в Китае даже в XVII – XVIII вв. испытывали сильнейшее затруднение при переводе самого слова «Бог».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаров А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики / А.А. Азаров. М., 2002.
2. Зельницкий А.Д. Концепция единства «трех учений» как основа позднесредневекового религиозного синкретизма в Китае / А.Д. Зельницкий. СПб., 2002.
3. Ломанов А.В. Раннехристианская проповедь в Китае / А.В. Ломанов // Режим доступа: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb1/History1.htm>.
4. Тимофеев Т.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения / Т.А. Тимофеев. Новосибирск, 2001.
5. Торчинов Е.А. Китайская картина мира и буддизм / Е.А. Торчинов. СПб., 2000. С. 202–218.
6. Тянь // Онлайн Энциклопедия «Кругосвет». Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/TYAN.html.
7. Даосизм // Свободная энциклопедия «Википедия». Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Даосизм>.
8. My China // Режим доступа: <http://www.mychina.ru/ru/religion/sincretism>.
9. Pravoslavie.ru // Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=842&did=621>.

ПРОФЕССИОГРАММА СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Синхронный перевод – один из самых сложных видов устного перевода. Для обеспечения высокого качества перевода синхронист должен обладать целым рядом специфических знаний, навыков и умений. В данной статье приводится профессиограмма синхронного переводчика, а также рассматриваются основные особенности данного вида перевода.

Simultaneous translation is one of the most difficult types of interpretation. To provide high quality work a simultaneous interpreter should have a whole range of specific knowledge and skills. The article dwells upon a job description and the main characteristics of this type of translation.

Сегодня ни одна конференция не обходится без синхронного перевода. Осуществляемый одновременно с речью оратора, данный вид перевода чрезвычайно удобен, т. к. позволяет экономить силы и время, несмотря на большое количество рабочих языков. Синхронный перевод является одной из двух разновидностей «перевода конференций», вторая представлена последовательным переводом. Последовательный перевод исторически предшествовал синхронному. Начало ему положила Парижская мирная конференция 1919 г. Именно тогда бригада переводчиков, которую возглавил историк и профессор Лондонского университета Поль Манту, начала создавать стандарты последовательного перевода. Так, переводчик не имел права перебивать оратора. Оратор говорил ровно столько, сколько считал нужным, и только после окончания речи был возможен ее перевод [Ширяев, 1979].

Датой рождения синхронного перевода как профессионального вида деятельности принято считать Нюрнбергский процесс над нацистскими военными преступниками. В Нюрнберге работали две команды: советская команда переводчиков и команда союзников, состоявшая преимущественно из американцев. Именно там была впервые предложена современная техническая установка, которая показала все преимущества синхронного перевода в многоязычной аудитории. В 1947 г. ООН приобрела первую портативную установку для синхронного перевода. В то время в ООН еще шел процесс ожесточенного сопротивления сторонников последовательного перевода. Однако уже с 1951 г. данный вид перевода сохранился только в Совете Безо-

³⁶ Научный руководитель – к. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

пасности, в то время как синхронный перевод начал победное шествие по всему миру [Миньяр-Белоручев, 1999].

Появление синхронного перевода как вида устного профессионального перевода вызвано насущной потребностью в создании перечня переводческих компетенций (профессиональной программы), которыми должен владеть переводчик-синхронист. Синхронный перевод считается одним из сложнейших видов коммуникативной деятельности. Его основная особенность заключается в параллельности восприятия речи на одном языке и ее воспроизведении на другом. Отставание перевода может составлять всего 2-3 секунды. Кроме того, как правило, синхронный перевод осуществляется при помощи технических средств, в специальной кабине, где переводчику через наушники передается речь оратора, а он в свою очередь воспроизводит перевод в микрофон. Таким образом, переводчик словно становится звеном одной большой цепи, находясь в зависимости от работы аппаратуры. Еще одной особенностью синхронного перевода является жесткий лимит времени: на осуществление непосредственно перевода синхронному переводчику отводится лишь период произнесения речи оратором. Это время в два раза меньше того, которым располагает переводчик при последовательном переводе, и в 20-30 раз меньше, чем при письменном переводе текста той же речи. Более того, синхронному переводчику «навязывается» и темп перевода, который должен соответствовать темпу произнесения речи оратором. Именно поэтому синхронный перевод вызывает опасения у людей с медленной реакцией, пусть и превосходно владеющих иностранным языком. Наконец, синхронный переводчик переводит текст по сегментам по мере их поступления, тогда как, например, при последовательном переводе переводчик сначала прослушивает законченный отрывок текста или весь текст.

Эти особенности делают синхронный перевод очень сложным для овладения и требуют наличия целого ряда знаний, навыков и умений, необходимых для обеспечения качественного перевода [Виссон, 1999]. Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что для синхронного перевода необходим талант. Так, Г.Э. Мирам утверждает, что без определенного набора врожденных психофизических характеристик синхронистом стать невозможно. Однако эти качества должны также дополняться приобретенными навыками. [Мирам, 1999].

К врожденным характеристикам, в первую очередь, относится способность распределять внимание на несколько задач одновременно, т. к. работа переводчика в условиях одновременного слушания и говорения требует постоянной концентрации. Целый ряд исследований изучению этой проблемы. Некоторые специалисты полагают, что процесс одновременного восприятия речевого потока на одном языке и его порождения на другом невозможен, ввиду того что для понимания чужой речи необходимо ее внутреннее воспроизведение [Ширяев, 1979]. Как бы то ни было, в ходе исследования, проведенного под руководством В.И. Ермолович, было доказано, что эффективное совмещение слушания и говорения в рамках синхронного перевода все-таки возможно. Поэтому основным компонентом содержания обучения син-

хронных переводчиков является систематическое развитие концентрации внимания.

Вторым необходимым навыком, которым должен обладать любой профессиональный переводчик, является быстрота реакции. Синхронист вынужден ежесекундно реагировать на воспринимаемые им на слух слова. Непременным условием успешности является наличие у синхрониста большого запаса эквивалентных пар лексических единиц, связанных между собой знаковой связью и позволяющих переводить не через анализ и синтез, т. е. мышление, а через условные рефлексy, т. е. на уровне «стимул-реакция». Помимо этого, синхронный переводчик должен обладать такими психофизическими характеристиками, как хорошая оперативная память, четкая артикуляция, быстрая речь, физическая и психическая выносливость. Последний момент особенно важен. Смена работы одного синхронного переводчика составляет всего 20–30 минут, однако этого времени достаточно, чтобы у синхрониста появилась усталость артикулярного аппарата, снизился самоконтроль, а в тексте перевода стали появляться серьезные, а иногда и нелепые ошибки, причем даже на родном языке.

Среди приобретенных навыков ключевое значение имеет свободное владение родным и иностранным языками. Синхронист должен уметь быстро и без особых затруднений переключаться с одного языка на другой, обеспечивая корректную передачу информации. Как уже было сказано, синхронный переводчик занимается переводом не целых предложений, а словосочетаний. Получая словосочетание на исходном языке, он тут же использует появившийся из долговременной памяти эквивалент на языке перевода, вставляя его с учетом грамматических законов в поток текста перевода. И если тематика речи переводчику хорошо знакома, то синхронный перевод складывается в непрерывную нить, связывающую между собой эквивалентные словосочетания. Таким образом, мы подходим ко второй характеристике профессионального синхрониста – это наличие богатых фоновых знаний. По словам Линн Виссон, синхронный переводчик должен быть «ходячим энциклопедическим справочником» [Виссон, 1999. С. 29]. По ходу работы ему приходится иметь дело с литературой, географией, естествознанием, историей, терминологией политических переговоров, а также правилами и процедурами проведения заседаний. Сюда же примыкают цитаты из Библии, У. Шекспира, Л. Толстого, а также разговорные выражения, сленг и даже жаргон.

«Умение сокращать и конденсировать живую речь – одно из первых умений в искусстве синхрониста», – также утверждает Виссон [Там же. С. 37]. Переводчик выступает в роли редактора. Используя короткие слова и опуская лишние, он каждый раз решает, что может быть пропущено без потери смысла. Чем опытнее переводчик, тем успешнее его редакторская работа. Искусство сжатия фразы особенно важно при переводе с английского на русский. Не секрет, что в русском языке преобладают более развернутые выражения, чем в английском. Например, *space programme* переводится как «программа космических исследований». Поэтому способность сокращать речь непосредственно в процессе синхронного перевода, не допуская пауз, –

одно из важнейших качеств профессионального синхрониста. Стоит добавить, что синхронный переводчик высокого класса должен быть изобретателен и находчив. В том случае, если синхронист забыл эквивалент слова одного из рабочих языков, упустил определенную деталь или попросту не понял речи оратора, он должен быть способен быстро сориентироваться и найти максимально подходящий вариант перевода, избежав неловкой ситуации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для достижения качественного перевода синхронный переводчик должен обладать целым рядом психофизических навыков, к которым относятся быстрота реакции, четкая дикция, умение сосредоточиться, психическая устойчивость и хорошая физическая форма. Помимо этого, переводчик-синхронист должен демонстрировать такие приобретенные качества, как высокий уровень владения языком оригинала и языком перевода, широта кругозора и энциклопедические знания, знание фонда устойчивых конструкций и клише и умение ими оперировать, умение редактировать и сокращать речь оратора, а также изобретательность и способность быстро ориентироваться в нестандартной ситуации.

Синхронный перевод как профессиональный вид деятельности возник относительно недавно, поэтому перед учеными-лингвистами стоит ряд задач по повышению квалификации переводчиков-синхронистов, решение которых поможет обеспечить высокое качество синхронного перевода и выйти на качественно новый уровень межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский / Л. Виссон. М., 1999.
2. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Р.К. Миньяр-Белоручев. М., 1999.
3. Мирам Г.Э. Профессия: переводчик / Г.Э. Мирам. К., 1999.
4. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода / А.Ф. Ширяев. М., 1979.

М.В. Павлюченко³⁷

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИРА В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ

В статье рассматривается проблема интерпретации мира с помощью коммуникативных (модусных) категорий, выступающих отдельным форматом знания.

Переводчик — д. филол. н., доц. О.В. Магировская.

The main focus of discussion in the article is the problem of knowledge interpretation by modus categories regarded as a specific knowledge format.

Интерес к коммуникативным категориям возник в связи с развитием нового направления в языкознании – когнитивной лингвистики, которая опирается на изучение концептуальной и эмпирической базы языковых категорий и понятий. В русле данной науки язык рассматривается в аспекте его взаимодействия с процессом мышления. Он выступает механизмом познания, средством доступа к мыслительным процессам, некой системой знаков, которая определенным образом кодифицирует и трансформирует информацию о мире. Именно в языке фиксируется опыт человечества, его мышление.

Актуальность исследования коммуникативных категорий обусловлена современными общетеоретическими задачами когнитивной лингвистики, ее интересом к проблемам взаимодействия языка, мышления и культуры, а также малой изученностью объекта исследования коммуникативных категорий и их ролью в интерпретации мира.

Представляется необходимым отметить, что интерпретация является неотъемлемой функцией человеческого сознания, так как человек интерпретирует все, с чем он сталкивается в реальной действительности. В результате такой переработки знаний создается определенная картина мира. Под картиной мира можно понимать и реальность человеческого сознания в целом, и менталитет конкретного лингвокультурного сообщества. Согласно междисциплинарному словарю «Язык. Речь. Коммуникация», картина мира – совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной и мыслимой действительности [МСЯРК, 2006. С. 44]. Однако, стоит отметить, что совокупность этих знаний и мнений не может не найти своего выражения посредством языка, что и позволяет нам говорить о языковой картине мира.

Языковая картина мира системна. В основе ее организации лежат языковые категории. «Категория» – понятие довольно широкое. Оно используется многими науками в наиболее общем смысле, когда под категорией понимается совокупность предметов и явлений объективного мира, объединенных на основании наиболее существенных свойств, признаков, связей и отношений.

В философии, например, понятие категории играет основополагающую роль, так как философия как наука является основой многих учений и положений. К философским относятся категории материи, движения, пространства, количества, качества. Они, безусловно, имеют право на ментальную переработку в процессе осмысления и интерпретации объективной реальности. И. Кант писал о том, что «мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям» [Кант, 1994. С. 117].

Основными категориями формальной логики являются мнение, суждение, умозаключение, понятие, определение, анализ, синтез и т.п. Они связаны

с определенной ступенью познания человеком материального мира, с законами и формами мышления [Кондаков, 1975].

В более специализированных науках исследуются и отображаются отдельные стороны и связи объективной действительности. Каждая из этих наук оперирует своими категориями как наиболее адекватными в границах актуальных концептов для данной науки.

Относительно лингвистической науки следует говорить о языковых категориях в более широком смысле, так как язык репрезентирует множество категорий, отражающих как реально существующее пространство окружающего мира, так и особенности его осмысления. Так, например, Н.Н. Болдырев относит языковые категории к числу форм языкового сознания. Он отмечает, что с их помощью «человек упорядочивает полученные знания о мире и о себе», что именно они «обеспечивают единство языка как системы во всех его индивидуальных проявлениях» [Болдырев, 2006. С. 5].

Положение когнитивной лингвистики о том, что языковые категории можно охарактеризовать как определенные концептуальные структуры, позволяет сделать вывод о том, что признаки и характеристики, представленные в сознании в виде неких концептов, не ограничиваются одним конкретным объектом, а распространяются на определенные классы объектов, или категории. Н.Н. Болдырев дает достаточно краткое определение категории: «категория – это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта» [Там же. С. 6].

Если говорить о языковых категориях, то к таким категориям, вслед за Е.С. Кубряковой, можно отнести грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории [Кубрякова, 1998]. Если подходить к языковым категориям более широко, то на современном этапе можно выделить 3 типа: традиционные лексические, грамматические и новый тип категорий, который необходимо рассматривать в рамках когнитивной лингвистики, – коммуникативные категории.

Лексические значения отражают онтологию мира. Они репрезентируют то, что окружает человека в мире реальной действительности. Грамматические значения отражают онтологию языка, его внутреннюю сущность и законы функционирования. Иными словами, лексические значения и объединения слов отражают категоризацию объектов относительно мира, тогда как грамматические значения – категоризацию объектов, естественных для языка.

Коммуникативные категории имеют прямое отношение к процессу коммуникации, который часто определяют как процесс обмена мыслями, сведениями, идеями и т.п. и связывают с функционированием языка как основного средства общения [Там же]. Так как процесс коммуникации, по большому счету, подразумевает субъективное выражение мыслей человека, а также субъективное мнение относительно содержания высказываемого, коммуникативные категории отражают отношение человека к высказыванию, его оценку происходящего. Именно они выступают своего рода посредниками в процессе коммуникации между миром, языком и человеком.

Н.Н. Болдырев называет такие категории модусными, или оценочными (в широком смысле этого слова). Он подчеркивает, что они позволяют говорящему интерпретировать то или иное концептуальное содержание и, в результате этой интерпретации, создавать отдельные смыслы [Болдырев, 2006. С. 15].

В системе «мир – язык – человек» интерпретация связана с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка. Исходя из этого, можно сделать вывод, что единицы, которые можно рассматривать в рамках коммуникативных категорий, являются продуктом интерпретирующей функции сознания. К таким категориям можно отнести модальность, оценочность, аппроксимацию, эмотивность, отрицание, эвиденциальность и др.

В силу того, что процесс интерпретации как функция человеческого сознания носит довольно субъективный характер, основной функцией коммуникативных категорий является выражение субъективного начала при выражении объективной действительности. Рассмотрим в общих чертах лишь некоторые коммуникативные категории.

Категория модальности считается самой распространенной категорией и определяется как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношением содержания высказывания к действительности... выражаемая лексико-грамматическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. д.» [СЛТ, 1966. С. 237–238]. В рамках данной категории можно выделить более конкретные значения: 1) реальность, 2) возможность, 3) достоверность, 4) вероятность, 5) побуждение, 6) намерение и т.п. Например, в предложении “*Certainly he is coming for the dinner*” наречие *certainly* выражает уверенность, в то время как наречие *probably* в предложении “*She probably cooks at home instead of eating out*” – вероятность.

Категорию оценочности можно описать как определенный мыслительный процесс или, скорее, результат этого процесса, при взаимодействии человека с окружающей его реальностью. Другими словами, это реакция человека на происходящее. В процессе практически любой мыслительной деятельности мы даем оценку тому, что нас окружает, исходя из собственного опыта и руководствуясь своим субъективным мнением. Чаще всего средством выражения оценки выступает оценочная лексика либо определенная интонация, например: *He is awesome!*; *She is a terrible athlete!*; *You are very rude to her. Like a trooper.*

Категория аппроксимации (категория приближенности) также выражает отношение говорящего к происходящему и близка к категории оценочности. Однако, в отличие от последней, она выражает нежелательность говорящего точно определять свое отношение. При оперировании данной категорией в основном используются лексические средства, выражающие неуверенность, неопределенность. К другим средствам выражения категории аппроксимации относятся синтаксические структуры, выражающие сравнение, словообразовательные суффиксы, интонация, паузация (например, *I’m*

kind of tired; I almost finished; I could hardly sit till the end. He looked rather foolish while talking to her in front of her parents).

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что коммуникативные категории занимают особо важное место в общей системе категорий благодаря тому, что они носят интерпретирующий характер. Другими словами, такие категории являются средством выполнения основной функции языка – коммуникативной, так как в процессе коммуникации осуществляется и оценка происходящего, и интерпретация мира. Стоит также отметить, что в виду относительной новизны данного объекта когнитивных исследований, а значит и недостаточной его изученности, коммуникативные категории требуют особого внимания и анализа как в плане содержания, так и относительно формальных средств их выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. М., 1994.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. М., 1975.
4. Кубрякова Е.С. О двоякой сущности языковых категорий и организации языковых категорий / Е.С. Кубрякова // Материалы научной конференции 23-25 апреля 1998. М., 1998. С. 7–12.
5. СЛТ – Словарь лингвистических терминов / Под ред. О.С. Ахмановой. М., 1966.
6. МСЯРК – Междисциплинарный словарь. Язык. Речь. Коммуникация / Под ред. С.Н. Цейтлин. СПб., 2006.

А.С. Сосна³⁸

ИОСИФ БРОДСКИЙ И ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

В статье рассматриваются взгляды И. Бродского на язык, на его роль в жизни человека. Особое внимание уделяется английскому и русскому языкам, автокоммуникации и автопереводу в творчестве поэта.

The article deals with the main ideas of I. Brodsky on the language, its role in the human life. Particular great attention is paid to the English and Russian languages, author-communication and author-translation in the creative works by I. Brodsky.

Данная статья посвящена творчеству И. Бродского, отношению поэта к языку, роли языка в жизни человека. Особое внимание уделено концепции

³⁸ Научный руководитель – к. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

перевода И. Бродского, его отношению к художественному переводу, в частности переводу поэтических текстов. При переводе поэт всегда был сторонником передачи не только словесного содержания оригинальных стихов, но и метра, и рифмы, и других технических элементов. Форма для И. Бродского – это и есть содержание. Перевод поэзии, как известно, сопряжен не только с межъязыковыми, но и с межкультурными проблемами. При поэтическом переводе зачастую господствует тенденция, которая заключается в навязывании переводимому стихотворению норм переводящей поэтической традиции. Возможно, именно это и послужило основным стимулом для И. Бродского – стать переводчиком своих собственных произведений. В своих переводах И. Бродский неукоснительно следовал собственным поэтическим установкам, позволяющим ему на двух языках играть со словом, классическим метром, рифмой, создавая в результате уникальный стих, в котором органически сочетаются торжественное прошлое, ироничное настоящее и вдохновенное будущее поэтического языка.

Перевод стал для И. Бродского универсальным средством взаимодействия как с родственной, так и с инокультурной средой: до эмиграции в 1972 году поэт, в поисках пути реализации своего творческого потенциала, т. к. собственные его произведения по идеологическим соображениям не могли быть опубликованы в СССР, – переводил английскую и польскую поэзию, а также, по подстрочникам, болгарскую, греческую, грузинскую, итальянскую, испанскую, голландскую, сербохорватскую и чешскую поэзию для различных изданий. Начиная с 80-х годов XX века в США И. Бродский активно занялся автопереводом, постепенно завоевывая позицию главного, – если не единственного, переводчика своих произведений.

Тема перевода всегда волновала И. Бродского, так как от трансляции его собственных стихотворений зависела репутация поэта на Западе. Мы не найдем у поэта теории, объясняющей, как делается перевод: «У меня есть собственные соображения относительно переводов. Нет, теории у меня нет. Я сомневаюсь, что в этом вопросе может существовать какая-либо теория. Тут все зависит от практики, все в процессе ее проб и ошибок» [Бродский, 2000. С. 250]. Таким образом, концепция перевода у И. Бродского родилась из практики.

Рассуждения поэта о переводе можно обнаружить и в его многочисленных интервью и эссе. По мнению поэта, «перевод требует стилистической, если не психологической конгениальности <...> Тембр, тон и темп, отраженные в метре стихотворения, передаваемы» [Бродский, 1999. С.104].

Отправной точкой для поэзии И. Бродского, которую в своих стихах он сам неоднократно определяет как отчаянное сопротивление хаосу, пустоте и бессмысленности, всегда служит четкая форма. В свете «философии языка» И. Бродского совершенно естественным представляется его категорическое требование сохранения при переводе на английский язык формы русского стихотворения: «В этих [английских переводах русских поэтов XX века] переводах упор часто делается на передачу «содержания» за счет отказа от структурных особенностей. И оправдывается это тем, что в английской по-

эзии XX века главная идиома – свободный стих. Я вот что скажу по этому поводу. Использование свободного стиха при переводах, конечно, позволяет получить более или менее полную информацию об оригинале – но только на уровне «содержания», не выше. Поэтому когда здесь, на Западе, обсуждают Мандельштама, то думают, что он находится где-то между Йейтсом и Элиотом. Потому что музыка оригинала улетучивается. Но, с точки зрения местных знатоков, в XX веке это позволительно и оправданно. Против чего я лично встаю на задние лапы...» [цит. по: Волков, 1998. С. 57].

В вопросе перевода поэзии И. Бродский не разделял мнения В. Набокова о том, что поэзия – это то, что теряется в переводе [Там же. С. 58]. Он был убежден, что любая поэзия переводима, один и тот же поэт может быть переведен удачно и неудачно, все зависит от того, насколько переводчик конгениален поэту, насколько он опытен, трудолюбив и верен оригиналу. И. Бродский настаивал на том, что «все три формальных аспекта стихотворения – метр, рифма и система тропов – могут быть и должны быть переведены на другой язык наиболее точным и привлекательным образом» [цит. по: Смахина, 2004. С. 52]. Те случаи, когда поэт был вынужден пожертвовать рифмой, он объяснял тем, что у него не было времени заниматься каждой строкой [Бродский, 2000. С. 185]. И. Бродский неоднократно повторял мысль, что при переводе что-то теряется. Согласно его теории, «вы можете потерять ту или иную рифму, но, зная, что теряете ее в одном месте, стараетесь это как-то компенсировать в другой строке. То есть вы стараетесь поддерживать определенный эстетический баланс, который существует в оригинале, и, если он действительно существует, вы просто стараетесь различными средствами воссоздать в переводе равновесие» [Там же. С. 250]. Поэт полагал, что невозможно, в конечном счете, отделить содержание от формы, но так или иначе в процессе перевода можно преодолеть их обособленность, то есть можно сказать, что в каком-то смысле форма для И. Бродского – это и есть содержание. Для поэта, в плане перевода, рифмы были более интересными, поскольку тут очень велик выбор возможностей. В. Полухина отметила, что, когда в ходе переводческой практики И. Бродский понял, что в английском гораздо меньше рифм, чем в русском, а те, что есть, давно использованы массовой культурой, он заявил, что это только утяжеляет задачу, поскольку его основным лозунгом в переводе были слова «Nothing is impossible» (нет ничего невозможного) [Полухина, 1998. С. 52]. Содержание, отмечал поэт, для него не столь интересно, ведь он не может расширить или расцветить его, поскольку это будет против правил. Самое главное при переводе, по И. Бродскому, – сохранить строй оригинала [Бродский, 2000. С. 351].

Поэт признавал, что от качества перевода зависит многое, прежде всего то, как воспримут это произведение читатели, поймут ли все, что было задумано поэтом, сохранится ли вся индивидуальность в иноязычном тексте. Существует мнение о том, что если бы И. Бродский жил в России, переводы бы не обрели для него ту ценность, какую он придавал им, живя на Западе.

И. Бродский верил в плохие переводы, полагал, что они «позволяют читателю отдаться собственному воображению» [Там же. С. 184]. Например,

анализируя переводы А. Ахматовой, поэт отмечает, что многое теряется в переводе, оставляя на странице пусть и насыщенное, но все же одномерное содержание. И. Бродский замечает, что и отечественной аудитории приходилось иметь дело с ее творчеством в искаженном виде. Цензуру с переводом, считает поэт, сближает их общий принцип «по возможности». Следует заметить, что языковые барьеры зачастую оказываются не ниже, чем воздвигаемые государством [Бродский, 1999. С. 38].

Перевод поэзии, как известно, сопряжен не только с межъязыковыми, но и с межкультурными проблемами. Значительные расхождения между русской и англо-американской культурно-поэтическими традициями требуют от переводчиков особого чутья, обширных знаний в области сопоставительной типологии просодий, литературных традиций, культурных реалий и, что особенно редко встречается, готовности к языковому эксперименту. При поэтическом переводе зачастую господствует тенденция, которая заключается в навязывании переводимому стихотворению норм переводящей поэтической традиции [Казакова, 1998. С. 3].

Исключительная независимость духа вкупе с исключительным чувством поэтического слова, присущие Иосифу Бродскому, по утверждению Т. Казаковой, превратили сотрудничество с ним в нелегкое испытание для метров поэтического перевода в США. Один из первых переводчиков произведений И. Бродского на английский язык в 60-е годы, то есть еще до его насильственной эмиграции, Д. Уэйссборт (Вайссборт), пишет: «...Brodsky found it hard, or impossible, to accept his translator's notion of what was tolerable in English. He was constantly, it seemed to me, trying as it were to transform English into Russian, to colonize English and to oblige it to do things I did not believe it could do...» [Weissbort, 1989. P. 221]. «...Бродскому было трудно, почти невозможно смириться с представлениями переводчика о том, что допускается и что не допускается в английском языке. Он как бы постоянно пытался превратить английский язык в русский, колонизировать английский, вынудить освоить его такие обороты, которые мне казались немыслимыми...» (пер. Т. Казаковой). Представление Д. Уэйссборта о границах выразительных возможностей английского языка явно расходилось с точкой зрения И. Бродского, и не только потому, что для И. Бродского английский язык был иностранным, но и потому, что отношение его к языку, независимо от того, родной это или иностранный, было отношением поэта, для которого границы, определяемые учебником или грамматическим справочником, отнюдь не являются предметом благоговейного почитания. Привыкшие к нетребовательности большинства писателей-эмигрантов, переводчики пытались приучить и Иосифа Бродского, терпеливо объясняя ему основы американской концепции поэтического перевода, которые позволили, в частности, превратить строгий, классический стих А. Ахматовой в верлибр, просодически не имеющий ни малейшего сходства с оригиналом, на том основании, что точный перевод превратил бы его величество Английский Язык в русифицированный диалект, а стихи А. Ахматовой представил бы в форме, неприемлемой для большинства американских читателей. При этом понятие Russified English, как

правило, выходит за пределы сугубо языковых представлений и распространяется на такие стихотворные нормы, как рифма, метр, аллитерация, которых, как утверждает, современные американские читатели не приемлют. В ответ на упрек И. Бродского в «одномерности» английских переводов поэзии А. Ахматовой один из американских теоретиков перевода и переводчиков А. Ахматовой, Ричард Маккейн, рассуждает: «My belief... is that the richness of the subject matter and the rhythm of the sequence of ideas (which is more important for the English than rhythm and rhyme) can be communicated... I consciously abandoned aspects such as rhyme, rhythm and metre... the formal aspects of their poetry in my translation, the subject matter and emotion behind the language got across» [McKane, 1969. P. 19]. «Я убежден, что... богатство содержания и ритм развития мысли (что гораздо важнее при переводе на английский, чем размер и рифма) переводимы... Я сознательно пренебрегал такими аспектами, как рифма, размер и метр... формальными признаками их поэзии при переводе, чтобы передать стоящие за языковым выражением содержание и эмоциональный настрой» (пер. Т. Казаковой) [Казакова, 1998. С. 4].

Все вышеперечисленные причины и привели, в конце концов, И. Бродского к неординарному решению проблемы – стать собственным переводчиком, хотя при этом поэт считал автоперевод тяжелым испытанием, говорил, что «процесс перевода доводит до бешенства <...> пытаешься сохранить на английском как можно больше от оригинала и не можешь» [Бродский, 2000. С. 215]. Автопереводы имели, безусловно, положительный результат. В последние годы стихи И. Бродского издавались в США преимущественно в его собственных переводах, включая и произведения, написанные непосредственно на английском языке. Переводчикам отводилась роль редакторов, отстаивающих последние бастионы буквализма. И в своих переводах И. Бродский неукоснительно следовал собственным поэтическим установкам, позволяющим ему на двух языках играть со словом, классическим метром, рифмой, создавая в результате уникальный стих, в котором органически сочетаются торжественное прошлое, ироничное настоящее и вдохновенное будущее поэтического языка. И нельзя не поражаться тому, что многие серьезные американские поэты внимательно вслушиваются в то, как звучат стихи И. Бродского на английском языке, будь то оригинальные произведения или автопереводы, и с каким уважением отзываются о нем профессиональные переводчики, хотя и немало претерпевшие от его требовательности [Казакова, 1998. С. 7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский И. Большая книга интервью / И. Бродский. М., 2000.
2. Бродский И. Сочинения / И. Бродский. Т. V. СПб., 1999.
3. Волков С. Диалоги с И. Бродским / С. Волков. М., 1998.
4. Казакова Т. Ваш упрямый Иосиф: комментарии к американским переводам поэзии Иосифа Бродского / Т. Казакова // Атриум. Сер. Филология. 1998. № 2.

5. Полухина В. Английский Бродский / В. Полухина // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. СПб., 1998.

6. Смахтина Н.Г. Соотношение актуализированных разноразличных лексиконных поэта-билингва в условиях авторского перевода (на примере творчества И. Бродского): Дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Смахтина. Курск, 2004.

7. McKane R. Introduction to the Modern Poetry in Translation / R. McKane. Penguin, 1969.

8. Weissbort D. Translating Brodsky. A Postscript / D. Weissbort // Translating Poetry. 1989.

Е.А. Трутнева³⁹

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В АНГЛИЙСКОЙ, КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Настоящая статья посвящена лингвокультурному изучению концепта «семья» и его компонентов (мать, отец, родители, жена, муж, сын, дочь, дети) в английской, китайской и русской лингвокультурах. Материалом для данного исследования послужил фразеологический фонд языков этих трех наций.

This article covers linguistics and cultural studies of concept «family» and its components (mother, father, parents, wife, husband, son, daughter, and children) in English, Chinese and Russian linguistic cultures. The phraseological foundation of these three languages has become the material for these studies.

Настоящая статья посвящена лингвокультурному изучению концепта «семья». Семья, будучи общечеловеческой «универсалией», обладает национальной спецификой. Она является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов. Передаваемые из поколения в поколение нормы семейного и брачного поведения становятся безусловными традициями, направляющими образ жизни и образ мышления людей в определенное русло.

В современном языкознании центральным является вопрос о соотношении языка и культуры, которым занимается такая наука, как лингвокультурология. Язык – это зеркало, которое отражает специфику культуры отдельного народа. Одним из базовых понятий лингвокультурологии является концепт, который представляет собой сгусток культуры в сознании человека [Степанов, 2001]. Совокупность концептов, характерных для конкретной нации, формирует концептосферу, которая отражает богатство культуры каждого народа. Концептосфера может быть определена как ментальная совокупность представлений, знаний носителей языка об окружающей действи-

³⁹ Научный руководитель – канд. филол. н., доц. Л.М. Штейнгардт.

тельности. Концептосфера обладает универсальными характеристиками, которые обусловлены едиными, объективными процессами мозговой деятельности человека. В настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое (присущие только данной культуре значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.п.) [Маслова, 2001].

В данной работе мы рассматриваем национально-культурную специфику универсального концепта «семья» и его компонентов (мать, отец, родители, жена, муж, сын, дочь, дети) в рамках английской, китайской и русской концептосфер. В качестве ключа к пониманию содержания данного концепта культуры мы используем фразеологический фонд языков этих трех наций. Национально-культурная самобытность фразеологизмов любого языка не вызывает сомнений, ведь в них скрыты многие интересные и характерные стороны национальной культуры и быта, неожиданные и малоизвестные черты того или иного народа, многовековая жизнь различных слоев общества, его духовная и материальная культура. Фразеология фиксирует, а затем, как «хранилище», знакомит нас с разнообразным миром народов [Там же]. Нами был сформирован фразеологический корпус, источником которого послужили словари русского, китайского и английского языков, справочники, сборники и ресурсы Интернета. Материалом для данного исследования послужили 195 фразеологических единиц, отражающих концепт «семья» и его компоненты, из них:

72 фразеологические единицы русского языка;

66 фразеологических единиц английского языка;

57 фразеологических единиц китайского языка.

В последнее время проблема определения концепта «семья» притягивает к себе много внимания и вызывает повышенный интерес лингвистов, философов, лингвокультурологов, психологов. Как показывают наблюдения, значимость и ценность этого понятия в лингвокультурологии достаточно высоки. Этот концепт отражает сложную систему духовно-нравственного и морально-этического измерений картины мира и внутренней, духовной жизни личности.

Концепт «семья» относится к универсальным, базовым, на основе которых формируются национально-культурные ценности. Наличие таких концептов обеспечивает возможность взаимопонимания между народами. Но в то же время каждая нация имеет свою собственную шкалу мировоззрения, шкалу ценностей [Лихачев, 1997]. Каждая культура формирует свои стереотипы сознания и поведения, опирающиеся на видение мира. В ходе исследования мы нашли подтверждение тому, что концепт «семья» и его компоненты являются универсальными в английской, китайской и русской культурах. Примечательно, что в трех лингвокультурах семья рассматривается как дерево с плодами, родители являются корнем дерева, а значит, основой семьи:

As the tree, so the fruit. Каково дерево, таков и плод. Яблоко от яблони недалеко падает.

什・藤结什么瓜Какова лоза, таков и плод. Яблоко от яблони недалеко падает.

Яблоко от яблони недалеко падает. Шишка от ели недалеко падает.

В сопоставляемых культурах родители заботятся о своих детях и дарят им свою любовь:

Every mother thinks her own gosling a swan. Всякая мать считает своего гусенка лебедем. Дите хоть и криво, а отцу-матери диво.

癡痢头儿子自己的好 Свой запаришивевший сынок милей чужих здоровых. Свое дите хоть и криво, да отцу с матерью мило.

Дите хоть и криво, а отцу-матери диво.

Родители являются образцом для подражания для своих детей. Дети хотят быть на них похожими, они берут с них пример и тем самым являются их потомками, их наследниками:

1. *Like mother, like daughter.* Какова мать, такая и дочь. Яблоко от яблони недалеко падает. *Like father, like son.* Каков отец, таков и сын. Яблоко от яблони недалеко падает. *Like parents, like children.* Кто от кого, тот и в того.

2. 有其父必有其子Каков отец, таков и сын. Яблоко от яблони недалеко падает. 什・藤结什么瓜Какова лоза, таков и плод. Яблоко от яблони недалеко падает.

3. Какова мать, такова и дочь. Каков отец, таков и сын. Шишка от ели недалеко падает. Дитяtko – что тесто: как замесил, так и выросло. Точь-в-точь, как мать в дочь.

Но в то же время обнаружились и значения, специфичные для каждой культуры. К примеру, в английской культуре человек, у которого нет детей, не может знать, что есть счастье и любовь. (*He that has no children knows not what love is. Happy is he that is happy in children.*) Рассматривая фразеологические единицы английского языка, вербализующие концепт *отец*, мы выявили, что отец может быть плохим. (*Zoo daddy. Воскресный папа.* «Воскресный папа» – это отец, который уделяет своему ребенку внимание только по выходным. Он создает видимость заботы, например, воскресным походом в зоопарк.)

Традиционно в китайской культуре целью каждого человека было создание идеальной семьи, большой и дружной. (安家落户 Создать семью и обосноваться. Пустить корни.成家立业 Встать на ноги и обзавестись семьей. Остепениться и создать семью.) Семья в китайской лингвокультуре рассматривается как книга, которая должна быть закрыта для чужих. (家家有本难念的经 У каждой семьи – своя книга невзгод. У каждого – свои проблемы.) В китайской культуре, как и в большинстве других восточных культур, жена была зависима от мужчин в семье: от отца, мужа, сына. Она должна была им подчиняться. (三从四德 3 вида подчинения и 4 благородных

качества женской добродетели по феодальным нормам нравственности Китая: до замужества женщина должна подчиняться отцу или старшему брату, после замужества – мужу, после смерти мужа – старшему сыну.

三纲五常 3 начала и 5 постоянных принципов феодального общества: подчинение подданных императору, подчинение жены мужу, подчинение сына отцу). Для китайского языкового социума рождение ребенка является раскрытием тайны, неотвратимым выходом на свет «греха»: *雪包不住死孩子* Не скрыть в снегу убитого ребенка. Все тайное становится явным.

Для русской ментальности свойственно, что создание семьи прибавляет мудрости (*Добрая семья прибавит разума-ума.*). А мать является для русского носителя защитницей своих детей (*Добрая наседка одним глазом зерно видит, другим – коршуна. За кровь свою и курица – лютый зверь. И свинья – мать, за свое детище на рожон лезет*), которая в то же время может быть и другом (*Нет друга лучше, чем родная матушка*). Несмотря на то, что во всех трех рассматриваемых нами лингвокультурах дети являются счастьем и радостью для своих родителей, основной ценностью для семьи, в русской лингвокультуре они также могут приносить проблемы (*Маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие бедки.*)

Таким образом, проведенный лингвокультурологический анализ показал, что, хотя концепт «семья» и является одним из базовых концептов для любого сообщества, он имеет существенные отличия в рассматриваемых языках, что свидетельствует о влиянии национальной специфики, определяемой историческими, географическими, социокультурными особенностями рассматриваемых социумов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. М., 1997.
2. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин. // Концепты. 1997. Вып. № 1. С. 22–26.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. М., 2001.
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М., 2001.
5. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов / Л.Ф Шитова, Т.Л. Брускина. СПб., 2005.
6. Китайско-русский словарь идиом: более 6000 словосочетаний / С.Ю. Сизов. М., 2005.
7. Пословицы и поговорки // Режим доступа: <http://pogovorki.net/cat13/p15html>
8. 彩图小学生常用成语故事 (上), 上海人民美术出版社, 1995.
9. 中国俗语大全 // Режим доступа: <http://www.jysls.com/thread-188378-1-1.html>.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В РОССИИ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)

Настоящая статья содержит анализ современных дидактических подходов на начальном этапе подготовки переводчиков в отечественной и зарубежной системах высшего образования.

The present article contains the analysis of the didactic approaches at the initial period of the translators training in the Russian and foreign systems of higher education.

Разработка отечественной дидактики перевода и теоретическое обоснование подготовки квалифицированных переводчиков началась во второй половине XX века. Столь поздний период исследования проблем, связанных с преподаванием перевода, объясняется тем, что «в Советском Союзе существовало очень мало переводческих факультетов. Внимание в них было акцентировано преимущественно на переводческой специализации. На тот момент создавалась и была методически оформлена модель подготовки специалистов письменного и устного перевода. За базовую основу методологии бралась лингвистическая теория перевода и всевозможные теории речевой деятельности» [Аспекты методологии...].

Реалии нового времени потребовали переориентации системы подготовки переводческих кадров в соответствии с запросами рынка и потребностями бизнеса. «Основная цель профессионального образования – подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к профессиональному постоянному росту, социальной и профессиональной мобильности» [Концепция модернизации..., 2002].

Совершенствование системы подготовки переводчиков – одна из наиболее актуальных проблем сегодняшнего дня. Ее решение связано с учетом опыта, накопленного в России и за рубежом: научно и практически оправданное сочетание традиции и инновации должно обеспечить новый качественный уровень подготовки профессионалов-переводчиков.

⁴⁰ Научный руководитель – к. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

В данной статье представлен анализ особенностей подготовки переводчиков в отечественной и зарубежной системах высшего образования на начальном этапе. Мы остановимся на следующих аспектах: поступление в вуз, содержание обучения и личная включенность студентов в образовательный процесс.

Определение целей начального этапа обучения в решающей степени зависит от эффективности системы приема абитуриентов на переводческие отделения. В последнее время прием ведется по результатам единого государственного экзамена, хотя некоторые вузы сохраняют за собой право на дополнительные испытания. Разумеется, иностранный язык является профильным экзаменом, но форма испытания может быть разной: одни вузы отдают предпочтение тестам по иностранному и русскому языкам, другие проводят собеседование по иностранному языку и отечественной (иногда зарубежной) литературе. Несмотря на то что конкурс на языковые специальности традиционно высокий, уровень развития коммуникативной компетенции (как родного, так и иностранного языков) первокурсников по разным причинам оставляет желать лучшего.

В зарубежных вузах «правила приема на переводческие отделения подразумевают хорошее знание двух иностранных языков до поступления на учебу» [Миньяр-Белоручев, 1999. С. 26]. Большинство европейских переводческих школ принимают слушателей «уже имеющих базовое лингвистическое образование» [Поршнева, 2007. С. 120] и осуществляют профессиональный отбор абитуриентов не только по степени владения иностранным языком, но и на основании выявления базовых подструктур профессионально важных качеств (ПВК) и анти-ПВК [Прозорова, 2005]. В российских вузах тестирование абитуриентов на профпригодность широко не практикуется.

Сложность начального этапа обучения будущих переводчиков в нашей стране связана не только с несовершенством системы поступления вчерашних школьников на переводческие факультеты. Ситуацию усугубляет несоответствие представлений о профессии переводчика в обыденном сознании абитуриентов и нормативно заданных современных требований к переводчику-профессионалу. Этот факт нередко упоминается исследователями. «Средний человек достаточно образован для того, чтобы в общих чертах понимать, что такое перевод, и в то же время настолько невежествен, что не осознает своей очевидной неподготовленности к переводческой деятельности» [Мирам, 1999. С. 6]. «Сложившиеся к моменту поступления в вуз межкультурные и коммуникативные представления (знания) студентов основаны на житейских суждениях, само знание о межкультурном посредничестве фрагментарно и теоретически не обобщено» [Иеронова, 2008].

Мы провели опрос первокурсников переводческого отделения СФУ (2009 г.), который позволил выявить следующие основные причины выбора профессии переводчика: интерес к языкам (странам / культурам), желание общаться и путешествовать, перспективность и престиж профессии. Практически все студенты не понимают сути переводческой профессии, романтизи-

руют эту сферу деятельности, не осознают сложности, трудоемкости и многоаспектности труда переводчика. Как результат, несоответствие ожиданий абитуриентов и реалий современного рынка труда становятся причиной демотивации студентов уже на первом курсе вуза.

За рубежом практика подготовки переводчиков свидетельствует об аналогичных тенденциях. По мнению ученых, «европейские и американские авторы отмечают непонимание сути переводчика со стороны многих заказчиков, восприятие переводчика как неизбежного зла, низкую оплату и неудовлетворительные условия труда, отсутствие социальной защиты» [Алексеева, 2004. С. 26–27].

Следовательно, особое значение в контексте модернизации начального этапа подготовки будущих переводчиков приобретает довузовский профориентационный этап – этап введения в будущую профессию. Здесь стоит продумать гармоничную систему взаимодействия школы и вуза.

Различия в требованиях к уровню подготовки поступающих в российские и зарубежные вузы не только отражаются на системе приема абитуриентов, но и обуславливают содержание обучения на начальном этапе.

Особенности содержания программ подготовки переводчиков в России по сравнению с зарубежной традицией проявляются в следующих трех аспектах:

1. Установка на гуманитаризацию. В западной системе профильного обучения отсутствуют так называемые «фоновые дисциплины», способствующие развитию эрудиции и расширению кругозора, а также дисциплины естественнонаучного блока [Иеронова, 2005].

2. Широкопрофильность подготовки. «Учебные программы западных переводческих школ предполагают подготовку по двум разным специальностям: письменный переводчик и устный переводчик <...> Российские же вузы выпускают универсального лингвиста-переводчика» [Иеронова, Прозорова].

3. Отсроченность начала изучения блока дисциплин профессиональной подготовки. «Изначально на всех переводческих факультетах мы обучаем студентов языкам, а начиная с третьего курса – профессиональному переводу» [Поршнева, 2007. С. 120].

Эти три особенности интенсивно дискутируются как в академических, так и профессиональных кругах. Желание сохранить фундаментальные основы российского образования вступает в противоречие с рациональностью прагматического подхода зарубежных коллег. Возникает необходимость интеграции содержательных аспектов двух систем подготовки переводчиков: российской и европейской. Особенно ощутима эта потребность в последнее время в связи со вступлением России в Болонский процесс. Стремление к согласованности учебных программ и систем оценивания способствует сотрудничеству и обмену опытом переводческих школ разных стран, участию в совместных проектах, в организации долгосрочных обменов.

В результате неизбежность внесения коренных изменений во все составляющие образовательного процесса стала очевидной. Доказательством этому служат шаги, намеченные в ходе выступлений и дискуссий участниками конференции в МГЛУ, большая часть которых относится к содержанию образования:

ввести металингвистическую составляющую во все программы обучения переводу;

пересмотреть программу подготовки переводчиков по русскому (родному) языку с целью добиться формирования у специалистов-переводчиков профессионального владения родным языком через увеличение учебных часов в программе и введение в нее таких дисциплин, как редактирование и риторика;

уточнить учебные программы для переводчиков по таким аспектам, как языкознание, философия, логика и правописание с учетом требований инновационных образовательных программ и реалий современного рынка труда [Металингвистическая составляющая..., 2008].

Примером практической реализации инновационного подхода на начальном этапе обучения является опыт НГЛУ им. Добролюбова. Основой этапа базовой лингвистической подготовки (БЛП) является профессионализация преподавания практических языковых дисциплин (родной язык, латинский язык, иностранный язык) на младших курсах вуза, что дает возможность интенсифицировать темп развития языковой личности переводчика. Неотъемлемой частью дидактической междисциплинарной системы БЛП являются курсы «Стилистика русского языка и культура речи для переводчиков» и «Психология профессиональной переводческой деятельности». Максимальная ориентация на профессию с первых дней учебы в вузе решает проблему демотивации обучаемых, что, в свою очередь, становится одним из условий достижения высокого уровня переводческой компетенции в будущем.

Другим условием успешности является личная включенность студентов в образовательный процесс. Свобода в принятии решений относительно собственной образовательной траектории позволяет реализовать новые ценности образования: самообразование, индивидуальное развитие, авторское проектирование внутреннего Я.

К сожалению, исследователи отмечают общую низкую степень самостоятельности российских студентов, их пассивное отношение к процессу обучения. В зарубежных учебных заведениях «учащиеся высших учебных заведений предоставлены сами себе, хотя в их распоряжении и имеются хорошо оборудованные кабинеты устного перевода, необходимые словари, фоно- и видеозаписи. Конечно, они могут посещать лекции того или иного профессора, ходить на консультации, получать полезные советы для самостоятельных упражнений, но никто не «навязет» им выстраданную многолетней практикой систему упражнений для формирования навыков и умений перевода, никто не организует повседневный контроль». [Миньяр-Белоручев, 1999. С. 28]. «Большая мобильность европейской молодежи, возможность ос-

ваивать язык в стране изучаемого языка облегчает задачу преподавателей иностранных языков, но в то же время требует от них разработки индивидуализированных специальных рекомендаций, помогающих студентам вырабатывать свою стратегию овладения языками в соответствии с профессиональными требованиями» [Поршнева, 2004. С. 4].

Из сказанного следует, что необходимо максимально развивать личностную автономию студентов, их стремление к самореализации в профессии. При личностно ориентированном обучении способность к самостоятельной работе рассматривается как наиболее важный элемент подготовки будущих специалистов. «Каждый студент должен иметь план собственной самореализации, а система – обеспечить ему мотивацию к самообразованию, к совершенствованию профессиональной подготовки, обеспечить самостоятельность добычи знаний, научить студента умению учиться, довести до его сознания, что любое образование – это прежде всего самообразование, а оно означает самостоятельность мышления и решения учебных задач» [Иванова, 2004]. Подтверждение сказанному мы находим в Концепции преподавания иностранных языков Высшей школы экономики Государственного университета, где обозначены две цели обучения иностранным языкам. Наряду с общепринятой целью – развитием иноязычной компетенции, отдельно выделяется «развитие у студентов умения самостоятельно приобретать знания и навыки для осуществления бытовой и профессиональной коммуникации на иностранном языке» [Концепция преподавания..., 2005]. Здесь нужно обратить внимание на необратимые изменения всех компонентов образовательной системы, от целеполагания до адекватных способов измерения качества результата. «Следует учесть, что эффективной может быть только оперативно контролируемая самостоятельная работа, поэтому необходимо разработать систему и критерии контроля, предусмотреть необходимое время для контроля и обратной связи. Промежуточная и итоговая оценки должны включать оценку самостоятельной работы студентов» [Там же].

Суммируя вышесказанное, мы приходим к выводу о необходимости преобразований в российской системе подготовки переводчиков. При этом качественно нового уровня обучения можно добиться только с учетом своеобразия и достижений отечественного образования. Изменение стратегий подготовки абитуриентов к поступлению на переводческий факультет, включение студентов в процесс развития собственной автономии, совершенствование целеполагания, профессионализация содержания образования и адекватный подбор методов оценивания являются ключевыми направлениями в реформировании начальной стадии обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. СПб., 2004.

2. Аспекты методологии подготовки профессиональных переводчиков // Бюро переводов Лингвоплюс. Режим доступа: http://www.lingvo-plus.ru/podgotovka_perevodchikov.
3. Иванова Ю.В. Обучение переводу художественных произведений как виду межкультурной речевой деятельности. Методические рекомендации для преподавателей теории и практики перевода / Под общ. ред. д. п. н., проф. И. А. Цатуровой. Таганрог, 2004.
4. Иеронова И.Ю. Модернизация профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков / И.Ю. Иеронова // Альма-матер. 2005. № 3. С. 58–60.
5. Иеронова И.Ю. Формирование профессионально-посреднической культуры будущего переводчика в культуросообразной среде университета: Автореф. дисс. ... докт. пед. наук / И.Ю. Иеронова. Калининград, 2008.
6. Иеронова И.Ю. К проблеме формирования ПВК переводчика в вузе / И.Ю. Иеронова, М. И. Прозорова // Лингвомастер. www.lingvomaster.ru/files/345.pdf.
7. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // Сайт президента России. <http://www.kremlin.ru/text/docs/2002/04/57884.shtml>.
8. Концепция преподавания иностранных языков в Государственном университете.– Высшей школе экономики // Сайт Высшей школы экономики Государственного университета. Режим доступа: http://www.hse.ru/org/hse/documents/f_lang.
9. Металингвистическая составляющая инновационных образовательных программ подготовки переводчиков (VI Международная научно-практическая конференция в рамках инновационной образовательной программы МГЛУ «Лингвапарк») // Сайт МГЛУ. Режим доступа: <http://www.linguanet.ru/science/conferences/PEREVOD8-10-12008/PEREVI TOGY-8-10-12-2008.pdf>.
10. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Отв. ред. М.Я. Блох. М., 1999.
11. Мирам Г.Э. Профессия: переводчик / Г.Э. Мирам. К., 1999.
12. Поршнева Е.Р. Языковая подготовка переводчиков: младший этап / Е.Р. Поршнева // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт / Под общ. ред. В.В. Сдобникова. Н. Новгород, 2007. С. 120–155.
13. Поршнева Е.Р. Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика: Автореф. дис. ... докт. пед. наук / Е.Р. Поршнева. Н. Новгород, 2004.
14. Прозорова М.И. Формирование профессионально важных качеств переводчика у студентов-лингвистов в процессе обучения в вузе: Дис. ... канд. пед. наук / М.И. Прозорова. Челябинск, 2005.

ТРАДИЦИИ КИТАЙСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРЕВОДЫ

Данная статья посвящена исследованию произведений китайской литературы, принадлежащих к сатирико-юмористическому жанру. Показан путь развития данного жанра на примере произведений трех известных китайских авторов.

The article is devoted to the study of the Chinese literature works which belong to the satire-humorous genre. Using the examples of works by three famous Chinese writers the way of satire-humorous genre formation is shown.

Сатира — проявление комического в искусстве, особая форма художественного отображения действительности, представляющая собой поэтическое уничижительное обличение и высмеивание отрицательных, внутренне превратных явлений жизни при помощи различных комических средств: сарказма, иронии, гиперболы, гротеска, аллегии, пародии и др. [Полонский, электронный ресурс]. Сатирическими могут быть и целое произведение, и отдельные образы, ситуации или эпизоды.

В Китае на создание сатирических произведений современными писателями повлияли два очень известных произведения, написанные во времена династии Цин. Это новеллы «Ляо Чжай» (Рассказы о необычайном, 聊斋) и роман «Жу Линь Вай Ши» (Неофициальная история конфуцианцев, 儒林外史).

«Ляо Чжай» (Полное название «Ляо чжай Чжи-и») состоит из 491 новеллы, автором является Пу Сунлин (1640 – 1715), который получил классическое образование и принадлежал к бюрократическому сословию чиновников. Пу Синлин использует фантастику народных сказок. Лисицы-оборотни, бесы, волшебники, странные случаи — основные мотивы «Ляо Чжая», и недаром первоначально книга называлась иначе: «Гуй-ху чжуань» (鬼狐传), то есть истории о бесах и лисицах [Пу Сунлин, 1957. С. 7].

Новеллы «Ляо Чжая» неоднократно переводились на иностранные языки. В России академик В.М. Алексеев переводил «Ляо Чжай» в течение ряда лет. В четырех сборниках его переводов были почти все рассказы из «Ляо Чжая» — «Лисьи чары» (狐魅集), вышедший в 1922 году и включающий 29

⁴¹ Научный руководитель — канд. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

новелл о мистических лисицах; «Монахи-волшебники» (神僧集), вышедший в 1923 году и включающий 43 новеллы о буддийских монахах и даосских священниках; «Странные истории» (奇异故事集), вышедший в 1928 году и включающий 22 новеллы о странных историях; и «Рассказы о людях необычайных» (异人集), вышедший в 1937 году и включающий 62 новеллы о необычайных людях из «Ляо Чжая». Затем в 1973 году Л.З. Эйдлин выбрал 90 новелл, переведенных В. Алексеевым, и издал сборник «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» [李绪兰, 岳巍, 2008. С. 28–29].

За высокохудожественные переводы В.М. Алексеев получил много положительных комментариев от литераторов и европейских Китаистов, таких как Е. Gaspardone из Франции, E. Von Zach из Германии [李绪兰, 岳巍, 2008. С. 31]. Благодаря переводам В. Алексеева этот китайский шедевр позже был распространен в Эстонии, Таджикистане, Киргизии и Украине, что позволило привлечь больше иностранных читателей.

Элементы сатиры, умышленно гротескного изображения людей и событий можно найти в романе «Речные заводи» (水浒传), их можно увидеть в бытовом романе «Цзинь Пин Мэй» (金瓶梅) и в новеллах «Ляо Чжай» (XVII век). Однако в этих произведениях можно говорить лишь об отдельных элементах сатиры, об отдельных сатирических персонажах или о гиперболическом изображении отдельных сторон жизни [У Цзинцзы, 1999. С. 11]. А в романе У Цзинцзы (1701–1754) сатира явилась главным содержательным элементом.

Характерной чертой романа У Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев» является его художественный язык. Роман написан живо и ярко. Одним из важных форм, к которым прибегает писатель, является диалог персонажей. У Цзинцзы широко использует различные языковые средства для обогащения речевых характеристик героев. В их уста он вкладывает и древний книжный язык (вэньянь), и образные разговорные варианты китайского языка, пословицы и поговорки.

Объектом изображения У Цзинцзы взял широкую группу людей, называющих себя конфуцианцами. Идея писателя о несовместимости положительных качеств человека с богатством и знатностью – одна из основных в романе. У Цзинцзы заострил внимание на недостатках общества. Однако, критикуя теневые стороны жизни, он попытался показать людей, способных видеть жизнь иначе. Он взял в качестве исторического фона династию Мин, однако в действительности он изображал эпоху, в которую жил. Роман был издан лишь через пятьдесят лет после смерти писателя, а до этого он распространялся в рукописном виде ценителями творчества писателя.

Обратимся к XX веку. Значительный вклад в развитие традиции сатирических произведений внес писатель, публицист и литературовед Лу Синь (1881–1936). Именно он открыл новую эпоху современной китайской литературы и стал ее родоначальником.

В 1918 году Лу Синь опубликовал первое произведение ново-китайской литературы — небольшой рассказ на современном литературном китайском языке (байхуа) «Дневник сумасшедшего» (狂人日记). Данный рассказ является своеобразным повторением, вариантом «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя. Рассказ содержит критику устаревших и диких китайских традиций и феодального строя. Повесть «Подлинная история А-Кью» (阿Q正傳), была издана в период с 1921 по 1922 годы. Ее герой, деревенский поденщик, подвергается издевательствам со стороны односельчан и в конце концов погибает на плахе по необоснованному обвинению в грабеже. В этой повести и некоторых рассказах отразилось не апологетическое, а критическое отношение автора к народу. Позже рассказ станет самым знаменитым его произведением. Оба этих рассказа позже будут включены в сборник «Клич» (呐喊), опубликованный в 1923 [Bao Yigang, 2003. С. 63].

Сатирико-героические сказки Лу Синь составили сборник «Старые легенды по-новому» (1936), основное содержание которого — критика уродливых сторон действительности. Например, в «Покорении стихии» писатель переработал китайский миф о потопе, высмеяв интеллигентов, которые дрожат за свое благополучие и не думают о народе. Мифический герой Юй, по преданию спасший Китай от потопа, становится у Лу Синя олицетворением труда, демократии, равенства.

Лу Синь много сделал для пропаганды литературной эстетики, для популяризации прогрессивной мировой и особенно русской и советской литературы в Китае. Он переводил сочинения Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, М. Горького, А.А. Фадеева и других российских авторов. Лу Синь писал о том, что «...непрерывные связи с Советским Союзом положили начало широким литературным связям Китая со всем миром» [Лу Синь, 1955. С. 102]. В статье «Революционная пролетарская литература в Китае и кровь ее авангарда» (1931) он защищает прогрессивных китайских писателей, борется с феодально-буржуазной культурой и лжереволюционными литераторами. Его «Краткая история китайской повествовательной прозы» (1923) — первый обобщающий труд о наиболее демократическом направлении национальной литературы.

Труды Лу Синя переведены на многие языки мира. На русском языке выпущено 4-томное собрание его сочинений (1954–1956) и более ста отдельных изданий его произведений.

Если до середины 20-х годов XX века эпоха сатирико-юмористического романа в Китае принадлежала Лу Синю, то после середины 20-х годов обозначилось другое яркое явление в современном сатирико-юмористическом романе в Китае, созданное Лао Шэ. После «литературной революции», произошедшей в связи с событиями «движения 4 мая» 1919, в 1926 году великий китайский писатель XX века Лао Шэ (1899–1966) публикует в литературном журнале «Сяошо юэбао» («Ежемесячник прозы») свой первый роман «Философия почтенного Чжана» (老张的哲学). Чжан — быв-

ший офицер, занимается торговлей и по совместительству он директор школы. Он передает свою философию своим ученикам. Пытается донести до них, что любые средства хороши, если в итоге ты станешь богатым и будешь получать удовольствие от жизни. Автор использует насмешку, сатиру, изображает отрицательных персонажей. В романе высказывается отношение Лао Шэ к обману, который он не терпит. Автор с уважением относится к положительным героям, которые отстаивают принципы уважения к Родине, уважение к старшим [Малявин, 2001. С. 90]. В марте 1927 года в том же журнале печатается следующий роман «Мудрец сказал» (赵子曰), в котором описывается жизнь студента. В мае 1929 года – роман «Двое Ма» (二马).

В 1933 году одновременно два издательства публикуют два его романа: «Развод» (离婚) и «Записки о кошачьем городе» (猫城记) — острую сатиру на режим Чан Кайши. В 1936 году (журнальная публикация) — повесть «Рикша» (骆驼祥子). Она рассказывала о простом крестьянине, который перебрался в Пекин. Чтобы заработать хоть что-то на пропитание, он взял в аренду коляску, стал работать рикшей. В конце повести изможденный и больной герой погибает на заснеженной пекинской улице. Лао Шэ очень ярко изобразил трагедию простых людей в полуколониальном, полуфеодальном Китае того времени.

Он также пишет различные юморески. Основной чертой юморесок было высмеивание недостатков национального характера китайцев через главного героя. Например, юмореска «Хмельные речи под Новый год» (新年醉话) рассказывает о том, что каждый мужчина должен напиться под Новый год, а напившись, сразу уйти спать, чтобы не обидеть жену словом.

Лао Шэ трагически погиб в октябре 1966 года, но его имя не забыто ни в Китае, ни далеко за его пределами. В Советском Союзе, а теперь и в современной России, Лао Шэ является одним из самых издаваемых китайских авторов. Общество дружбы Россия-Китай часто организует просмотр кинофильмов, поставленных по произведениям Лао Шэ. Российские ученые продолжают изучать творческое наследие и биографию Лао Шэ. Любители творчества Лао Шэ не только в Москве и Петербурге, но и во многих других городах России часто обращаются к его книгам, чтобы лучше понять жизнь, традиции и обычаи китайского народа, Лао Шэ – по-прежнему один из самых популярных китайских писателей в России.

Роман Цянь Чжуншу (1910–1998) «Осажденная крепость» (围城) встал в один ряд с другими произведениями китайской литературы, в которых действие происходит во время антияпонской войны. В течение 1946 – 1947 годов он печатался в литературно-художественном журнале «Вэньи фусин» («Литературное возрождение»), а затем вышел отдельным изданием. Роман «Осажденная крепость» отражает дух социальной критики и гуманистические устремления китайской интеллигенции в конце тридцатых годов XX века. Это повествование о бездуховной жизни китайского «образованного» об-

щества того времени, о неуверенности его в завтрашнем дне, о скудности, мелочности, неустойчивости самого существования этого слоя людей.

Роман Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» (围城), с одной стороны, связан с совершенно реальной ситуацией, сложившейся в Шанхае (своего рода «осажденной крепости») в 30-х – 40-х годах, в период оккупации города японцами. С другой стороны, в переносном (несколько ироническом) значении, «осажденная крепость» – это и дискомфортное состояние «супружества», в котором на некоторое время оказывается главный герой Фан Хунцзян (Цянь Чжуншу приводит в тексте соответствующее французское изречение). Но главное, символическое значение связано с критическим подтекстом романа, в котором иронически изображается самоизолировавшийся и отгородившийся от внешнего мира «средний слой китайской чиновничье-профессорской интеллигенции», состоящий из «малоинтеллигентных и склонных к интригам чинуш, карьеристов и полужнаек, готовых заниматься чем угодно... и доживающих свой век, но не приспособленных к жизни представителей старого-старого мира». И среди них – главный герой, «вошедший в крепость, из которой ему никогда не выйти» [Богачко, 2001. С. 52].

С 60-х годов XX века роман «Осажденная крепость» переводили на разные языки мира: Jeanne Kelly совместно с Мао Гоцюанем осуществили английский перевод с названием «Fortress Besieged»; затем Sylvie Servan Schreiber перевел роман на французский язык с названием «La Forteresse assiégée»; японский перевод – Ken Arai (荒井健 中岛长文) с названием

《结婚狂诗曲》; немецкий перевод – Monika Motsch с названием «Die umzingelte Festung». В 1980 году роман вышел в России, перевод выполнен В.Ф. Сорокиным. Произведение написано с юмором, название романа заимствовано из французского изречения: «Le mariage est comme une forteresse assiégée: ceux qui sont à l'extérieur souhaitent y rentrer, et ceux qui sont à l'intérieur souhaitent en sortir» («Брак подобен осажденной крепости: кто снаружи – хочет вступить, кто внутри – стремится выйти») [Цянь Чжуншу, 1989. С. 5].

В целом, если современная эпоха сатирико-юмористического жанра в Китае создавалась Лу Синем, то в этой эстафете Лао Шэ на основе деятельности Лу Синя дал дальнейшее развитие этому жанру. Цянь Чжуншу далее усовершенствовал данный жанр и осуществил глубокое и внимательное рассмотрение литературных сюжетов, а также моральную критику интеллигенции. Таким же образом Цянь Чжуншу показал вечную трудную психологическую проблему взаимоотношения людей. Непрерывное развитие сатирического жанра прошло через периоды эволюции и реконструкции и представляет три основных этапа современной китайской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богачко П.В. Художественное своеобразие прозы Цзя Пинва (от повестей к роману «Тленный град»): Магистерская работа / П.В. Богачко. М., 2001.
2. Лу Синь. Приветствую литературные связи Китая и России: Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Лу Синь / Перевод с китайского Л.Д. Позднеевой. М., 1955.
3. Малявин В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. М., 2001.
4. Пу Сунлин. Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных / Пу Сунлин / Перевод с китайского и комментарий В.М. Алексеева. М., 1957.
5. У Цзинцзы. Неофициальная история конфуцианцев / У Цзинцзы. Пер. с китайского Д. Воскресенского. М., 1999.
6. Цянь Чжуншу. Осажденная крепость / Цянь Чжуншу. Пер. с китайского В.Ф. Сорокина; Вступ. статья В.Ф. Сорокина. М., 1989.
7. Полонский В. // Электронная энциклопедия «Кругосвет». Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SATIRA.html/.
8. Bao Yigang. Three Outstanding Representatives of Ironic Humorous Novels in Chinese History / Bao Yigang // Journal of Liaoning Technical University (Social Science Edition). Shenyang, 2003. Vol.5. N.4. P.67–68.
9. 李绪兰, 岳巍。《聊斋志异》在俄罗斯的翻译和阿氏译本的影响 — 蒲松龄研究 — 2008 — 第3期 — 26–33 页。

Е.В. Чистова⁴²

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНИКА ПО ПЕРЕВОДУ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье предлагается теоретическое обоснование идеи создания электронного учебника по переводу в сфере профессиональной коммуникации. Рассматриваются задачи и структура учебника, приводятся примеры заданий и упражнений, аргументированные соответствующими переводческими компетенциями.

The article contains the theoretical basis of the e-textbook in the sphere of professional communication. The study of the e-book tasks, structure and the examples of exercises corresponding to the particular translation competences are given.

Одним из интереснейших направлений в совершенствовании методов преподавания, позволяющих оптимизировать процесс обучения, несомненно,

⁴² Научный руководитель — канд. филол. н., проф. В.А. Разумовская.

является использование достижений в области электронной лингводидактики, развитие которой в последние годы носит стремительный характер.

Для усовершенствования учебного процесса многие преподаватели уже успешно применяют электронные и сетевые учебники по дисциплинам в разных областях науки и сферах деятельности.

В связи с этим в качестве примера мы предлагаем рассмотреть проект электронного учебника по переводу в сфере профессиональной коммуникации «Переводчик.ru», разрабатываемого автором данной статьи.

Идея создания такого пособия базируется на принципе комплементарности. В данном случае речь идет об успешной взаимодополняемости компьютерной лингводидактики и традиционного обучения теории и практике перевода, что существенно интенсифицирует креативный потенциал субъектов образовательного процесса, вне зависимости от участия профессиональных программистов.

Неоспоримым является тот факт, что в случае перевода информативных и научно-технических текстов, обильно наполненных терминологией, успешно используются системы машинного перевода и средства автоматизированного перевода. На сегодняшний день существуют различные образовательные курсы для переводчиков, такие как «Автоматизированный перевод документов», «Компьютерные средства перевода», «Локализация веб-сайтов» и другие. Подобные программы подразумевают наличие базовых знаний по общей теории перевода и обучают целенаправленно только работе с автоматизированными средствами перевода. К сожалению, данные курсы пока существуют не во всех городах и не во всех вузах, поэтому, на наш взгляд, решением проблемы явилась бы разработка электронного учебника открытого доступа с привлечением сетевых и программных средств автоматизированного перевода. Таким образом, идея создания пособия также базируется на принципе интегративности, объединяющем курсы общей теории перевода, теории перевода научно-технических текстов и теории автоматизированного перевода.

Цель данного учебника – подготовить конкурентоспособных специалистов, владеющих самыми современными навыками и знаниями в области перевода отраслевой литературы и ориентирующихся в многообразии новейших инструментов для эффективного выполнения поставленных переводческих задач.

Задачи электронного учебника по переводу:

1) обучить методике предпереводческих алгоритмов анализа письменного текста, способствующих точному восприятию исходного высказывания, прогнозированию вероятного когнитивного диссонанса и несоответствий в процессе перевода, а также способов их преодоления;

2) обучить методике подготовки к выполнению письменного перевода научно-технического текста, включая ориентированный поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях;

3) обучить навыкам работы с автоматизированными средствами перевода (SDL Trados 2007 и др.);

4) ознакомить с менеджментом переводческих проектов.

Программа данного учебника делится на несколько модулей. Каждый модуль ориентирован на формирование тех или иных переводческих компетенций и на перевод текстов различной тематики.

Виды заданий с использованием различных компьютерных программ и ресурсов Интернета.

Виды заданий	Электронные и сетевые ресурсы	Переводческие компетенции
Ввод любого on-line текста в качестве учебного.	http://www.yandex.ru/ http://www.rambler.ru/ http://www.google.ru/ http://www.baidu.com/ http://cn.yahoo.com/	Владение навыками организации подготовительного и основного этапов переводческой деятельности. Умение определять принадлежность текста к функциональному стилю.
Перевод любого иностранного on-line текста на русский язык. Получение информации о сочетаемости слов. Использование синонимов и синонимичных конструкций.	1) Электронные словари: Викисловарь, Multitrans, ForceMem, Lingua и др. 2) Системы машинного перевода http://www.translate.ru/ http://www.translater.ru/ http://www.google.ru/	Владение методикой использования электронных словарей. Владение методами и методиками поиска, анализа и обработки данных. Владение навыками выделения видов контекстов и правилами сочетаемости. Умение структурировать знания из различных областей профессиональной деятельности.
Получение информации о любом слове (прецизионном слове или о лингвокультурониме), присутствующем в тексте.	http://www.yandex.ru/ http://www.rambler.ru/ http://www.google.ru/ http://www.baidu.com/ http://cn.yahoo.com/	Владение навыками лингвопереводческого анализа текста и создания фонового и лингвопереводческого комментария к тексту.
Работа с терминологией	Терминологические базы данных, хранимые на компакт-дисках или подключаемые по Интернету, например The Open Terminology Forum или TERMIUM, MultiTerm, SDL Trados	Владение навыками использования прикладных технических средств обеспечения переводческой деятельности. Владение навыками анализа структурной и смысловой архитектоники текста в целом и на уровне его микроструктур.

	– поиск с помощью функции Concordance.	
Работа с символами примитивами и графическими изображениями	SDL Trados – функция автоматической подстановки при локализации (placeable-элементы - представляют собой неперево-димые элементы, встречающиеся в пере-водимых текстовых сегментах (рисунки, числа, даты, единицы измерения) [SDL Trados, 2010. С. 18]. В Translator's Workbench предусмотрены средст-ва автоматической адаптации этих элемен-тов к целевому языку.	Умение правильно оформлять текст перевода в компьютерном текстовом редакторе. Способ-ность к профессиональной адаптации в новых производст-венных условиях.
Контроль за корректностью графического воспроизведе-ния иностран-ного слова (контроль за орфографией).	1) Орфо корректоры (или спеллчекеры): MS Word, ispell, aspell, myspell и др. 2) SDL Trados TagEditor	Умение правильно оформлять текст перевода в компьютерном текстовом редакторе. Умение осуществлять послепереводче-ское редактирование. Умение осуществлять контрольное ре-дактирование текстов перевода.
Грамматиче-ский, морфоло-гический и синтаксический контроль в конструкциях, продуцируе-мых учащимся.	2) SDL Trados TagEditor	Владение стандартными мето-диками обработки и оформле-ния результатов перевода. Вла-дение навыками идентификации и формулировки грамматиче-ского значения категориальных форм и других грамматических средств. Умение идентифици-ровать виды синтаксической связи, типы предложений.
Лексические и грамматиче-ские тренинги	Виз. редактор Hot Pot 6.0 http://web.uvic.ca/hrd/hotpot/ 10 типов интерактив-ных упражнений на различных языках	Владение методиками тренинга переводчика и осознанное их применение для совершенство-вания своей профессиональной деятельности. Умение выбирать и адекватно употреблять лекси-ческие единицы в зависимости

	(включая китайский): викторины/тесты (4 варианта), установление соответствий (3 варианта), заполнение пропусков, кроссворд, восстановление последовательности. Возможность включения текстов для чтения, использования средств мультимедиа и ссылок на ресурсы Интернета, распечатки упражнений [Бовтенко, 2009. с.4].	от типа текста/регистра. Умение употреблять устойчивые словосочетания, фразеологизмы, идиомы в целях адекватности перевода.
Интерактивный перевод	SDL Trados Translator's Workbench шаблон, обеспечивающий связь между Word и Translator's Workbench	Владение методикой оценки и расчета экономической эффективности переводческой деятельности на основе анализа социальной и экономической ситуации, в которой осуществляется перевод.
Опыт переводческих проектов	SDL Trados WinAlign - инструмент визуального объединения текстов, позволяющий создавать данные для последующего занесения в память переводов из имеющихся переведенных документов. Имеющиеся документы на исходном языке объединяются с переведенными эквивалентами, и затем результаты объединения импортируются в Translator's Workbench для использования в последующих переводческих проектах. [SDL Trados, 2010. С. 45].	Владение навыками профессиональной и корпоративной этики, навыками организации групповой и коллективной деятельности для достижения общих целей трудового коллектива.
Презентация собственного	Power Point	Владение стандартными методиками обработки и оформле-

продукта перевода и оценка качества других переводов.		ния результатов перевода. Умение осуществлять анализ, интерпретацию и оценку качества перевода.
---	--	---

Выполнение такого рода творческих заданий в рамках данного учебника позволяет преподавателю включить в практический курс перевода реальную деятельность – перевод онлайн-текстов актуальной тематики, повысить мотивацию студентов к изучению иностранного языка и обучению переводу, наполнить курс действительно интересным студентам содержанием.

Очевидно, что электронный учебник с применением средств автоматизированного перевода обладает рядом преимуществ перед традиционными печатными учебниками. Во-первых, это мощный банк данных, способный вместить в себя несколько традиционных учебников, словарей и справочников. Во-вторых, моментальный доступ к любой имеющейся в банке данных информации. В-третьих, комбинированное сочетание текста, графики (включая и динамичную форму – анимацию) и звука. В-четвертых, возможность адекватно оценивать ответы учащегося с помощью программных средств даже в условиях, когда допущены синонимические замены [Беляков, 1998. С. 5]. А также ряд других возможностей, среди которых особо отметим возможность использования электронного учебника как в режиме полной автономности, так и в сочетании с другими учебными пособиями. Более того, сетевые учебники могут предназначаться как для аудиторных занятий, так и для самостоятельной работы студентов в домашних условиях.

В заключение следует отметить, что мы можем в достаточно полном объеме оперировать понятиями комплексности и системности в преподавании перевода с помощью компьютера, поскольку открывается возможность создания электронных учебников, позволяющих вести обучение классической теории перевода в интерактивном режиме с активным использованием средств мультимедиа, а также инструментов автоматизированного перевода в учебных целях [Егоров, 1994. С. 39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. SDL Trados 2007. Учебное руководство // Подготовка рабочей среды и перевод с помощью SDL Trados 2007. Режим доступа: <http://www.englishhelp.ru/translator/books-for-translator/197-trados-manuals.html>.
2. Бовтенко М.А. Создаем компьютерные учебные материалы самостоятельно / М.А. Бовтенко // Информационные технологии в обучении языку, 2009. Режим доступа: [file://localhost/\(1\).html](file://localhost/(1).html).
3. Беляков М.В. Преподавание русского языка как иностранного и автоматизированные обучающие системы / М.В. Беляков, О.И. Максименко // Вестник ЦМО МГУ. 1998. №1. С. 3–15.
4. Егоров А.М. Применение компьютерных multimedia технологий в филологическом образовании: новые подходы – новые перспективы / А.М.

ПЕРЕВОД ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА В КОМПЬЮТЕРНОЙ СИСТЕМЕ LINGGESI: ТЕСТИРОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ (ОПЫТ АНАЛИЗА)

В статье описываются условия, результаты и выводы тестирования компьютерной системы Linggesi, ориентированной на перевод технического текста в сфере профессиональной коммуникации. Автор приводит примеры ошибок, выполняемые автоматическим переводчиком, и дает соответствующие рекомендации по улучшению качества перевода.

The article contains the conditions, results and conclusion of testing the computer system Linggesi which is aimed at translating the technical texts in the sphere of professional communication. The working process, the examples of CAT's mistakes corresponding to the tested texts and the recommendations for improving the quality of translation are given.

При переводе технических текстов в условиях ограничения временных рамок для ускорения процесса перевода иногда целесообразно использование автоматического или автоматизированного перевода [Глазунов, 2001. С. 4]. В связи с этим представляется актуальным исследовать тексты, переведенные таким образом. В качестве примера были протестированы и проанализированы продукты перевода текстов в компьютерной системе Linggesi.

Для исследования был взят текст научно-технического характера, а именно «Инструкция по применению термоусадочного пленочного упаковщика». Как правило, тексты научно-технического характера отличаются отсутствием различных стилистических оборотов, метафор и выражений, для перевода которых есть необходимость опираться на контекст [Грязнухина, Дарчук, 1990. С. 42]. Так как компьютерные системы зачастую не могут выделить все эти особенности текстов, то для исследования компьютерных систем, а именно определения степени эквивалентности перевода компьютерных систем с ручным переводным текстом, адекватнее всего в качестве исходного текста использовать текст научно-технического характера.

В результате тестирования были получены следующие выводы.

Система автоматического перевода Linggesi не всегда распознает контекстуальное значение терминов, например:

Исходный текст	Linggesi	Ручной перевод	Анализ
----------------	----------	----------------	--------

⁴³ Научный руководитель – ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Е.В. Чистова.

Скорость конвейера внезапно падает	输送速度突然下降	输送速度突然变慢	Неправильно выбрано значение слова «падает» в данном контексте
Уменьшить скорость толкателя	减少推速度。	调底推瓶速度	Неправильно подобрано значение слова «уменьшить» в данном контексте

Система автоматического перевода Linggesi в большинстве случаев не справляется с выбором точных соответствий терминов, например:

Исходный текст	Linggesi	Ручной перевод	Анализ
Термоустойчивый транспортер не работает	耐热输送带不能正常工作	高温运输带不工作	При переводе выбрано неподходящее значение слова
Контакты термопара либо электрические провода повреждены	联系热电偶或电线损坏	电热偶接触不良或断线	Неправильный перевод слова «термопара»
Шестигранный ключ	艾伦·键	内六角扳手	Неправильный перевод термина

Переведенный с помощью Linggesi текст не соответствует стилистическому оформлению научно-технического текста, например:

Исходный текст	Linggesi	Ручной перевод	Анализ
Большая скорость толкателя либо недостаточно гладкая поверхность на транспортере	在推或传送带上的足够光滑表面高速。	推瓶速度过快或推瓶通道平面不光滑	Смысл понятен, но с точки зрения стилистики неправильно, слова 高速 и 足够 являются избыточными

Грамматически неверно переведенное предложение искажает смысл исходного текста, например:

Исходный текст	Linggesi	Ручной перевод	Анализ
----------------	----------	----------------	--------

Подача пленки и ее обрезание. Эта операция используется при установке нового рулона пленки перед запуском автоматического режима	提交电影和它的切割。这个操作是在安装时使用自动模式下启动一个新电影的卷	是从压模·始到封切结束一个短循环操作，用于自动生产前上、下膜粘接用	Неправильный перевод слова «пленка», что искажает смысл текста
Отжать кнопку экстренной остановки	要争取紧急停止按钮	解除“急停”按钮	Грамматические ошибки, неправильно переведено слово «отжать», смысл не передан
Размер аппарата	大小的仪器	设备大小	Переведено дословно, неправильно, искажен смысл

Правильный перевод словосочетания «размер аппарата» – 设备大小. Компьютер дал перевод大小的仪器, что в переводе на русский означает «большие и маленькие аппараты». В данном случае перевод компьютера дословный, искажен смысл, то есть перевод неправильный.

В некоторых случаях грамматические ошибки не искажают смысл предложения, но требуют постредактирования, например:

Исходный текст	Linggesi	Ручной перевод	Анализ
При остановке машины цилиндр находится в позиции «0»	当您停止机筒是在位置“0”	▪ 次停车汽缸均在“0”位	Некорректный перевод слова «цилиндр», но смысл предложения передан
Нажать кнопку экстренного отключения в следующих случаях	按下按钮在下列情况下紧急截断	下列情况下应按“急停”按钮	Не совсем понятно, грамматические ошибки, но смысл передан правильно

Таким образом, анализ перевода текстов с помощью компьютерной системы Linggesi показал, что в большинстве случаев уровень эквивалентности перевода низкий, информация в переводном тексте искажается. Такого

рода переводы требуют либо предредактирования, либо постредактирования. Так или иначе, эти тексты нельзя демонстрировать в качестве конечного продукта перевода. В связи с этим необходимо усовершенствовать систему Linggesі, в частности лингвисты должны разрабатывать новую методологию и правила перевода грамматики с русского языка на китайский, а программисты в свою очередь должны внедрять эти разработки в компьютерные программы для улучшения качества перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой китайско-русский словарь / З.И. Баранова, В.Е. Гладцов, В.А. Жаворонков, Б.Г. Мудров. М., 1999.
2. Глазунов А.Г. Концептно-ориентированная модель памяти переводов / А.Г. Глазунов // Режим доступа: <http://www.citforum.ru/programming/digest/cotm.shtml>.
3. Грязнухина Т.А. Синтаксический анализ в системе автоматической обработки научных текстов / Т.А. Грязнухина, Н.П. Дарчук // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики: Тезисы докладов Всероссийской конференции (Тарту, 29-31 мая 1990 г.). Тарту, 1990. С. 41–42.

С.Б. Шарифуллин⁴⁴

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВИДЕОКЛИП КАК ВЕРБАЛЬНО-ИКОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

В статье рассматривается особая разновидность современных культурных текстов – музыкальные видеоклипы, обосновывается понятие «вербально-иконический текст» в контексте лингвокультурологии, предлагаются возможности описания подобных текстов.

In this paper we propose a special version of the modern cultural texts: the music videos. We define the «verbal-iconic text» term in a lingua-cultural context and offer some possibilities of description of these kind of texts.

Синтез естественного человеческого языка, его звуковой материи с другими знаковыми системами хотя и не является продуктом исключительно современной культуры, в нашей коммуникативной реальности представлен в весьма большой степени. Понимание того, что «глобальный мир, мир постсовременности, ориентируется на визуальный способ представления информации, привело к обоснованию необходимости выделения в рамках современной науки понятия визуальности» [Зенкова, 2004. С. 40]. Такому понима-

⁴⁴ Научный руководитель – д. филол. н., проф. О.В. Фельде.

нию и интересу к синкретичным визуальным текстам способствовало, по крайней мере, еще два фактора.

Во-первых, в психолингвистических исследованиях исходным уже ранее считалось положение о том, что информация, воспринимаемая по разным каналам – вербальный текст и изображение, – «интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления» [Жинкин, 1982].

Во-вторых, в лингвистике текста при коммуникативно-прагматическом подходе утверждается широкое понимание текста, что ведет к объединению вербальных и невербальных средств, образующих текст как единую коммуникативную единицу.

Для текстов, организованных комбинацией естественного языка с невербальными элементами других знаковых систем или упорядоченных множеств, еще не выработалось единое общепринятое терминологическое обозначение. В настоящее время обозначение *креолизованные тексты* употребляется большинством лингвистов (обзор работ до 2000 г. см. [Анисимова, 2003; Бернацкая, 2000]). Мы предпочитаем введенное еще Р.О. Якобсоном понятие «синкретические тексты» и будем говорить о *вербально-иконических текстах* как «особом лингвовизуальном феномене, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, смысловое, функциональное целое, обеспечивающее его комплексное воздействие на адресата» [Анисимова, 1996. С. 148].

Синкретические, вербально-иконические тексты в широком смысле слова могут рассматриваться как сложные семиотические образования, построенные на основе, с одной стороны, знаковой системы естественного (или искусственного) человеческого языка (включая устную, письменную, печатную формы ее реализации, каждая из которых будет характеризоваться своими специфическими чертами) и, с другой стороны, любой другой знаковой системы (не только собственно изобразительной – рисунков, фотографий и т.п., но и музыки, танцев и т. д.).

Синкретический вербально-иконический текст, по сути, является своеобразным дискурсом, но, так как термина «синкретический (или вербально-иконический) дискурс» пока нет, мы используем традиционный термин «текст», который понимается нами как выраженное в любой форме, упорядоченное знаковое целостное образование, заключающее в себе определенное содержание, соотносимое с одной из сфер функционирования языка, направленное на адресата. Данное определение учитывает основные семиотические, психологические, коммуникативно-прагматические, семантические особенности синкретического текста и выделяет в качестве его признаков выраженность, связность, цельность, информативность, воспроизводимость, ситуативность, интенциональность, интертекстуальность.

Особая разновидность синкретических вербально-иконических текстов современной культурной коммуникации – музыкальные видеоклипы. В родовидовом отношении они причисляются к более широкому классу текстов – кино и телевидения, однако отличаются от них рядом особенностей.

Научная литература по музыкальному видеоклипу (особенно по его семиотико-культурологическому и тем более лингвокультурологическому описанию) пока весьма мала. В небольшой заметке Н. Самутиной упоминается только одна работа такого плана, рассматривающая гендерную проблему на материале клипов: книга R. Roberts «Ladies First: Women in Music Videos» [Самутина, 2001]. Есть еще работа И. Кулика о клипах зарубежных музыкантов, но она является чисто искусствоведческой [Кулик, 2001]. Лингвистический анализ англоязычных видеоклипов представлен лишь фрагментарно в кандидатской диссертации Ю.Е. Плотницкого, посвященной песенному дискурсу в целом [Плотницкий, 2005]. Метафоре в «поликодовом тексте» (на материале видеоклипов) посвящена кандидатская диссертация Л.Б. Большаковой [Большакова, 2008]. В лингвистическом отношении исследовался также «видеовербальный текст» некоторых телевизионных передач, видеофильмов [Пойманова, 1997; Мишина, 2007; Иванова, 2000], однако по своему типу музыкальные видеоклипы отличаются от просто «видеовербальных» текстов, имея в виду синкретизм песни (самой по себе – уже синкретического, вербально-музыкального текста) и видеоряда.

Видеоклип в последнее время стал одной из постоянных составляющих современной медийной коммуникации. Как отмечает Е.Г. Яковлев, «появление видеоклипа в культуре современной цивилизации знаменовало собой возникновение совершенно иной парадигмы в использовании аудиовизуальных коммуникаций и в первую очередь в рекламных и развлекательных целях» [Яковлев, 1998. С. 81].

Музыкальный видеоклип в какой-то мере близок мюзиклу и является, так сказать, его дальним потомком. Р.О. Якобсон относил мюзиклы, особенно киномюзиклы, к «очень сложным синкретическим представлениям... сочетающим целый ряд аудиальных и визуальных семиотических средств» [Якобсон, 1985. С. 328]. А Р. Барт писал: «В телевидении, кино, в рекламе возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [Барт, 1975. С. 124]. Таким образом, музыкальный видеоклип как род искусства находится на стыке кино, телевидения и видеорекламы.

Музыкальный клип представляет особую форму синкретического, вербально-иконического видеотекста, выполняя свою коммуникативную и иные функции при взаимопроникновении и взаимодействии двух принципиально отличных семиотических систем (лингвистической и неллингвистической, вербальной и невербальной). Видеотекст, как и кинотекст, создается из этого материала при помощи кинематографических кодов, к числу которых относят ракурс, кадр, свет, план, сюжет, художественное пространство, монтаж [Слышкин, Ефремова, 2000. С. 15–19].

Итак, музыкальный клип – это синкретический вербально-иконический текст, сочетающий в себе видеоряд, музыку и неразрывно связанный с ними вербальный компонент – текст песни, а также различные надписи, появляющиеся на экране, и т.п. Нередко в композицию видеоклипа включены и кинесические невербальные знаки типа танца и т.п.

В качестве примера рассмотрим клип «Менеджер» группы «Ленинград». Сама песня является своеобразной антисоциально-сатирической зарисовкой на тему мнимой значимости некоторых руководящих должностей, высмеивающей современную офисную иерархию и всех, кто в какой-либо мере к этой иерархии причастен: «Тебе повезло – ты не такой, как все. Ты работаешь в офисе». Чтобы усложнить характер информации, направленной на зрителя, в кадре видеоклипа используются надписи, не связанные напрямую с текстом песни, но связанные с ее семантическим пространством – стандартизированные рекламные лозунги «Обрети мечту» и «Звоните немедленно!», иронично подчеркивающие «важность» выбора профессии менеджера.

Необходимо отметить такую особенность музыкального видеоклипа как особого типа видеовербального текста: он представляет собой «матрешечный» синкретический текст, поскольку сама песня уже – синкретический текст первого уровня (музыка как невербальный компонент – звук плюс текст песни как компонент вербальный – тоже звук), а видеоклип – второго уровня: песня как синкретический текст (звук) плюс видеоряд (изображение и цвет). Здесь уже намечается выход на проблему синестезии: совместного восприятия звука и цвета (о данной проблеме см., например [Галеев, 1999; Прокофьева, 2007]), а также звука и изображения вообще.

Р.О. Якобсон отмечал: «синкретизм поэзии и музыки, вероятно, первичен по отношению и к поэзии, и к музыке – так же, как визуальные сигналы кинесики органически связаны с теми или иными аудиальными знаковыми системами», поскольку «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [Якобсон, 1985. С. 327, 323]. Поэтому закономерно наличие большого разнообразия взаимодействия аудиальной (воспринимаемой слухом) вербальной материи языка (текст песен) с другими аудиальными (музыка) и визуальными (цвет, например) знаковыми системами.

Действительно, существует связь между восприятием музыкального звука и цвета, а также между восприятием текста песни и соответствующей «картинки». Усложнение структуры музыкального текста, самого по себе уже синкретического (единство вербального текста и мелодии), и включение в видеоклип изобразительного ряда можно объяснить усложнением характера информации, которую передает автор. Семантическое пространство музыкального видеоклипа имеет множество возможных толкований, побуждая реципиента к усиленной интерпретации.

Один из примеров усложнения характера информации, которая содержится в видеотекстах, может послужить клип песни «Куда уходят корабли» группы «Крес». В этом видеоклипе изобразительный компонент, а именно видеоряд, не только дополняет музыкальный текст, но и придает ему дополнительную семантическую окраску. Текст песни имеет глубоко философский характер, в то время как музыканты оперируют множеством эпитетов, метафор и переносов, отождествляя, например, человека с кораблем, а то место, «куда уходят корабли», – со смертью. Опираясь на данное семантическое

пространство, режиссер клипа конкретизирует музыкальную поэтику, показывая зрителю историю тяжелобольного, безуспешно борющегося со своей болезнью, и его дочери. И сам сюжет, и его кульминация (смерть главного героя на берегу моря) неразрывно связаны с текстом песни: «Если бы лекарством от всех болезней были песни – мы бы спасли весь мир»; «Корабли отчалили, оставив нас у берегов вечной печали».

Иконические (видеоряд) и вербальные (текст песни) знаки в музыкальном клипе как видеовербальном тексте не просто сосуществуют, они находятся в постоянном синкретическом взаимодействии, создавая единое знаковое пространство, активно воспринимаемое адресатом клипа.

В этом знаковом пространстве во взаимодействии и единстве видеоряда (зрительное восприятие изображения) и музыкального произведения (слуховое восприятие песенного текста и музыки) проявляется также синестетическая символика цвета и звука (вербального, т. е. слов песни, и невербального – мелодии песни). Цветовая гамма (палитра) визуального образа представляет собой, наряду с собственно изображением, иконический компонент текста видеоклипа, а текст песни – его вербальный компонент.

В синкретическом знаковом пространстве музыкального видеоклипа образ «музыка-слова-изображение» создается с помощью определенных иконических знаков и знаковых комплексов:

- знаковые средства, кодирующие пространственное изображение (перспектива, внутрикадровое движение, ракурс) и время (скорость съемки и т.п.);
- система графических знаков;
- символика цвета и звука в их синестетическом взаимодействии;
- иные вербально-иконические знаки.

Параллелизм выразительных средств и приемов в разных знаковых системах – музыке, лирике и видеоряде – также значим для выстраивания вербально-иконического текста музыкального видеоклипа, поскольку связан и отражает феномен синестезии звука и цвета. Перспективно в этом отношении использование некоторых идей и выводов теории интертекстуальности, например, «семантических фигур», в основе образности которых «лежат семиотические переносы, причем базой для них является сравнение изобразительных средств разных искусств» [Фатеева, 1998. С. 36]. Такие «семиотические переносы» – конечно, одна из форм проявления синкретизации вербально-иконического текста, а также синестезии.

В качестве одного из примеров использования семантических фигур в видеотекстах можно рассмотреть клип песни рэп-исполнителя Ассаи «Голос». В кадре периодически, синхронно с текстом, возникают различные символы и знаки: пиктограмма сердца («Кто соблазнялся мною, забыв любимых»), знак доллара («Музыка – это бизнес»), число 1000 («Даже за тысячу миль от дома»), создавая тем самым единое знаковое пространство посредством неразрывной связи между вербальным и иконическим компонентами видеотекста.

Синкретические вербально-иконические тексты представляют значительный интерес для современной лингвистики, в частности для теории текста, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и др. Движение от вербального текста к иконическому изображению и назад раскрывает роль различных компонентов ситуации речевого общения, дает возможность оценить, насколько те или иные явления языка связаны с внеязыковыми, каковы механизмы их интеграции, позволяет сравнить воздействие изобразительной информации с воздействием вербального текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. М., 2003.
2. Анисимова Е.Е. О целостности и связанности креолизованного текста (К постановке проблемы) / Е.Е. Анисимова // Филол. науки. 1996. № 5. С. 75–79.
3. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «За» и «Против». М., 1975.
4. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А.А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник. Красноярск, 2000. Вып. 3 (11). С. 104–110.
5. Большакова Л.Б. Метафора в англоязычном поликодовом тексте (на материале британских и американских музыкальных видеоклипов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Б. Большакова. Самара, 2008.
6. Галеев Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность / Б.М. Галеев // Leonardo Electronic Almanac. Vol. 7. 1999. № 6. Режим доступа: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/mif_r.htm.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. М., 1982.
8. Зенкова А.Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект / А.Ю. Зенкова // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 39–54.
9. Иванова Е.Б. Художественный видеофильм как текст и его категории / Е.Б. Иванова // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг: сб. науч. тр. ВГПУ. Волгоград, 2000. С. 200–206.
10. Кулик И. Обои цвета телевизионного снега / И. Кулик // Искусство кино. № 2. 2001. С. 123–126.
11. Мишина О.В. Средства создания комического в видеовербальном тексте (на материале английского юмористического сериала «Monty Python Flying Circus»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Мишина. Самара, 2007.
12. Плотницкий Ю.Е. Лингвистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Е. Плотницкий. Самара, 2005.

13. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Пойманова. М., 1997.
14. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное / Л.П. Прокофьева. Саратов, 2007.
15. Самутина Н. Музыкальный видеоклип: поэзия сегодня / Н. Самутина // Неприкосновенный запас. № 6 (2). 2001. С. 76–86.
16. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М., 2004.
17. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н.А. Фатеева // Известия АН РАН. Серия литературы и языка. Т. 57. № 5. 1998. С. 25–38.
18. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С. 306–330.
19. Яковлев Е.Г. Кинофильм и видеоклип: эстетическая оппозиция / Е.Г. Яковлева // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 4. 1998. С. 80–85.

Ян Минбо, Дон Дань⁴⁵

О ПРИЕМАХ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Данная работа посвящается проблеме перевода реалий русского художественного текста («Мастер и Маргарита» М. Булгакова) на китайский язык. На основе сравнения русского оригинала и китайского перевода определены способы и методы перевода реалий религиозного характера русской литературы на китайский язык.

The article is devoted to the problem of translation of the Russian literary text («The Master and Margarita» by M. Bulgakov) realia into Chinese. The original and the translation texts comparison the ways and methods of religious realia translation.

В современной теории перевода, несмотря на большое количество работ по проблемам перевода художественного текста, многие вопросы все еще не решены. «Вечной» остается проблема адекватности и эквивалентности перевода на неродственные языки. В разделе частных проблем художественного перевода малоизученным остается вопрос о переводе русской художественной прозы на китайский язык. В данной статье будет рассмотрена проблема перевода реалий русской художественной литературы на китайский язык. В качестве материала для исследования был выбран роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», так как это выдающееся явление

⁴⁵ Научный руководитель – к. филол. н., проф. В.А. Разумовская

русской литературы привлекает к себе все больше и больше читателей в Китае. В романе «Мастер и Маргарита» много реалий религиозного характера; данные реалии непонятны для китайского читателя, но очень важны. Цель данной работы заключается в том, чтобы сравнить оригинал романа и его перевод на китайский язык с точки зрения адекватности и эквивалентности перевода реалий русской художественной литературы, попытаться рассмотреть способы и методы, используемые переводчиком. Методологическую основу статьи составляют методы контекстологического, компонентного и сопоставительного анализа.

Что такое реалии? Реалия – это предмет, вещь, материально существующая или существовавшая. Согласно словарным определениям, реалии – это «предметы материальной культуры» [КЛЭ, 1982. С. 228]. В лингвистике и переводоведении реалиями называют слова и выражения, обозначающие эти предметы, а также устойчивые выражения, содержащие в себе подобные слова.

Реалии характерны для подязыка художественной литературы и средств массовой информации, они неразрывно связаны с культурной жизнью конкретного народа, являются общеупотребительными для языка этого народа и чуждыми для других языков и культур.

С точки зрения современной лингвистики и теории перевода существует несколько классификаций реалий по различным признакам. Реалии как единицы перевода делятся на следующие виды:

сокращения (колхоз – 集体农庄);

слова (борщ – 红菜汤);

словосочетания (дом быта - 日用品商店, дом культуры – 文化宫);

предложения (Не все коту масленица – 人有旦夕祸福).

На основе принадлежности реалий к стране, народности и времени были предложены местная, предметная и временная классификация реалий.

Можно сказать, что основной чертой реалии является ее культурный колорит. Именно передача колорита при переводе текста с одного языка на другой и составляет главную проблему переводчика при работе с реалиями.

Некоторые исследователи культурологических проблем перевода (А.В. Федоров, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) относят реалии к разряду безэквивалентной лексики, утверждая при этом, что они не подлежат переводу [Федоров, 1983. С. 135]. Однако реалия является частью исходного текста, поэтому ее передача в тексте перевода является одним из условий его адекватности. Итак, ключевой вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалию, а к тому, как ее переводить.

С нашей точки зрения, основных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта) и 2) необходимость, наряду с предметным значением

(семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску [Влахов, 1986. С. 89].

Итак, перечислим все основные способы перевода реалий.

1. а) транслитерация; б) транскрипция;
2. а) калька; б) полукалька; в) освоение; г) семантический неологизм;
3. уподобляющий перевод;
4. контекстуальный перевод;
5. гипонимический перевод;
6. замена реалии исходного языка на реалию языка перевода;
7. передача чужой для исходного языка и языка перевода реалии;
8. опущение реалии.

Таким образом, решение вопроса о выборе определенного приема при переводе реалии будет напрямую зависеть от задачи, которая стоит перед переводчиком: сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для семантики или передать значение реалии (если оно не известно в переводящем языке и культуре), утратив при этом колорит.

Перевод романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» начался в Китае с попытки переводческого переложения. Переводческое переложение подразумевает, что в качестве способов перевода употребляются пересказ, рассказ и короткое сообщение. Первый полный перевод анализируемого романа был сделан известным китайским русистом, переводчиком – Цянь Чэнем и появился в свет только в мае 1987 года. После него роман был переведен Хань Цинем в 1998 году (в переводе роман получил название «Танцует Сатана»). Последний вариант перевода был сделан в 2005 году. В переведенном романе описаны три линии развития истории: 1) Воланд и его помощники посещают Москву; 2) романтическая и трогательная история любви Мастера и Маргариты; 3) суд и смертная казнь Иисуса Христа в романе Мастера.

Выдающееся явление русской литературы, так называемый роман в романе сразу же вызвал сенсацию в Китае, о чем свидетельствует большое количество статей и научных докладов о романе. За последние 10 лет роман привлекает все больше и больше поклонников своим глубоким художественным, историческим, лингвистическим и литературным значением как во всем мире, так и в Китае. Неудивительно, что появились еще несколько вариантов перевода романа на китайский язык. Говоря о качестве этих вариантов перевода, обязательно нужно обратиться к рассмотрению вопроса эквивалентности и адекватности переводов.

Так как роман обладает яркой сюжетной религиозной линией, мы решили обратиться к проблеме перевода реалий религиозного характера, встречающихся в тексте романа, на китайский язык. Необходимо согласиться с тем, что китайские переводчики находятся под влиянием своих религиозных взглядов и, соответственно, испытывают трудности в понимании и переводе подобных реалий. Для нас очень важно определить наиболее эффективные и правильные подходы к переводу реалий из романа «Мастер и Маргарита» на китайский язык.

Основным материалом для анализа послужил перевод известного лингвиста Цянь Чэня. Оригинальный текст опубликован издательством «Высшая школа» в Москве в 1989 году. В нашем исследовании мы попытались ответить на два основных вопроса: 1) как или какими методами переведены реалии религиозного содержания романа; 2) существует ли разница содержания реалий в оригинале и в переводе романа.

Как известно, автор романа Михаил Булгаков вырос в христианской семье, его отец был священником. Писатель был воспитан в религиозной атмосфере, и вера в Бога глубоко поселилась у него в душе, что отчетливо проявилось в романе. В «Мастере и Маргарите» Сатана изменяет свой отрицательный образ, образ Злого Духа, и становится слугой доброго всемогущего Иисуса Христа, спасает простых добрых людей – Мастера и Маргариту, которые тоже верят в Бога. Религиозный фон романа довольно сложно и тяжело воспринимается даже русскими читателями. Для китайских читателей восприятие религиозного смысла романа также является крайне сложной задачей. Процесс перевода такого произведения требует от переводчика высокого мастерства, поскольку читатели должны получить от романа впечатление, сходное с впечатлением читателей оригинала.

Обратимся непосредственно к материалу оригинала и перевода.

А. Можно отметить, что в диалоге между поэтом и редактором автор дает читателю понять, что редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков, например, на знаменитого Филона Александрийского, на блестяще образованного Иосифа Флавия. В тексте романа сообщается, что то место в 15-й книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых «Анналов», где говорится о казни Иисуса, – есть не что иное, как позднейшая поддельная вставка.

应该说明，这位主编本是个博古通今的大学问家，他的谈话自然是旁征博引，有根有据。譬如，他指出：著名的斐洛^①和博学多才的约瑟夫·弗拉维^②等古代学者的著作中就只字未提耶稣其人的存在。这位主编为了表明自己学贯古今，还顺便告诉诗人说：著名的塔西伦的《编年史》第十五卷第四十四章中所写的处死耶稣之事^③也无非是后世人的伪托编造。

①斐洛（约公元前30—

约公元45），古犹太神秘主义哲学家。他的主张对以后的基督教神学有很大影响。恩格斯曾说他“是基督教的真正的父亲”。

②约瑟夫·弗拉维（约公元37—

100），古犹太历史学家，著有《犹太战争史》、《犹太古代史》等。

③塔西伦（约公元55—

120），古罗马历史学家，著有《历史》、《编年史》等。《编年史》第十

五卷第四十四章中提到尼禄用残酷手段惩罚基督徒时写道：“他们（指基督徒）的创始人是基督，在提口里乌斯当政时期便被皇帝的代理官彭提乌斯·彼拉图斯（即官话本《圣经》中说的本丢·彼拉多）处死了。”只此一处提到基督。

Б. – Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился еще ряд сынов божиих, как, скажем, фригийский Аттис, коротко же говоря, ни один из них не рождался, и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения и, скажем, прихода волхвов, описал нелепые слухи об этом рождении... А то выходит, по твоему рассказу, что он действительно родился!..

“你呀，伊万，”柏辽兹继续说，“有些地方写得很好，很有讽刺味道，比如，写神之子耶稣降生的那一节。但关键是早在耶稣之前就已经降生过不少神之子了，诸如弗利基亚人的阿提斯^①等等。简而言之，这些人，包括耶稣，都根本没有降生过，没有存在过。所以，你应该写的不是什么降生，不是什么东方占星家的来临^②等等，而是必须表明：关于耶稣降生之类的传说完全荒唐无稽……不然，照你现在这样写法，好像真有个耶稣降生过似的！……”

①弗利基亚人宗教中的神之子。相当于巴比伦神话中的塔穆斯，腓尼基神话中的阿顿尼斯。阿顿尼斯是基督的原形之一。

②据《圣经》载，耶稣降生后，曾有几个博士（占星家）从东方来，声称是“特来拜见”耶稣这位“犹太人之王”的。

В. В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

新春尼散月^①十四日凌晨，他，犹太总督本丢·彼拉多^②，身穿血红衬里的白色披风，迈着威风凛凛的骑士方步走出大希律王^③王宫正殿，来到两厢配殿之间的游廊。

①按犹太教历，每年第一个月称为“尼散月”，约在公历三四月间，故也称“春月尼散”。该月十五日为犹太教的春季节日——逾越节。

②本丢·彼拉多（或译：彭提乌斯·彼拉图斯），公元一世纪人。约于公元26—36年任罗马皇帝派驻犹太的“代理官”，在属国执掌最高权力，有兵权。“代理官”一般译为“总督”。《圣经》中作“巡抚”。据《圣经·新约》，耶稣即由彼拉多核准处死，钉在十字架上。彼拉多的名字在马列主义经典著作中已成为伪善和残酷的代名词。本书作者对此人作了不同于传说和历史的独特处理。

③即伊罗德（或译黑洛德），公元前40年—公元4年犹太国王。《圣经》中称希律王为极残暴的人。总督彼拉多来耶路撒冷时住在王宫中。

Г. Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента. Не удержавшись от болезненной гримасы, прокуратор искося, бегло проглядел написанное, вернул пергамент секретарю и с трудом проговорил:

– Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

– Да, прокуратор, – ответил секретарь.

书记官急忙毕恭毕敬地把一张羊皮纸放到这只手里。总督的脸痛得抽搐了一下，他朝羊皮纸上的字瞟了两眼，把那纸还给书记官，吃力地问道：

“案犯是加利利人①，案卷送当地长官审阅过吗？”

①据《圣经》，耶稣出生在犹太的伯利恒，他的母亲马利亚原是加利利地方拿撒勒城的人。故这里说他是“加利利人”，亦称“拿撒勒人耶稣”。

В примере А с помощью транскрипции переведены следующие имена: Филон – 斐洛, Иосиф Флавий – 约瑟夫·弗拉维, Тацит – 塔西伦, Иисус – 耶稣。Перевод первых трех имен имеет разные варианты, так как фонетический подбор соответствующих иероглифов каждый переводчик может сделать по-своему. Но в переводе имени «Иисус» необходимо соблюдать принцип переводческой традиции, так как в китайском переводе Библии уже есть перевод этого имени, которое звучит как 耶稣 и давно знакомо китайским читателям. Сравнивая тексты оригинала и перевод, мы можем отметить, что кроме транскрипции в китайском переводе употреблялось еще большое количество комментариев. Так, картина казни Иисуса снабжена обширным комментарием из текста Библии. Это позволяет читателю, который плохо или совсем не знаком с сюжетами Библии, лучше понять содержание

романа в целом, что очень важно для передачи религиозного колорита данного художественного произведения.

В примере Б рассмотрено слово «волхв», являющееся религиозной реалией. Существительное «волхв» в Толковом словаре русского языка Ожегова объясняется как: «1. Служитель языческого культа; жрец (на Руси IX – XIII вв.). 2. Прорицатель, мудрец, чародей, колдун». В большом русско-китайском словаре дается следующее значение: 古斯拉夫族的术士, 魔法师或者星象家. Значение слова «волхв» – 东方占星家 и в оригинале может быть понято по-разному. Значение данной лексической единицы передано в китайском варианте не в полном объеме, поскольку утрачено значение «жрец, служитель языческого культа», а также утрачен и религиозный оттенок данного слова. Переводчик добавил слово «东方», что обозначает «восточный» в переводе, и после перевода дается комментарий из текста Библии.

В примере В присутствует понятие еврейского религиозного праздника 15 числа первого месяца – месяца нисана. В оригинале об этом празднике ничего не сказано, а в китайском переводе очень подробно комментируется его упоминание, что помогает читателям лучше понимать роман.

В примере Г мы хотели бы обратить внимание на слово «пергамент» (хотя данная единица и не является собственно религиозной реалией), которое имеет следующее значение: специально обработанная кожа животных, применявшаяся до изобретения бумаги как основной материал для письма. У данного понятия нет эквивалента в китайском языке (в Китае была изобретена бумага), но в переводе было выбрано слово «羊皮纸» (бумага из кожи барана). Таким образом, с помощью подходящего переводного варианта значение слова «пергамент» достаточно хорошо выражено в переводе.

Несмотря на то что вышеуказанные примеры являются лишь маленькой частью реалий романа, анализ их перевода позволяет нам в определенной степени выяснить наиболее часто используемые китайскими переводчиками способы и методы перевода реалий религиозного характера русского художественного текста.

1. При переводе реалий, которые являются именами собственными, обычно употребляется способ транскрипции, что определяет возможность возникновения различных вариантов перевода. В том случае, когда слово уже было переведено и получило у основной массы читателей достаточно широкое понимание, используется уже традиционный перевод.

Филон – 斐洛

Иосиф Флавий – 约瑟夫·弗拉维

Тацит – 塔西伦

Иисус – 耶稣

2. При переводе реалий в случае необходимости можно добавить комментарии к некоторым словам, для того чтобы читатели смогли лучше понять оригинал (примеры А и В).

3. Когда переводим слова-реалии, которые имеют несколько значений в оригинале и соответственно должны сохранить свою исконную многозначность и в переводе, необходимо определить значение данного слова в оригинале и найти адекватный вариант в переводном языке (пример Б).

4. Строго говоря, реалии в теории перевода относятся к тем случаям, когда оригинал не имеет эквивалентов в переводном языке и перевод реалий в той или иной степени определяет потерю части содержания оригинала. Но надо согласиться с тем, что всегда можно найти более подходящий перевод или вариант перевода, чтобы как можно ближе передать смысл и значение реалий и их национально-культурный колорит. И тогда читатели другой культурной, религиозной и языковой принадлежности смогут восхищаться художественными произведениями в переводе так же, как и читатели оригинала (пример Г).

Таким образом, сравнительный анализ оригинала и перевода романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» показал, что китайские переводчики часто употребляют транскрипцию, комментарии, лексические варианты и замены, для того чтобы передать смысл и значение реалий оригинала. Хотя с точки зрения теории перевода реалии не имеют эквивалентов и любой перевод так или иначе теряет часть содержания реалий оригинала и национальный колорит, задача переводчика в том и заключается, чтобы искать и находить более адекватный перевод реалий с одного языка на другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов С. Непере译имое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М., 1986.
2. КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1982.
3. Новый большой русско-китайский словарь, 1998.
4. Русско-английский фразеологический словарь / Под ред. Д.И. Квеселевича. М., 2000.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. М., 1989.
6. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. Пер. Цянь Чен, П., 1987.
7. Словарь иностранных слов / Под ред. А.В. Боброва. М., 1999.
8. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2002.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А.В. Федоров. М., 1983.

III. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. ЖИВАЯ РЕЧЬ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

О.В. Фельде

«БЫЛА УЖАСНАЯ ПОРА, ОБ НЕЙ СВЕЖО ВОСПОМИНАНИЕ...»

Уходят в неустроенные дали, в вечность, нулевые годы... XXI век окончательно вступает в свои права, стремительно оттесняя события и людей XX столетия за пределы «новейшей русской истории». Пройдет несколько лет, и не останется ни одного человека, юность которого пришлось на «безбожные тридцатые», на «свинцовые сороковые»... Настанет день, когда и мы, соучастники «застойных семидесятых», исчезнем с поверхности Земли... Уйдут свидетели века, героизм и маета которого запечатлена в громаде художественных, публицистических и деловых текстов. И все же исторические одежды XX столетия, «мелькнувшего над землей в крови и нищете» (А. Дольский), пока не сшиты. В его наряде не хватает очень важных деталей: истории русского провинциального быта, истории материальной и духовной жизни простых людей, их языковых портретов. Без этого невозможно представить историческую картину времени во всей ее полноте и многоцветии. Не случайно в последние годы заметно оживилась научная и собирательская краеведческая работа, в ходе которой записываются устные рассказы о жизни, воспоминания. Особый интерес представляют рассказы так называемых «маленьких людей», именами которых не называли улицы и пароходы, не расцветчивали звонкие советские репортажи.

Во всем мире набирает обороты полнокровное научное направление под названием Oral History – «устная история», или «устная передача истории». Совершенствуется техника исторического, диалектологического и социолингвистического интервью, публикуются тексты устной народной речи. Многие научные фонды и организации, как отечественные, так и зарубежные, поддерживают проекты, направленные на фиксацию народной памяти. Перечислим лишь некоторые из них: Фонд Михаила Прохорова (РФ), неоднократно объявлявший конкурс «Человек в истории. Россия – XX век», «Международный благотворительный фонд имени Д.С. Лихачева, Союз краеведов России, Фонд «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонд имени Генриха Белля (ФРГ), Фонд Фридриха Науманна (ФРГ), Исследовательский центр «Жизнь и судьба» (Италия), Фонд Дж. Сороса... Огромный корпус воспоминаний самых разных людей: детей кулаков и беднейших крестьян, нэпманов и рабочих, узников фашистских и сталинских лагерей, солдат Великой Отечественной – размещается на специальных порталах и сайтах Интернета: www.orlandofiges.com (здесь можно найти свидетельства частной жизни людей сталинской эпохи), iremember.ru (владельцу этого портала Артему Драбкину надо всем миром поклониться за живую историю самой страшной войны XX века)... ET CETERA. Все это красноречиво свидетель-

ствуется об огромном научном и общественном интересе к теме «Жизнь человека в российской истории XX века».

Богатый опыт фиксации устной истории есть в Алтайском крае, Томской и Новосибирской областях, в Забайкалье, где проводятся ежегодные комплексные (историко-этнографические и фольклорно-диалектологические) экспедиции в сельскую местность и малые города. Не один год проводится сбор устных рассказов сибиряков и в нашем крае. Эту работу осуществляют филологи и историки КГПУ им. Астафьева и СФУ. Много хранится в архивах Регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири, которым я руководила с 1991 по 2009 год, а также в архиве кафедры русского языка Института филологии и языковой коммуникации СФУ (бывш. факультет филологии и журналистики КГУ). Но в отличие от наших соседей по матушке-Сибири эти богатейшие собрания не стали достоянием широкого круга читателей, не собраны в единый корпус и пока не изданы. И это печальное обстоятельство не дает покоя. Начинать следует с малого: публикации текстов, записанных во время диалектологических экспедиций, а также присланных краеведами, учителями-словесниками. Надеюсь, что к проекту присоединятся все, кто хочет просто поговорить о своей жизни, рассказать о судьбе близких людей. Уверена: устные рассказы о жизни с их причудливым сцеплением фактов, густотой деталей и полным отсутствием цензуры привлекут внимание историков и лингвистов, этнографов, писателей – всех нравственно оседлых людей, которых – знаю! – немало на просторах нашей порою такой неласковой к своим гражданам Родины.

Эту серию открывают записи рассказов жительницы с. Степной Баджей Галины Васильевны Семенковой, которые в редакцию нашего журнала прислала ее невестка и моя бывшая студентка-дипломница Л.С. Семенкова. Несколько лет назад Людмила блестяще защитила свою первую научную работу, посвященную языковой личности рядового носителя сибирского говора. Мне хочется написать о близком мне по духу человеке несколько строк, потому что обычно перед читателем предстает только образ рассказчика, а личность собирателя остается в тени. Автор опубликованных воспоминаний считается тот, кто рассказывает, а не тот, кто публикует материал. Как правило, собиратель сознательно самоустраняется, прячет свою тактику разговора с собеседником, скрывает «правильные» вопросы, благодаря которым мы в итоге получаем то, что представляет интерес для нашей истории и культуры. А ведь зарисовка бытового фона истории – это настоящее искусство! Кому как не мне, диалектологу, это знать. Читатель редко задумывается о том, сколько часов требуется, чтобы найти и получить нужную информацию, а потом расшифровать ее с диктофона. Запись и подготовка к печати устных воспоминаний – это огромный интеллектуальный и нравственный труд. Труд, за который я искренне благодарю Людмилу Семеновну Семенкову – замечательного учителя-словесника Степнобаджейской средней школы, что находится в Манском районе Красноярского края.

Людмила Семеновна Семенкова

Собранные Л.С. Семенковой воспоминания – это рассказ о частной судьбе ее свекрови и других близких, история о перенесенных ими страданиях и лишениях, о маленьких и больших радостях. В этих записях отражается особый склад речевой культуры наследницы тех, кто переселился, как говорят в наших деревнях еще и поныне, «из России», в них ощущается дыхание XX века...

Дописываю эти сточки под аккомпанемент А. Дольского, с которым когда-то в моей комсомольской юности познакомила меня моя московская подруга Лена: *«Прощай, двадцатый век – святоша и безбожник, обманщик и мудрец, философ и факир, Прощай, двадцатый век – убийца и художник, оставишь ли в живых безумный этот мир?!»*

Ниже публикуются рассказы Галины Васильевны. В совокупности они представляют собою картинки ее жизни от раннего детства до зрелых уже лет. Давайте их рассмотрим поближе...

О.В. Фельде, доктор филол. наук, проф.,
чл.-корр. САН ВШ, заведующая кафедрой русского языка СФУ.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ ЖИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛА СТЕПНОЙ БАДЖЕЙ МАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ СЕМЕНКОВОЙ ГАЛИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ⁴⁶

***«Память — основа совести и нравственности,
память — основа культуры»
(Д.С.Лихачев)***

Г.В. Семенкова родилась в 1940 году, русская, коренная жительница деревни Ядренское Манского района Красноярского края. В 1962 году со своей семьей переехала в с. Степной Баджей, находившийся в 3 километрах от их прежнего места жительства.

Родители Галины Васильевны – Шевернев Василий Иванович и Мария Константиновна – приехали в деревню из Смоленской области. Закончила семь классов. Сначала работала в колхозе, затем в школе при интернате ночной няней. В 1999 году, в возрасте 59 лет, ушла на пенсию. Замужем, у нее два сына и три внука. Обладает хорошей памятью, помнит про жизнь людей в первой половине XX века по рассказам матери и бабушки, которые жили вместе с ней до их смерти. Интересуется событиями в селе и в стране.

⁴⁶ Запись и подготовка к печати Л.С. Семенковой.

Ее знают и уважают как доброго, мудрого и общительного человека. Всех всегда жалеет от чистого сердца и никогда не откажет в помощи, даже тому, от кого все отвернулись. Люди приходят к ней и с радостью, и с болью, поймет, не осудит, не позавидует».

Л.С. Семенкова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Спать хочу наимирущую, ну, сильно значит. Глаза закрываются. Плохо ночью спала, вот почитай всю ноченьку не спалось. Теперь вот наимирущую хочу. Расскажу, как помню сама, мама рассказывала. С бабой Аленой и с бабой Дусей жила, почитай все помню...

Шел Кочак, на пути, что ему не нравилось, он все сжигал... дома... Забирал, что у людей лучшее есть, лучшие вещи. Как вот у нашей бабушки, она рассказывала, что подъехали они. Надо было им все попрятать хоть. Ну, а они боялись, что он их убьет, ниче не попрятали... какие вещи. Машина была ножная. Яни не бедно жили. С России приехали, с Смоленской области они. И все нажитое привязли. Много была дятей, земли тама ужо мало было, они в Сибирь. Мамин отец приехал со старшей сестрой с Анной. Ну, и тут начали они.... Понравилось им... Начали на быках, лошади ужо тут были у некоторых, на дом лес волить, тоскать. Сделали дом, себе хороший пятистенку. Ну, еще так не белили, не мазали еще... так... Ну, патом они уже поехали за своими, туды в Смоленскую область. Привез их...

Мама моя родилась в Россее, они через нядельки две-три поехали сюда. Привязли их... Ну, и через сколько тут время и Колчак шел. Ну, она говорила, все помнила, как было. С каково года, мама не помнит точно, записана она была с десятого года, но она была старше на года два. Раньше ж записывали, как запишешь, так и будет. Ну, они сделали этот дом, все, обживаться стали.

А тут Колчак вскорости шел, сжигал все... и наш дом. Не то, что наш дом, он все селение выжигал. Баба наша Акулина... Ну, у нее были уже вот мама, баба Дуся и баба Анна. Эти девки уже, девочки начали рождаться, а земли на девочек не давали, там в Смоленской области, они вот сюды. Ну, они тогда, что им делать, дом сделали, все. А вскорости тут Колчак. Надо было им попрятать все, что хоть в лес унести. Они сами боялись, на свою жизнь не надеялись. Убьют, все... Они жгли все.

Наша бабушка беременной была, тяжелой ходила. А у нее еще уже тут родилась девочка Поля. А кода они шли, Колчаки все эти, она заболела и заболела: скарлатина, от ладошек все мясо с кожей сойшло и на ногах. Сделали

На фото: Шевернева Мария (мать), Трифонова Акулина (бабушка). 1960 г.

ей дом... ну, такое убежище, как шалашек, накрыли тряпками, как шалашек сделали. Заглянут туда, мухи начали по ей ползать.

И нельзя было, украдкой все делали. Некоторые ушли уже, в лес маленько попрятались.

Она все говорила: «Я не умру, не умру». И умерла... только через четверо суток ее на кладбище снесли. Уже кода они уже уехали, колчаки эти все, и ямочку выкопали небольшую быстрее. А тут еще шли, не то что они одной бригадой шли. Тут они шли, а тут им еще на помощь шли. То красные, то колчаки. Не приведи господь! В Нарве, рассказывали, за день семь раз менялась власть: красные, колчаки, красные, колчаки... Колчаки сильно носились, особо надругивались над теми, кто красным помогал. Наши сначала не надругивались над ихними, а потом смотрят, что те так деют, и тоже. Колчаки раз, тоже в Нарве сказывали, повтыкали в снег наших головами в сугробы. А мороз, они и поморозились. Смертушка страшная какая! Вот как надругивались. А насильничии, ой-ой. Девки так грязно ходили, что б уже не приставали, за больных принимали.

Ну, и все... А бабы Кулине было так. Бабу нашу заставляли свой дом поджигать. Она: «Мои, деточки, что ж это?! Я ж тяжелая, как я залезу поджигать свой дом своими руками?» Ее пытали, а она говорит: «Я ниче не знаю, кто и что почем». Они заставили тогда свой дом поджигать. «Не могу, я тяжелая» А ен начал плеткой ее. Плетка, а на конце железина, начал бабу бить а другой с их компании говорит: «Ты что не видишь, что яна тяжелая?!» Выхватил и говорит: «А то я самого раза два этой плетиной дам, ну ремнем этим перестигаю». Были разные они: и хороши и плохие. Заступник говорит: «Иди мать подальше». Она ужо ушла. Она говорит: «А я иду оглядываюсь, тошно мне, больно...» А тот: «Что, стерва старая, оглядываешься, мало тебе еще?» А другой сказал: «Иди подальше отсюда, что б тебя здесь не было, что б не трогали, не били больше». И залез один и сразу спалили, сожгли дом.

И взломали у них ящик у бабушки. Они на замке были, таки ящики тот красный большой такей, он у нас в амбаре до сих пор есь. Что был толстый холст, они разорвали себе на портянки А у бабы было, ну девок много, девять было полушАлков, с кистями платки. Это большие красивые шелковые, яркими цветами. И все, эти платки в мешок и в мешок. И там сахару маленько было, взяли. Ну, что там было, все узяли и поехали.

А этот бабиной Кулининой сестры мужик, Артем, пошел коней искать, колчаковцы послали его. Кони и наши там были, и их. Ушли табуном. А они сказали, там в паскОтине все пошли, кто-то их видал там. Это за деревней паскОтина была, а он сказал что не нашел.

Они коней всех брали, и наших побрали. Что захочат, то брали. И корову зарежут на мясо, и поросенка, и курей. Все, все брали, как свое. И женщин насиловали. Вон над одной так надругались, что матка стала вываливаться, подвязывала потом вяревками. Одного родила, яще до Колчаков, и все -осталась бесплодная. Сейчас бы операцию сделали, а тода не делали такоho.

Ну и послали их за конями. Мужик сестры пошел, еще мужики и Артем этот. Другие пошли искать, а ен вернулся, сел на завалину... И кружку молока яму дала мать, и кусок хлеба черного. На завалину сел и идут они, колчаковцы. «Ты, – говорят, – пригнал коней?» «Товарищи, я не нашел ни своих, ни ваших коней» – «А-а, какой я тебе товарищ?! Нашел товарища!» И патом уже яго сюда, где-то к Баджею, пригнали и... «Щас, – говорят, – голову шашкой отрубим». И взяли их, много их не одного Яго, провененного повели в Баджей, в ту пещеру Красную, и закинули их туда. Говорит после тот, что они летели, даже звон был. Те, другие, кричали сначала, стонали, а потом стихли. А он молодой был, сильный. Два дня пытался выкарабкаться оттуда, выкарабкался. Выкарабкался! Баба Акулина говорит, что пришел домой ночью. Тишина уже. Тихонько покричал домой, видит тишина. А у него на пальцах кости ажно видны. Сколько раз карабкался, и снова туда, и снова пытался выбраться, и снова падал. Скоко раз така. А теща яһа говорит: «Иди, предъявись сюды, в Баджей, чтобы тебе дали проезд. Мы уедем в Красноярск и за Красноярск... там где-то родня. И там будем жить и все». И она яһо повела, и уже уедем. Он только сюда приехали, а ен тот узнал яһо, который делал так, забирал его. «Ах, ты! Откуда ты взялся?» И яһо сразу взял и шашкой зарубил.

А патом тода говорили, не знаю, правда это или нет, что бабин Акулины етот уже брат помогал. Кто говорит ен за красных, кто не-е за красных... И никак нельзя тоже было его хоронить, никак нельзя. Ен уже вонял, никак нельзя хоронить. Как они уедут куда-то яще, они уедут, патом опять возвращаются. И вот в Ядринске на кладбище, счас же коробочку делают такую. Бабин Акулинин мужик сделал яму два венца, как дом сделают и похоронят. И хрест большой takiej сделал яму и коло чаремухи похоронили. А чаремуха все росла, цвела так! А ягоды наросло! Ягоды по бобине, крупные! Мы раз с братом Витькой пошли, набрали их. А баба Дуся, Витькина мать, моя уже тетья, говорит: «А где вы таких крупных ягод набрали?!» А мы говорим: «Ну где?! На кладбище. Там такой куст у Артема стоит» – «А бляди ж вы таки! А что ж вы наделали!» У нас с карманов выгребла всю чаремуху в свой передник... или как яго там... фартук, и курам все снесла, куры прибежали и начали клевать все. А нам жалко-жалко. Такая ягода крупная была.

А патом они поехали туда по тракту, в Минусинск, вот в Коях их не было в тех деревнях. А в Потанином, ой! Там какого-то начальника ихнего убили. Так они всех там мужиков, кого поймали, поубивали. У нас яще не так, а у них всех мужиков. Вот сват говорил, где-то яго кум попался им, убили. В лощине патом лежал ен, кишки все вывалились. «А, куманек мой, – говорит, – а убей меня, что б не мучаться». А ен говорит: «Ой, нет! Милый мой куманек, не могу я тебя убить. У меня рука на тебя не подыметя» «Добей меня, добей! Помоги мне мне смерть легчию найти, пожалей меня». А патом яще дня два ен мучился, умереть не мог. А что – молодой, сильный был. Так два дня яще помирал. Помучился прямо там в лощине, нельзя было подбирать, боялись. Похоронили патом только, через несколько дней, кода они ушли. Трупный запах стоял, это ж не один такой случАй был.

Всех, хто поһиб, патом поминали 12 июня, день такей был поминаль-ный день. Красные флаги вешали. Колчак ушел, всех собрали мертвых и похоронили в одном месте, на горе, там убивали и добивали мужиков ихних. На горе и возле ручья и собирались апосля каждый год, поминальный день был. Красный флаг вешали и поминали все, все Потанино собиралось в тот день.

В Бажеи, говорят, сожгли тода все дома, и у Потанино тоже пожгли. У нас-то и была одна улочка, токо одна улка в Ядринском, восемнадцать доми-ков было. Заново обстраивались люди апосля. И церквушку в Баджеи сожгли, так ее и не отстроили на том месте, теперь там школа стоит. Вот было б церкви сто лет через год.

Наши тода еще как уехали со Смоленской области, то поехали в Пота-нино, понравилось, остались. А дедов друг остался в Ласогорке, там где По-косное, Чистовитое там. Поехали они туда, мама тама нянькой была, маль-чишку нянчила одного. Мама-то хромала тода, он сказал: «Оставьте мне Марусю-девочку».

У него мальчишка уже большой был года полтора, а маме лет десять. У них был дедушка и бабушка, а эти молодые уже отдельно. Они к ним ездили с ней, говорит, по ягоды. Он запряжет им коня и – по чарнику. А чарника крупная! Говорит: «Оставайтесь здесь. Мы вам хату срубим. Там как не гля-нишь в Заманье у вас, все туман и туман. Все дожди идут. Как вы там живе-те? Тут хлеб у нас хороший родится». И там бабушка Кристина тода поехала туда, нашей бабушки мать. И она тама умерла. Она все говорила: «Умру я уже здесь. Кода умру, если уже собираетесь сюды приехать, хоть изредка ко-да на мой бугорочек приедьте, придите». Мама говорит, так никто и не прие-хал. «Она нас, – говорит, – всех вырастила».

Баба Анна, она была как уже взрослая и дед: «Поедим туда в Ядрин-ское, узнаем, как и что там делается». Поехали и нет. Говорят: «Поехали и нет. Что вас так долго нет? Мы вас ждали». – «А мы, – говорит, – опять лес заготавливали, избу делать будем себе». – «А что вы не останетесь у нас. Мы вам и хлеба дадим посеять зерна. В нашей стайке поживете, большая была у них стайка. А мы все сделаем на время стайку. Дом построите, обустроитесь, поможем». Нет! Загазила баба Анна опять сюда, вот снова и приехали, как-будто притулится негде было. Звали ж, не-е, вернулись они сюды. Там им не нравится. У них и зерно такое уродилась хорошее. Нет, поехали обратно. Они дали две курицы им и тяленка, апослЯ яни поехали за ним. Вот с этого коро-ву развели. А курица высидила цыпляток. Девять яиц и вышли как в сказке девять цыплят: семь курочек и два пяташка. И у нас уже куры были. А кобы-ла у них была, осталась, не нашли ее не угнали колчаковцы. Ну и ящик тот разломанный подделали. Они его не разломали, токо залом сделали. Так этот ящик и был, я же не знала. А патом мама мне рассказала.

А патом ихнего брата, бабы Акулины мужика, сказали как ен преда-тель. Он как... сами не знали они. Его сослали, они сказали, что он против советской власти. А он ни против Советской власти. Он ни за коһо. Люди... что сказали, то и делали, и ен делал. Прятались люди, ну, жизнь свою спаса-

ли. Его все равно забрали. Ну и сослали. Так она с сыном и осталась жить одна. Говорили тогда, что он вроде границу перешел, убежал все равно куда-то. Еще раз, сколько-то времени прошло, приезжали, спрашивали, не появлялся он. И слышки были, мужик с Камарчаги говаривал, что их куда-то повязли. Сбегли, сели на чужой пароход и переплыли через границу. И потом, когда много лет прошло, когда уже в институте училась Люба, вызывали, сколько раз спрашивали про него: «Где твой дедушка?» Она: «Не знаю. Бабушка у меня есть, а дедушки нет, я его не знаю». Наверно, такого разговора в семье не было, что дедушка где-то возможно живой, и что с ним когда-то приключилось. А баба Кулина уже одна была, уехала она на Мину. Леспромхоз открылся, а того парнишку доучила. Грамотный был, башковитый, в армии отслужил и на войну пошел и на войне убили его. Люба осталась, как я, с сорокового года, без отца. И вот у нее про деда спрашивались, вызывали сколько раз, спрашивали. А она начагошеньки не знала. Как его тогда забрали и все.

Жизнь перед войной

Токо наши разжились немного. Купили грабли. В тайгу ходили, на базар возили орехи, белку. Маленько разжились, плуги купили. А тут колхоз, всех – в колхоз. Некоторые хитрые были отцы, что продали на сторону втихую и накупляли себе, детям своим всяго. И кофты ситцевые красные. Уже заранее, как узнали про колхоз и девок своих одели. А наш боялся, не стал хитрить, все на честность. Наш отец, мама говорила, что ты, он против Советской власти боялся идти, знал, что расправятся быстро. Как тогда Артема сослали и не увидели более. А как патом дяттей подымать без батьки? Тяжело! Страшно згинуть было, ни кола, ни двора, ни флага, ни родины не будет тоды. И семьи лишишься, и жизни. Говорили, и убивать будут, и ссылать, нельзя супротив идти. И зерно последнее отдал, они голодные остались в тот год.

На фото: Соболева Алена с детьми: Марфой, Володей, Петром. Снимок сделан в 1934 г.

Одного судили, рассказывали. Хорошо у него в милиции знакомые были, да дяттей у них десять было. Заступились, слово замолвили, так отсудили, отвели беду стороной, обошлось все. Втихую посеял в лесу зерно, убрал и спрятал, а яго друг донес на яго. Такой неверный, нехороший друг оказался. Галмун, нехороший, ну, ненадежный. А что ж: десять душ дяттей, есть охота, а что там на трудодни былО. Это у них яще хорошо парни стали подрастать, да в лес по белку, орехи хаживали, сдавали, так и выжили. Правда, у них умерло двое дяттей. По болезни, раньше не было больниц, выживали сильнейшии. А заболеют, так не всегда можно было помочь. Не всякая бабка не от всякой болезни могла нашептать.

И наши все отдали в колхоз: и плуги, и сбруи, грабли, борону – все отдали. И зерно все, которое было, отдали наши. Другие хитрые и не боязливые, попрятали. Ну, кто смог так сделать. А как это без хлеба остаться. Хлеб не зря кода-то называли живица. Есть зерно, намолишь, лепешек спякешь – уже живой, и сила работать есть. А голодный, что ты сделаешь? А наш батка, мама говАривала, был такой неразвитый, да и боялся. Ну и ссылали, коли поймают, не все могли отвертеться.

Земля вся делилась. Там одной организации, там – колхозная. Одни наши, другие казенные поля были. Здесь наша, а там кардОн. Граница устанавливалась и на пастбище, и на лес. Мы на своей тока земле могли лес валить и пасти коров, нельзя на чужии залазить. Если хочешь лес валить у них на избу, то билет выписывай. Мы, колхозники на трудодни работали, а они на деньги. Раз пасли мы с братом Витькой коров, да попали на чужие земли с етими коровами, а там отава такая хорошая. Коровки хватают и хватают. Нам, один говорит: «Здесь, нельзя пасти, здесь зона». Ну, мы за етих коров с Витькой и поперли подальше, на Мельникову лощину и дальше. Там вывалили лес, а сечас подрос, валят снова деловой строевой, небольшой такой. Вот за скоко вырос лес за лет шестесят, не меньше.

От колхоза тоже посылали лес валить. Отделют участок совсем в другой деревне, ну, за деревней в лесу и работай. В войну так бабы пачитАй одни работали, мужиков-то в основном забрали. Вот наших девак посылали. В Кедровое, в Скотопрагонное посылали. Работа сезонная. Колхозу давали план, вот стоко надо колхозников отправить в лес. Ну, и посылали.

У нас Андрей Макарыч, директор, отпускал хлопцов-колхозников маленько подзаработать. А как Хромцов Васька купил сябе часы! (смеется) На него: «А че ж ты ватовку сабе не купил, а часы купил? Надобность разве?» Ну, ватовку, фуфайку, ну, тялогрейку, надо было купить. «А, мой миленький сынок, а все равно, тебя по твоим часам не отпустят домой. Купил бы лучше сабе ватовку новую и в Бажей бы ходил нарядно».

Раньше все колхоз и колхоз. Баба Дуся работала, нас яще дявчонками водила за сабой туда: то полоть, то копны класть. А токо трудодни давали, денег не давали. Ну, и патом организовался совхоз. Дали по тридцать или по пядесят рублей, через сколько время, тесть Вали Шашковой говорит: «Евдокия Константиновна, вам надо деньги получить». Она: «А я ж уже получала». – «Получала ты? – он постоял-постоял, – да это не то. Вы скоко раз получили?» – «Один раз». – «А то яще получать надо». – «Ай-ай, яще говорят нам деньги получить!» Говоривала она: «Если б я давно так работала. Ну, как при совхозе стало, то у меня на каждом пальце по золотому кольцу было. А то в колхозе-то не платили, здесь трошки побыла». А в колхозе дадут тама чуть-чуть чаго...

Выживали люди... Какое там зярно! Слезы одни! Мякины какой дадут на балтанку. Не жили, а выживали люди. Хорошо у каго знакомые были в Кядровом или на Жайме, где привозили продукты, так можно было по знакомству какой крупы купить, если деньги были. Кто как добывали деньги. Кто извесьт жег, продаст чуток, кто в лясу белок настряляет. Так что жили

ниче те, кто на смоле работали, да на золоте, ну, в лесхозе деньги давали. У кого батьки погибли на войне, то на дятей немного давали денег. А без денег что ты купишь, как и сейчас – ничего.

Зимой возили от колхоза продукты на золото. Деда Панаса, свекра моего, заставили туда груз возить. Ну, и он с кем-то решили от туда, с мешка, маленько муки, крупчатки отсыпать себе, а туда каменьев наклали. И надо было семье как-то подмочь, а боялся. Патом повезли, сдали. А какая-то милиция апослЯ приезжала к нам, так он подумал, что это за ним. «Заберут и мои совсем дети пропадут!» – говорил. Блинов яще не напакли крупчАтки, а заберут уже. Не зря говорят, что на воре и шапка горит, знает кот, чье мясо съел. Но так все и прошло, никто ничего не узнал. Взяли муки отсыпали и дырочку сделали, что вроде по дороге сама высыпалась, и туда железину такую болванку пихнули. Завязли они на Жайму, а тама сказали, что б дедов воз везли на пякарню. Так он скинул и на коня, и скорей дамой. Только и видели. Говорит: «Сечас скажут, твоя же мука! Ты вез!» А там и другие привязли, да и обашлось так все.

Здесь в Потанином была перевалочная база, с Камарчаги привязут. Начальник оттуда отпустит им оттуда. И патом здесь на конях на Жайму, на золото. Дорогие были, ой-ой, и они просили колхоз привозить им туда. Ну, платили, наверно, чем-то колхозу за это. Може продуктами и мы ходили туда покупать. Подживался немного колхоз. Там же, что ты, богато жили, богачи были. И спирт бочками возили, не тока продукты, и рыба уже тода была. И крали, не все честные были. Ну, те, кто перевозили эти бочки. Пробьют бочку со спиртом и нацЕдят себе, кто трОшки, а кто и наглел.

В годы войны

В войну все худо жили. Сразу надо сказать, жизнь плохая была. А у кого дятей было много-то, совсем плоха. Мы яще ниче жили. У нас три коровы было и нас трое дятей, мама, да баба. Своих две коровы и корову привели от бабы Дуси, кода яе посадили в тюрьму. Вот и дятей двое ее было, я одна была у мамы с бабой. С двойне, девочка вторая пАмерла, родилась мертвой, я жива осталася.

А у других дятей много, мужик на войну ушел, и худо было. Дети в школу босые ходили до снегу. Раз пришли в школу босые, а уроки закончились, вышли, снег ляжит. И заборами пошли, кто босый был, по заборам пробиралися домой. Весной было, растаял снег и снова напал. Как таить начанет, все, босяком пошли, по проталинкам бягишь, на заваленку где вскарабкаешься, погреешься и вновь пробираешься.

А в школе была учительница одна на всех, учились в две смены, кто помладше и кто постарше. В Потанином была школа до чатырех классов, а в Ядренске нет, так в Баджей ходили. Ну, у нас ведь одна уличка была в Ядренске, восемнадцать домов, а в Потанином побОле, ладного и не одна улица. Там и, кода колхоз стал, отделение было от колхоза.

Наши парни патом с колхоза на золото пошли, разжиться бы можно. На золоте деньги давали, те, кто там работал, жили ниче. Ну и наши пошли туды, а тут война и на войну они ушли. Всех отцов забрали, всех парней. Если бы наши на золоте работали, то наша баба на них получала бы ничего, а то в колхозе и на мама она токо получала сорок рублей и все. За отцов получали бы за погибших хорошо, если б они на золоте работали. Если легистрированный был с мужиком, то давали на дятей за погибших отцов деньги на жизнь, а если так жили, то не давали.

Войну помню с трех лет. Отца-то как брали не помню, а так помню. Все помню, как волки приходили, как я тонула, как отец письма присылал, я все руку свою обводила, рисовала, яму посылала. И что ж так больно, отец всю войну прошел, война закончилась в мае, а яго двадцать третьего марта убили. В сорок первом призвали, всю войну прошел и убили. Он с десятого года был. Сначала похоронка пришла. Я хорошо помню, все сидят наши и плачут. И я плачу. Отца-то я не знала, полтора года было, как ушел он на войну. Не знаю, что значит отец, но знала что должен отец быть. Но писал нам, я руку все рисовала для него. Один раз он платочек мне прислал, в письмо вложил. А послЯ пришло письмо от друга фронтового, писал он, что бой был тот, где отец погиб, самым страшным за все эти годы войны, много людей тогда тама полегло. Вот и отец погиб там.

Да, много мужиков тогда не вернулось домой с той войны. Овдовели жены, осиротели дети, без хозяев остались дома... И не знаем где он похоронен, где полег. Если б мама была грамотной, то може прочитала б. Похоронку не сохранила. Да и у многих так. Попогибли и не к кому на могилку было сходить.

Посылки с Германии посылали, хорошие сначала, а патом уже не разрешали. Отец не посылал, а дед Шевернев посылал. Раз маме сказали, посылка пришла в Шало. Ну, пошли пешком с одной тама Марьей Воробьевой. Дня два шли туда и обратно стоко же. А тама токо чатыре килограмма сахару. Присылали мыло, сахар, много тряпок всяких. Мама все перешивала патом. Отец не присылал, это Петька наш Шевернев присылал, брат мамин. Один раз, помню, сгущенку прислал, так мы объелись. А хотели-хотели, пальцами и лижим-лижим. Укусно, очень вкусно!

Он рассказывал, что припутал немца на складе где-то. А у деда все сапоги порвались, он и забрал у него сапоги на складе сапоги были. Он кричит: «Как я отчитываться буду за них? Они у меня на щету!» – «Вы на нас напали! Не мы! Моего бы здесь и духа не было, если б вы не пакостили так. Давай сапоги! Мне еще воевать надо!» И забрал у него сапоги, выхватил и пошел. И говорит, что подкрутил портянки, одел сапоги новые и думаю: «О, я еще сейчас поваюю».

Вот дед Шевернев тока вернулся у наших и один зять токо. У бабы моей было шесть зятьев и токо один вернулся с войны, остальные все погибли. И то ен больной етот зять вернулся и вскорости тоже помер, болел после ранений. Тот не пришел, тот не пришел... Ой, много не пришло народа... Дед пришел без одной руки. Его тоже призвали в сорок первом, перед победой

его ранило, уже кода они в Германии были. В госпитале лежал, после домой, двадцать восьмого июля приехал. Ходили яго встречать в Баджей. Помню, как бегали его встречать, хорошо помню. Мама говорит: «Нечем, брат, тебя вкусным угощать. Творог, сметана». А он в ответ улыбался и говорил, что это очень вкусно. Нам сказали, что ваш Петька возвращается...

Долго все рука болела. Мама наварит мази, кока вытягивает всяку гадость с тела, прикладет, выходило с руки крошки железные. Я подсматривала все, кода перевязку делали ему.

Лето, тепло. Мы с ним постелим тряпку и ляжем на солнышке греться. Я пойду, нарву цветов желтеньких у ручья и обкладу вокруг яго и говорю: «Все, дед, немец к нам не придет. Я все заслонила». Он смеется.

Дед Пафана́с, свекр мой будущий, пришел хромым, нога не гнулась, дыбарем стояла. Дыбень-дыбень... А ногу он выбил, кода вязли их на фронте, в тралейбусе. Командой значит. А ен маленько прикемарил, ну приснул, и те вышли, тама приостановились, и команда вся выскочила, а ен кимарнул. Яму, говорят: «Ты проспал, твои ушли». Он в дверь выпрыгнул на ходу и на бог бах и ногу выбил. Яго подобрали тама: «Ага, ты дизяртир, курва». Его и лячить сильно не лечили, можно было послать в госпиталь, но приняли-то за дезяртира. Да, може и судьба была так живым остоца. Те хлопцы, что с ним в команде были никто не вернулся тогда, всех за раз побили. Ну, яго на военный завод отправили, на станцию Юрга, вроде Кемерово это где-то. Что мог, то и помогал. На станке то он не работал, а опилки вынасил, подметал. На войне был до этого. Они с Тамаркиным Семенковой батькой вместе были в Беларуси. Дед Афанас был крепкий был, шевелился, а тот ослабший был и зимой так и замерз, он под кустом к Урчиком так и замерз. Шибко холодно было зимой, не знаю, в каком году, но это уже ближе к победе, може сорок четвертый. Дед Панас не боялся, крепче был, шевелился, а тот слабый был, обессилил и присел там. Яго комисовали, военкомат яще раза два, али раз пять вызывали, а он с палкой придет. «Ты что, Семенков, все с палкай?» А у него нога не паправляется, так и никада не зажила. Если полечили, вставили бы ее, он молодой... и срослась бы, а то так. Да, а кода до войны работал в колхозе, то первый косец он был. Сильно много выкашивал руками, ловко у него и быстро получалось, сильный был и выносливый. Бабки яще говорили: «А, божечке, а валит ту траву и вали, валя и валя, а ряды, а ряды толстые-толстые».

Три года мне было. Маминой сестры мужа брали, Федора, Дуськин мужик. А он промысловатый уже тогда был и они хорошо, богато жили и тогда. И уже помню, как ето было, как на войну его брали. Где-то в сорок третьем году было. Знаю, мы шли к ним в гости, к Дмитриевы они были. Сказали с тертой картошки галушки ись, баба Дуся позвала. Мы ишли, а он тратувар делал. А раньше тратуар как делали, не з досак, а круглое брявно и он с той стороны и с той почеше. «Идите-идите, гости», – и говорит и яще что-то сладенькое взял с кармана вынял и сунул мне. Там у няхо яще табак выпал, ен обтер-обтер и дал. Что-то сладенькое, как конфеточки, какие-то длиненькие. Они-то побогаче нас жили уже, ен на золоте работал.

На фото: Дмитриевы: Федор и Дарья, их дочь Лида. Снимок 1933 г.

Мы пошли в дом. Баба Дуся нас кормит, лезла в русскую печку ухватом чугунок выняла аттУда такую кашу с тертой картошки и молоком залила. Ой, вкуснЯтина такая бЫла! Поели мы с Витькай, это их сын, брат мой. «А ну-ка, дети идите-ка сюды». Мне было три года, чатвертый, а Витьки восемь уже. «Подбирайте все эти стружки и в баню нясите. Будем в бане топить». Мы, знаю, такая тряпка была холщевая, мы все сгрузили на ту тряпку и понесли уже в баню. В баню понесли и патом начали играть. Я не знаю, какая-то игра была... орех, орешка, баран, овечка... сделаны из досточек, кидаешь, если уже попадешь скоко раз в такую тарелку, значит выигрываешь. А если не пападешь, то уже уходишь, другой уже садится за стол. Легенькие такие, из дерева сделаны, как козочки таки: баран и овечка.

Помню, как он на войну уходил, ен меня на руках подержал и Витьку погладил по голове. И кони были, три коня и сел на тялегу. Там много уже мужиков сидело. И баба Дуся села, провожать до Баджея. До Баджея они провели, тама яще гармошка играла, ну до Баджея. И их повезли в Камарчагу, наверно, а патом уже куда распряделили.

В войну на завод даже отправляли. Настю Макаренку, Настю Сипулину отправляли. Сипулиной тода разбили голову, так и осталась она одна, никогда и замуж не выходила, ниче. Ну, на заводе работали, это была военная обязанность уже. Настя говорила, что ей год приписали, она не должна была пасть на завод, не подошла годами. А той женщины надо было отправлять две девки, а она в сельсовет, подкупила, там масла дала, барана. И все их оставили, а Настю отправили и год не так сделали, все подправили наперед. А там план был, например, с нашего сельсовета десять чаловека, с другого тоже. Вот кто-то и подкупал. Настя бедные были, десять чаловек семьи было, все, откупится нечем, подмазать нечего было... Выжили...

Люди вяселые были, победили. Такого врага одолеть! Что-о-о ты! Единство было. А щас портит людей телевизор, магнитофоны. Насмотрятся всякохо и творят шо попало. Раньше говорили о недоразвитом, ну полуумном человеке родила карова телка, да не облизала. А щас и не знамо что сказать можно о многих. Особенно о молодых, злых много, завидуют, злятся, дярутся, скандалят... что зазря. Жить надо мирно, жалеть человека надобно, тода и тебя бох пожалеет.

Арестантка баба Дуся

Еще помню с детства, как... мама заболела, а мы с бабой Аленой остались и Витька, а бабу Дусю-то в тюрьму забрали. Три килограмма пшеницы взяли в сумочки. Ток у нас был у колхозе, там нде молотили пшеницу коня-

ми, на муку. Она взяла, а она как старшая уже была на работе, а тея девчонки тоже в сумочки насыпали, в которых обед брали себе: лепешки, да молока бутылку. А эта женщина идет и говорит: «Что наворовались, набрались?». А они говорят: «Да, набрались». А набрали дтям на кашу. «Я пойду в сельсовет и заявлю на вас!». Им надо было нести все домой, и, может, все обошлось бы. Они не принесли домой, а взяли ети все сумачки покидали в яму силосную. В яму силосную покидали и пришли домой. Она, вражина такая, эти сумочки-катомочки подобрала и понясла в сельсовет. Им надо было несть домой, мож, и обошлось ба, а они испужались, да покидали катомачки свои. Их по сумочкам и опознали, доказали по сумочкам. А так нет сумак и нет ниче. Смотришь и обошлось бы. И их вызывают. И посадили. Бабе Дуси два года дали, как она уже старшая была. А эти дявчонки по скоко им по пятнадцать, по семнадцать може лет, им по году. Бабу Дусю уже посадили. А Витька с Лидой остались у нас.

Колхозное все, строго очень было все, по законам сталинским все. А поесть не хватало, там на трудодни дадут немного, маленечко че. Выживали люди. Мама говорила, что бывало здесь возле деревне хлеб не убирали яще, а он выспел, яго яще побьет дождем, собирать надо уже. Он обсыпется и гнее под кустом, а подобрать нельзя, сразу посадят, если себе уже подберешь. Смотри голодными глазами и терпи, мимо проходи, а то не здобровать. А не дай бох, ты взял, все: посадят непременно. Воровать воровали, но и воровать уметь надо.

Баба Дуся с тюрьмы пришла, все пела песню:

«В Красноярске тюрьма большая,
Народу там не перечесть,
Ограда каменная большая,
Через нее не перелесть».

Два года отсыдела, да говорит: «Хорошо, что коров доила, так тода я и отжила». При лагере было, коров доила она тама. Говорит: «Посмотрю, никого нет, тода я напьюсь-напьюсь, ладошкой напьюся. Дою-дою, патом ладошкой и напьюсь-напьюсь молока. Опять дою», – говорит. «О! – говорят, – на совесть вот эта женщина». А она напьется молока. Говорит: «Напьюсь так, что накланюся коров доить, а мяня Ажно рыгать тянет молоком». А патом ходили картошку копать. Накрадут. И турнепс рвали, и свеклы. Один им втихушку говорит: «В етих воротах ждут вас, проверяют контролеры». Она говорит: «Я тода ету сумочку с рукава, да через забор все». А патом пришли, бабе Дуси: «О, женщина, так женщина! Вот это деревня, вот это деревня! О, ловкая!» Как начали ее подкидывать на «ура». Говорит: «Я ети свеклины через забор и ниче нету». А у нее руки замараны в свекле, говорят: «Что ето тут такое?» – «Мы ж, – говорит, – свеклу убирали». Приехала, дом сохранили мы. Она тода корову уже взяла и дятей забрала.

И кандалы были, таки с лычки, с бересты сделаны. Она пришла в них, холодно было уже. Она токо уйдет, я в ети кандалы. Они широки были кандалы и тут на вяревочках запутаны. А кандалы з дерева, с лычки. И я хрюг-

хрюг, побягу. Побегаю-побегаю, смотрю на них, какие они интересные, эти кандалы.

Со своего хозяйства масло надо было сдавать, мясо тоже, яиц сотня. Норма была для всех, на каждого чаловека скоко налог, на семью. Там где дятей было меньше, то полегче было. Да, у кого дятей много, молочко ели бы. А тут надо отдавать государству. А если много дятей, корова-кормилица, а тут надо сдать масельца десять килограмм. Принимали в центре, был человек такой, приемщик, а у него машина и увозил. Тяжко было. Мясо сдавали, кого держишь, того мяса и обязан сдавать. Яйца, мясо и кожу сдавали. Знаю, мама быка сдавала летом, он че-то захромал. И распределяла за кого сдать. Кто пришел, за таго и сдавала. И этот бык уже пошел государству. Сдали и мы уже не должны стали. А патом за кого мы отдали, они осенью мясом же и отдали. Деньги ж откуда!

Ну, вот посадили бабу Дусю, остались Витька, Лида. И корова у них была, цыплята под пачуркой сидели, остались. Корову уже привели к нам, к бабушке, детей тоже. А этих куда, цыпляточек? Собаку... у них был там, привязанный Музгар, как помню, рябый такой. Мы все з дому носилии яму ись все, этому Музгарке. Цыплят мы с Витькой ходили кормить. Кормить кормили, а пить не давали. И что мы не понимали, не знаю. А бабе некода было проверить. И куры сдохли все, две токо отжили чуть-чуть, пятах и одна курочка. Ну, и они у нас погибли. А кода баба пришла... А мы им высыпем сюда пред печкой и: «Куры-куры кур-кур», – им яду: картошку-мяшонку. И они уже выходят. Те выскачили и нету. Мы говорим: «Мыши съели, наверно». А они там ляжат мертвые. Непитые, вот и померли.

И в ту зиму наша баба пошла коровам класть. А чугуначка-печка... мы с Витькай кавардешек пякли, картошку пластиками пякли. А я была такая толстая и у мяня платье-клешь. Я к этой печечке, и загорелась. Загорелась я вся, ну этот сарафанчик загорелся. А Витька-то не тушит, ну, вывел бы меня на улицу, зима. А ен побегал в загон: «Баба-баба, Галька горит». Она с вилами бяжит кА мне. И так: «фу-фу» и рвала на мене платье. И по животу были ожоги. Порвала платье, положила меня на кровать и посыпала меня каким-то, не знаю, чем она посыпала мяня. А болело, а болело! Я ногами дрыгала. Ну, не знаю, скоко мне лет было, года три-то было. Я смотрю на живот: красными пятнами. Не сильный так ожог был, до коленочек и ладошки. Я тоже сама тока пыталась тушить себя ладошками. И долго я патом болела, а мамы не было. Маме сделали почки операцию, и маме не было. На почке нарыв был, разрезали, а там гной и все: таз вышло. Сказали, что, если бы вовнутрь все пошло, то не выдержала б.

Приехала, а я хочу около яе полежать. А я же ляжу и ногами дыр-дыр, ворочиюсь, юлозиюсь. И патом она говорит: «Иди маленько погуляй вот там». А я снова к ней, как прыгнула на кровать. Тут печка была русская, я и прыгнула с нее. Она: «О-о-ой-ей! У меня че-то оторвалося». Баба пришла, мне надовала тумакОв, подшлЕпникав. «Мамка болеет, нехай атдыхает. Не лезь к ней». Я не знала, что у нее болела, не понимала яще. Маме уже лучше стало, начала сидеть, а я все равно хочу коло ей посядеть трОшки. Она сидит,

знаю, а я к кошке, кошка была на морозе ушки отмарозила. А я за кошками! Вот сячас их не люблю, а тода млела. Мама ляжит, а я потихоньку открою одеяло и под ноги эту кошку. Ну, что б тепленько было, что б у нее ушки заживали, не болели.

У нас своих две коровы было, да и их корову привяли. Сено косили руками около дома. Мы малые, а приходилось охапками носить к копам, собирать это сено. Мама на работе в колхозе, мы, дети, с бабой Кулиной, она уже старая была, управлялись. Мы с Виткой подем, грябем уже, поворочиим. А баба Дуся придет уже позно-позно, кода дома она была, до тюрьмы и апосля, у ней силы больше было. Мы подносим и эти копушки уже складем. Где на мяжах, где около дома, так и косили все. Косили раненько, вставали ишли работать. А тут и без нее пришлось.

Про брата Витьку

Еще хорошо помню, как Витька петли на зайцев ставил. Говорит: «Пойдем петли проверять». А я взяла, да и увязалась за ними. Он с парнишками пошел, Соболев Ленька и яще кто-то. Они прошли через кладку, видят, что зайцев два с этой и с той стороны. Прямо тропочки были натоптаны. А я ж не пошла по кладочке, а пошла ту-ту-ту по вдоль, поперек речки. Бягу, и как помню, лед пруту-ту-ту. А глубина там такая! «Ой-ой!», – кричу. И знаю, как помню, уже почти пошла под лед. А там палки в речке, вот на палках стала и ору, что есть мочи. А страшно стало, жуть. Они ко мне прибежали, а боятся подойти, лед надломится, и они утопнут. Какую-то палку там принесли: «Цепляйся за эту палку». Я за эту палку уцепилась и они меня ту-ту-ту и так-так этой палкой продирается лед, меня да краю дотянули и вытащили.

Белые валенки были. Все мокрое, думаю: «Меня мама убьет за них». Выляли ети катанки. «А кА же мне сячас быть?! Это ж меня ругать будут». Они же сядут валенки и все. А на мне уже все это ляденеет и шубка самошитая обляденела вся. «Пойдем скорей!» Этих зайцев на плячо и пошли. Идут: «Не пайдем к Лельке (к маме моей уже), а пойдем к нам. Маме нет дома, мы хорошо печку протопим и просушим тебя».

Ладно, сушим. А как же! оно не сохнет ничаго. Баба Дуся пришла, да в эти катанки палок наклала туда, что б не сели. И в печь русскую положила сушить. Печь русская спасением была. А патом Витка и говорит: «Галька чето, Лелька, заболела, пускай она у нас ночует». – «Ну, ладно. Ай-яй-яй, а что это она там ночует?!» И вот не помню, узнали все наши или нет патом. Ругали мяня или нет, не помню. Или ничаго не узнали про это схождение.

А я мяса зайцев этих не ела. Жалела их. Как попадутся, они бедненьки прыгают там, пищат. А их патом подходят и палачкой дабивают. А мене жалко их.

Яще много было налима в нашей речке, не то что тятЕряча. Серые таки, в нашей речке, ето сячас она уже стала, а раньше широкая была. Делали проруби, особенно к вясне. Она же сама в некоторых местах рушится. И вот

Витка делал как коромысло так и крючки насадит штук шесть. И как они нацепляются на эти крючки, ен их не унесет, чуть-чуть волокет, волоком волокет тогда. Волоком волокет и домой тянет тогда. Да, пришлось ему поволочаться, помогать нам. Короткое детство было у многих тогда. Блажен, кто смолоду был молод и кто вовремя созрел. А здесь взрослеть, созреть приходилось раненько...

А я их до чаго боялася! Они, налимь эти, оттают и начанут дергаться, хвостами бьются. Да таки большие сами! Сантиметров сорок-пятьдесят наверно. И бьются, и бьются, и шевелятся. А тут деревянная кровать стояла, они к деревянной кровати, к моей, где я тут. А я тогда подпрыгиваю, встаю и кричу криком, что они под меня, думаю: «Щас они меня или укусят или че».

А патом их добьют, насолют. Такая бочечка, целая бочечка. Он же па-читАй каждый день ходил, може не каждый, но часто. Бочками солили. Ой, как они бахают хвостами, они мокрые, хвосты, скользкие. Как шпокнут, так шпокнут! Ну, почему я боялася, не знаю. И жарили, на сковороду, а патом молоком зальют туда и солькой посыпят, и сметаны. Картошки целой наварют. Обьеденье! За уши не оттащишь! А с них вкусное мясо! Ох, вкусное! Особенно в войну, было целое спасение. Бох давал людям: и черемша была, зайцы были и рыбки наловют. Коровка своя, у всех коровы были, сметанка, молоко. Картошки наварют. Вкуснятина! Все, можно выжить.

Всяк нажились. И саранки ели. А вкусные были, сладеньки. Баба Дуся... мы как-то мало. А баба Дуся на поле и накопает саранок. А саранки- то были во-о! как кулак. А раньше они были большие. Сячас сараночку выкапашь, она какие-то тоненькая, болезненная. Или условия таки для нее неблагоприятные. Баба Дуся вымает их, и мы с Виткай сидим и чистим, там пленочка на их.

Кавардешки ели. Мерзлая картошка, выжмешь, яиц туда набьешь, молочка маленька. У каго мясорубка есь, хорошо через мясорубку. И наделают котлеток таких. Вясной, она уже не мерзлая, но жижишкой такой выдет с нее, а остонется черное такой, крахмал там останется. У кого нет мясорубки, толкли толкачом. Как котлеточки наделают и нажарют.

А я с мальчишками больше как-то все играла. А у нас на горе сделали каток и санки большие были. Маленьких-то не было. Мы катались па шесть чаловек з гары. Ни здесь у центра, а з горы к лесу, там где возили дрова. И как-то мы едим на таких санях и так они разогнались, что не останавить. Кричат: «Падайте!». Мы все скатились, а Иван яго звать... он такой... таптун яго называли...и не спрыгнул. Как врезался, пальцами в дерево на этих санках. Все пальцы на одной руке выломал косточки эти. Плачет, больно и баит-ся домой идти. А патом дома говорит: «Это мене так посадили и разогнали сани».

Мы яще тут катаемся, идет отец яго нас бить с кнутом: «Вы, что Ивану сделали?» А мы говорим: «Все кричали: «Прыгайте!» Все спрыгнули, а он остался». Сани длинные, раз сани разогнались, надо прыгать же. «А он впереди сидел. Почему он не спрыгнул? Все мы спрыгнули, а он не спрыгнул». — «Все спрыгнули, а он нет? Ну, я яго возьму и етим бичом отхажу. Если ен не

умеет ездить, дурачок, то и зачем спер на вас? Точно вы говорите, что дело было так? Вы яго не направляли?» – «Кричали же мы, команда была прыгать. Уже сильно санки разогнались. Все спрыгнули. А ен не прыгнул, вот так и получилось». Ой, долго эти пальцы у него заживали, кривые и были.

А яще делали, латок назывался. Коровским пометом этим всем мазали, а патом льда. Ой, так неслись. Досточка, впереди две палки, что б держаться и направлять уже. Мы держимся и рулим, как лево-право. Доску намазываем коровским пометом, оно замерзает, патом яще водой обальешь, снова яще говном и водой заливаем апосля. Как разгонимся и та гора, что с Василевско-го, так раскатим что едим с самой горы и до самого низа, окало речки нашей.

У нас не было уже маленьких дятей. А у кого свои, то с собой сядят сзади. А эти шубки растянутся, задубеют. Они нас не грели, тока так, ну вразнамет, тока плечики грели. Домой кричат. Вот яще раз, вот яще раз! Накотаемся вдоваль и придем. Тишина. Что б не видели никто, что так замерзли. К кому-нибудь так маленько забежим в хату, трошки погреться. Сосульки что б отцарапать. А патом уже: «Что мокро?» – «Да не седне не мокрые, суховатые». А как вазьмутся, а там хоть выжимай. И тода все наше шмутья в русскую печь, за ночь и высохнет. Одно спасение было в русскую печку. А мы на печку, что б нас яще пустили. Тишина.

Так хорошо играли, так хорошо каталися. Хоть и не евши – спать. А ись охота, а все равно сидим на печке. «Ну, слезайте ись». Эх, мы рады – не рады! Аппетит нагуляли. Говорят, аппетит приходит во время еды, а тут до еды уже голодные как волки были. А гулять-то охота, вот и не жалуется. Взрослые, конечно, понимали все, как и мы тяпераче... все апосля приходит, с годами опыту-то набирается.

Про бабу Алену

Дед погиб в лясу, каторый родненький. Драл дрань, поджигал костер, что б теплей было, ранней вясной было. А лясинка тая упала и на эту и яго по спине. Кричал крикам, не мог он встать. И хорошо, что ехал какой-то мужик, да тую перерубил и все. Вясной яго так ударило, а осенью помер. Голова-голова и позвоночник, ляжал все. Щас же в больницу б, да голову б, да и снимок бы сделали. А тода че. И говорил он: «Дети мои милые, кладите мне горячую тряпку на голову». А тама у яхо было повышенное давление или пониженное, кто знает... Голова шибко болела. Мож давление было, пониженное или повышенное, кто зная, никто не знал.

И мама говорила, что уже на Михайлов день она хлеб пекла, а баба Дуся и яще другая

На фото: Соболева Алена, Шевернева Мария (мать), Шевернева (Семенкова) Галина. Снимок 1941 г.

сестра ехали, ну, за сеном поехали. Уже батька болеет, так и девки за сеном поехали. Коня было два, две коровы. А ен совсем разболелся, метался-метался и умер. Мы вышли, плачем. И едут баба Дуся и с другой сястрой бабой Анной. «Все татка помер»... тата... батька, отец помер.

Хоронили... Нечего сильно было помянуть. Без водки, не было один мужик в Коях, за Зарзубеем там на хуторах гнал один мужик, продавал. А у него не было тоже выпивки. Ну, и так помянули. Телочку зарезали, рыбы привезли с Коя, кисель сварили, блины черные таки были, хлеба напекли. Ну, ямку выкопали и похоронили.

А патом баба яще замуж вышла, наша баба Алена. А у нее было чатырнадцатъ дятей, чатырнадцатъ родила. Семь осталась в живых до взрослости. Два раз по паре. И я же с пары, и мама с пары. И она вырастила етих дятей. А того мужика тоже баба померла, дети уже выросли, большие были. «Давай, Алена, с тобой жить», – говорит ей. А она: «Ой, мой миленький! Я боюся, у нас дети будут. Я от етих уже чуть отойшла». А он говорит: «Не, Алена, я умею делать, я умею, у нас дятей не будет. У нас двое дятей было с той же-ной, она патом уже болела. Ну и не было дятей. Я умею так делать!» А наша баба Соболева была и тот дед был Соболев, а етот дед переписал дятей на Шеверневых. Они уже Шеверневы, а они не Шеверневы вообще-то, а Соболевы. А он их переписал на себя. Одна баба Марфа не переписалась, патом Лепиной только по мужу стала.

Никаго он не обижал. Один раз было. Дети смяются, что-нибудь за столом. А он взял вербы, праздник Вербное воскресение было, и стебнул одного по уху. Да лягонечко ударил, видно в такое место попал. И ухо раздулась. Ен кричит, больно. «Ален, Ален, я сколько сячас буду жить, я их пальцем не затрону. Твои дети и сама их наказывый. Ты сама мать и воспитывай. Я ж напугался, Ален! Я их больше и пальцем не трону! Делай ты са своими дятями, что хочешь!» А у него свои дети были уже большие, ладные, от семьи отошли уже. Они приезжали патом погостить к нам, приходили сюда. Ани работали на золоте, на смоле, но тут ходили, приючАлись у нас.

Народилось чатырнадцатъ дятей, осталось семеро в живых. А помирали, да и ладные уже были помирали и по пять лет. Тут, кода колчаковцы шли, Поля умерла. Скарлатина, кожа оташла ажно от тела. Прошки лет пять было умер.

Болезнь как зайдет в деревню, все подкосит, дятей в оснавном. Поветрие такое пойдЕт. И тода говорят: «Ой, хоть бы снех быстрее!» Тода насыпет снех, тода болезнь прекращает. Все дети перекотаются, у кого сильнее и как выживают, а етих всех уже всех похоронют. Прививки не делали, а болезнь зарозная. И тиф был, и скарлати, какой только нахАбы не было.

Раз у Гали Ибрагимовой мать болела тифом, у нас не было. Так меня шибко ругали, я ходила играть туда. А в тиф голова болит. Некоторые даже дураками были. Некоторые отайдут, а другой так и останется дураком...

Хотела последнего подушкой удавить, баба призналась. Говорят же, как женщина покормит грудью, уже ей сильно жалко етого дитятка стано-

вится. Так и остался он, самый последний. Под пядесят она родила яго. Слабый он был, но выжил. Он с двадцать сядьмого года был.

Про маму

А наши коров дяржали, продавали. А приезжие, начальники все по смоле, у нас молоко брали. И сказал один: «Може ваша дывчонка будет работать?» Ну, он видит, что беднота, да все. Мы не так-то яще бедно жили, но все равно. Баба все как-то придумывала то сандалиии из кожи сшиет что, то шубки-дубленки выделявали из кожи и красили корой. А как они мне надаела эта дубленка! От Витки останется, а мне донашивать приходилось. А я не любила донашивать, плачу. Витька куды уйдет, а я яхоную новую померю-померю. Только он идет, я скорей на гвоздик... Ну и вот начальник говорит: «Пускай, Гавриловна, ваша девочка идет убирает. И заработает». Мама ховорит: «Я с удовольствием!» И пошла работать, кантора была, чей-то дом, и там.

Ну вот, мама наша работала уборщицей. У нее нога болела, вот выломали ж ногу, с коляски ее скатили под мост, с тялежки. Надо было хорошо сласть, а склали так. И все она у нее болела, как разболится, походит маленьки или з дитями понянчится. А раньше че, Манька дома, хромая, з дятями нянчий. «А меня, – говорит, – вывудят они, парнишки были». Так нога разболится к ночи. Так вот один знакомый возил ее в город. Гибс накладали, не ламали ногу, но как-то наклали, чтобы маленько лучше срослась.

А баба Алена лячила людей, дятей в основном и попросила одного: «Возьми Маньку, на работу можь вОзмешь». Сейчас Маруси, Маши, а раньше Манька. Он и взял в контору, там домик такей был. Живицу там принимали. И начальник там был. И денег получит. «Маруся, седне получка будя, приходи». Мама говорит, ей денег дал, все копейки. Она прижала все в корман сует, посмотря и назад, не верит и не потеряла ли ети деньги. И говорит: «Ето видно нарошно кинут копейки. Это на совесть мою, проверяют!» А ей еще мама говорила: «Что найдешь, дочурка, все дочка ложь на место, не забирай, отдавай». – «Они что-то деньги разбрасывают». – «А моя ж, дОчушка, ето ж они нарошно разбрасывают, что твою совесть проверяют, что ты возьмешь, али нет». А она все в корман, в корман и патом на стол и отдала им. А они: «Раз нашло, то пусть тебе и будут». – «Ой-ей-ей, тода мы и зажили, – говорит мама. – Дуська уже там палучает от смолы, а я здесь в уборщицах».

«Ой-ой, хорошая дочкА у тябя!» – говорят. А че ж привычная к работе, баба Алена научила все делать. Пойдет там подметет, веник наломает пойдет, вымыет пол. А кода получка, народу много, она говорит: «Принясу батву с картошки, застелю дорожку». Ну, как дома, чтобы обтирали грязь. «Ой-ей-ей, хозяйственная будет девочка». Ей лет пятнадцать-семнадцать было. Ну, скоко-то месяцев мама и отработала.

Она хромала. В детстве, совсем маленькая кода была, ногу повредили. Один начальник говорил, что поможет в больницу положить. Надо было ногу занаво ломать и складывать. А отец был ой-ой. «Что ты! Самый покос, надо з

детьми оставаться». А надо ж з детьми оставатся, мама смотрела их. «А что я буду делать!» Это ж надо тогда здоровому оставаться, девки какой-то, з ними, з етими дятьми уже с меньшими. И не, и не, и не. Патом мама сама уже ездила в город. Ну, сказали: «Все, поздно, не поможем, девочка, тебе».

А как маме на комиссии смотрели, так говорили, что как она родИла яще. Маленько у нее позваночник скривленный. И как она меня радИла? Ну, че там, я два двесте была, а тая девачка – кила восемьсот. Вот тая и не вышла яще, патом уже кода военный врач приехал, так посматрел, начал тиснуть-тиснуть и сказал: «Ну, че, маодИчка, будем еще раз рожать». Но та уже померла. А тея ходят и ниче, а она уже синела. Вот врач и помог остатся ей в живых.

Так она побыла в городе и говорит: «Ой-ой, все есть, ходи токо выби-рай». И материи купила, шила, уже тогда умела. Баб Кулине, сестре и себе сшила. И кантики беленькие, фонарики. Говорят: «Ой-ой, Соболевы девки, а нарядна ходют!» Юбку черную, да кофту в горошек. Всем она пошьет: и бабе Дусе, и Акулине, сестрам. А та старушка пришла и говорит: «А у вас ти разное, али одно носите все». – «Не-е, – говорят, – у всех есь». У той черненький кантик, у той беленький, тут кружева маленько пришиты.

А тут начальники молоко начали брать у нас. «Во-о тут уж мы разжились, – говорит мама, – зажили». Ну, так-то еще не беднота совсем было. З еды бЫло, еда бЫла. Корова была: сметана, молоко, сыр варили, твОрог. Ну, хлеба маловато бЫло, да терли картошку. Я как помню сачас, все руки обож-гем. Или терли, али толченку – толкли картошку, в мундире, и еЕ чистили. А надо чистить горячую, холодная она не чистится. А патом нам ети самые люди нам мясорубку купили, большую мясорубку в гораде. И чтобы не было етих кусочков в хлебе, некоторые терли картошку или толкли, а мы уже на мясорубке.

А старшая сястра мамина говорила: «Хорошо Маньки, ей ийтить на покос, не надо! Она только пякет тама!» А патом уже взрослая приезжала в гости и говорит нам: «Ай, Маня, приезжают дети, внуки в гости. На каждого тарелка. Я ж тока посуду мою. А как же ты успевала есь варить тода?» А хлеба чарез день надо заводить квашню. Че чаловек, наверное, чатырнацать-то было, если не больше. Чарез день и заводить квашню, а заводить, ето ж надо печи тапить и все. А друхой раз наутра и нету хлеба! Так мама пякет ляпешки толстые, а я, мама дась кусок жира, вожу по ляпешке тода, вОложу уже ляпешки, чтоб жирные были. Черные, здоровые ляпешки были, от квашни откидывали, что б уже поесь утром. На покос, на поле ето уже кто-нибудь занясет уже туда. А на вечер уже хлеб тода пякет. «Кажется с вечера, – говорит, – хватит на завтра. А патом, – говорит, – все с вечера собярутся, все поядят». И наутро нету хлеба.

Так она все сначала говорила: «Тебе, Мань, хорошо – ты дома. А мы на жару пойдем». А патом уже по другому заговорила. «А ты же все говорила, так и так, все за меня заступались, а ты все кричала».

Замуж вышла уже в возрасте, ей была двадцать восемь лет. С одного года. Отец был с Кувая. Познакомились как-то, не знаю. Мама ничахо не рас-

сказывала, а баба Дуся говорила: «И начал ходить к Манюни». Мама-то красивая была, тока хро́мая.

Матери у него не было, рана померла. Жили бедно. Отец дятлей воспитывал один. Те девки были. Приезжали они раз з города, я маленькая была, две сестры и брат. А брат куда-то уехал. Уже стали проникывать, куда и уехал ен далеко. А девак на завод забирали, а з завода они остались и замуж вышли. И хорошие мужики, знаю, были. А у одной, где-то там котлы были хорячии, а ен електриком был. Много денех зарабатывал. И оборвался как-то и туда в котел и все.

Сбор живицы

Смолу собирали, живицу. И до войны и после войны. Собирали на Мапиновке, в Кирзе, на Потанином, под Кой. Вывозили на бочках в центр. Сначала на конях вывозили, позже уже машины стали приезжать. Но с леса все равно на конях вывозили, тайга же. Сдавали старшему, патом его мастером стали называть. Он тоже, старший был и хорошим и плохим человеком. Кто хороший, не обманывал людей, а кто и надует, ну обманет. Был один, рассказывали, обманывал. Закрывал на свою любовницу наряд, приписывал ей. С мужиков снимал и ей. Не работала, а деньги получала. А почему не проверяли, доказать ведь можно было, раскрыть обман, а не знаю, почему молчали. Вешал не при всех, примерно говорил. Умел мухлевать, обманом все брал.

Мужики осерчали, да подловили его двое, измутили как полагается, в больницу он папал. Судить их после не судили. Но он им патом отомстил. Сезон закончился, и тем мужикам не дали не сезонных, ни премиальных, как полагалось при выполнении плана. А почитай все план выполняли, мало кто ленился и бездельничал, все работали дружно. Ну и сумел подпакостить он им, жизнь попортил за избиение свое.

С живицы делали лекарства, камфорное масло, канифоль. Лекарства разные, натирки всякие. Ну, все-все оно идет. Дерево это, что б собрать живицу надо приготовить, надо кору эту содрать. Кору сдирали скабелкой, да красиво стараеся, что б было, сердечком. Патом режешь усы тясками. Вз-и-их-вжи-и-их. Жалобок прорезаешь другим инструментом, вроде скрябок или шкрябок. Ой, инструментом было море, каждый имел свое предназначение. Лейки ставишь железные, по ним смола уже бяжит, лейка без дырки. Был сделан резец. Туда ус проведешь, туда через неделю. Сразу делают в одну и в другую от центра, через неделю еще так делаешь. И смола тячет в ету лейку. А с етой лейки и в ведро, и понес к бочке. Она маленько подзастыня, такая не жидкая. А, тяжелая она, в десятилитровое вядро наложи, будя пятнадцать литров. Кишки вылезут, тяжоло так. Дерево режет вздымщик, так его завут, а смолу уже собирают сборщики. Вздымщик пройдя, нарежет и на том его работа кончена, а патом собирай живицу.

В конце месяца идет подсчет, скоко килограм, кто насобирали живицы. И давали деньги, да хорошии ж деньги. И тряпки давали... материю давали им, патом с зарплаты выщитают. Отоваривали. Баба Дуся работала, пришла

домой и говорит: «Манька, дают полотенца по трубке». А мама: «А дурачка ж! Что ж не брала, я и штаны бы нашила, и майки, и рубашки».

Зарабатывали люди, богато те жили, кто работал на смоле. Ну, а работать, как хошь работай. Хочешь круглые сутки работай-работай, хочешь – дятлей домой смотри беги. Получишь от набранной живицы, тебе было от живицы. Ты живицу сдала – ты за нее получила, не сдала – ничего не палучила. Скоко набрала, принясла на стан, стоко и за стока получи. Дадут тебе участок и работай. В основном пять тысяч деревьев, семь было, но это мало у кого. Если хорошие деревья живица бежит ой-ой. Вот по солнцу говорят, на солнце где, там лучше бежит, а в кути, ну в затишье на тени плохо бежит. И дерево с какого хорошо бежит, с какого плохо побежит. Плохо если бежит, то бросали. Кто сильный был, то и по два участка брали или три на двоих, кто скоко осилит. За деньгами бегали, время како было.

Тех, кто работал на живице, богаты были. Кода Яшка, брат мужа, ожанился, тоже на живицы работал и крепко они жили. Яшка поедя в Шало, може за деньгами, там получал или яще что, не знаю... и купил Томке на два платья купил: бардовой шерсти на платье и такой синей еще. Ой, а мне завидно. Мы в колхозе работали, трудодни были, не купишь чаго хошь. Тода Томка принясла маме, мама не сшила, а скраила платье шерстяное со складками. А у мяне яще не было такого, я завидовала. Ну, ужо был штапель, патом саржа была однотонная, а вот такого не было. Тяперь уже нету ни штапеля, ни саржи, ни даже ситки путней. Ну, что ето: ты меня видишь и я тябя вижу, ну тонкая, некрепкая сечас. Криндишин был такой тоненький, крибжижет такой светится как шелк, но тоньше... Кто работал путне на смоле, то багато жил.

Ну, и дурили. Их дурят, и они дурили. Их дурят, вес неправильный. А кто живицу добывал, то с водой разведут смолу и на дно бочки, наверх уже хорошую. Но это кто опытный обманщик. А кто и поподался. Нальют воды, а она кверху. Ну, вода полегче будя, вот и всплывет. Вычитают с них тода скоко, не пролезло.

Про работу в колхозе

Свяклы было многа соток, морковки. Был план колхозу. «Вот, Мария, плохо табе ходить, да все. Полоть, али что там делать. Ты шей холаты, пеки хлеб». Ну, вот дома колхозу пякла хлеб. Печка и все. Раз пришлось мне... они туда подходят, хлеба булки. Мама торопится на покос с кем-то доехать, на свой покос. Говорит: «Посади хлеб». Ен уже был выкотанный. Ну, ляжал, чтоб на лапату и туда. Я ети, как помню, девять булок, шестая булка, растянула я ее. Ну, туда она что-то не сдвинулась, в печку. Там же вот три, три и три. Вот три булки и три булки, и три. Растянулась, ну, че она. Я плачу сама сабе. Патом яе золой так пряремяшала и последнюю булку посадила. Мама: «Ладно, обрежется!» Это уже сабе. И себе оставит комлУшку уже. Хлеб, конечно черный, но такой какой-то пышный, круглый был. Не в формах, а так

булки. КруглякИ. Ну, а патом, утром, друхой раз тесто яще не подойдет, во тода нахАба. Страх божий, как напряживаеся.

Ставили на золУ. Так выхрябет на жарок суда и тода, такая бЫла тряпка такая, яе намочишь и так брюм-брюм-брюм туда-сюда, что б пепел не попал. А то капусный лист. Тода ен уже згорит, етот капусный лист и все чистенько былО.

А патом заставляли маму полоть. И Витка, брат сродный, и я и ходили помогать. Ходили, пололи ети гряды. Маме тоже тяжко, нога не гнулася. И на коленке плоха и как. И мы пололи, и она с нами бЫла.

А почему не загораживали хряды? Не знаю... там дальше уехал чаловек, охород, поломанный. Почему колхоз не мог загородить от свиней? Вот не пускайте свиней! Они раньше вольно ходили. И росли, и домой приходили и ни крал никто. Как в сказке! Диво-дивное!

А другой раз мы с Витькой проглядим, прогуляем, а они уже, эх, в бураках тех. Мы скорей бжым, ниче не скажем. Витька погонит, а я ети хрядочки тью-ту-ту. Мама: «Хто-то был вчера, хто-то был тут!» – «Не знаем, хто был. Мы не видели. Мы отгоняли, сидели там». А Витька падЕт рыбу ловить и я побяху туда к речке. Тут ядринское кладбище, речка вонизу, а тут охород был. И я туда, посматрю скока ен наловил. Ен ховорит: «Ловится, сиди там смотри». А я туда шмыг, а свиньи по своим делам туды или тьята там какие-нибудь яще.

Патом халаты шила. Шила-шила, пошли посмотреть трудовни. А нету у мамы трудовней. А он своей жене написал бриходир, а маме не написал. Там что на эти трудовни, ну, как выработка как... Маме была как третья группа, но все равно надо было маленько и подработать. Ну, так ен и не исправил все. Мама досождать не стала, не стала конитель всю ету з разборками учинять, та и все. «Я переправлю, я и забылся, что ето ж тебе надо было написать». Дураком прикинулся.

А патом курятницей, стала курятницей. Куры были, друхая бЫла, воровка, чето яйца краля мноха. Маму поставили. Ну, маму поставили, ну ладно. А курей, ой, много было в колхозе! И даже выводились по шесть-девять курят, ну, наседок сажали на яйца. У нас лавка у печки была, такая скамейка была, и там в корзинах-в корзинах куры сядели.

Че-то один год не дали цыплят, али не было, али что. «Вот ты, Мария, па пятнадцать под каждую курицу». Ой-ей-ей! А я ето до смерти боялась. Как яни уже выведут, маленько их подрасти надо, а патом уже туда их вязти надо. А они летнями на мяня. Самое страшное для меня! Не боялась ниче, а боялась я курицы, что она вылетает на мяня.

А раз, кыш-кыш на няе, а она расходилася и не хочет заходить на место. А патом как лятанула и окошка разбила и вылетела на улицу. И ходит, и кричит. Яще не было цыплят маленьких, ну, вот уже скоро выведутся. А мама: «Ты посматри, если будут цыплятки, ты в друхую корзиночку их». А она на покосе. А я боюся их смотреть, что она на меня опять будет налятать. Страх божий! А патом я пиловчилась, корзину на нее и тама уже посмотрю

етих цыпляток. А друхая и подомнет. А я плачу, сильно жалко етих цыпляток мне.

Ну и все, начали воровать. Тока мама оттуда, хто-то замок выламывая и яиц побярет, наворуя, что друхие куры нанясут. А контралер был, наверно, два раз в няделю контролировали. Щупали курей и скока яиц. Двадцать курей, двадцать, сто – сто яиц. А друхая сядит и пощупаешь, а она и не снясет. Ну, и украдут яйца. Мама на покос или ись захоча, пока пойдет. Она же хро-мает, покаместь придет, уже замок разхибАренный. И яиц нету, даже покло другой раз побярут.

Наша уже баба Алена ховорит: «Мань, у мяне вся ровна, уже скоро умяреть, старая, замкни меня туда кода-нибудь. Я и посмотрю кто тода». А все ховорят, баба Дуся, да Лида: «Ой, не-е, ты что, лелька, выдумываешь. Если уже ен тябе там возьмет и прябьет, припутаеть. А скаже, что старуха сама уже померла. И мы будем, – говорят, – такую кару терпеть. А пуся крадут». Она тода и комиссию вызывала и председателя вызовет. Ну, что! Нихто же не сторажил, а голод был. Парнишки, наверно, одни тама. Семья большая у них, они все воровАтые были. Вырвет, побярет эти яйца. А патом говорили, что ен патом пойдет за речку и пьет. А хто? Не поймал – не вор! А че ен видит, что мама уже во-о пошла домой, ен шмыг туды. Ен пошел, ен надежно, пока она вярнется, побярет-побярет и пошел за речку. А курятник около речки был, там нелюдно. Около речки зАйдет, тама окошки сюда были. И скока! Ой-ой!

А патом мама поехала в Шало, да ее перекомиссию сделали. И она от-казалась: «Я не могу! Надо ходить, нога разболелася». И уже друхому пере-дали этих курей. А друхей год цыплят мноха! Кормишь их, они подыхают. Надо отдельные клеточки по десять, по двадцать. А кучей поподавятся. Хо-лодно, лезут друх на дружку. Это сачас лампы. И подавят целую кучу. Ай-яй-яй! И клюют друг друга. Сколько намучились, скоко намучились!

А патом, я уже не знаю, наверно, ето хозяйства уже убрали. Я уже не помню, я тода уже в школу, в Кой, поехала учиться.

Школьные годы

Училась сначала в Баджее, ча-тыре класса. Пешком ходила. Патом в Кой поехала к родне, у Лепиных жИ-ла. Окончила семь классов, как сячас девять бы. Училась на одни пятерки.

А часто-часто вижу сон в Коях: и в той хате, где жила у тетя Марфи-ной, такие шторы висят красивые. Она тоже молодая была, юмористка. Дядька пришел с войны, маленька пожил и умер, осталось два парниш-ки: Валентин и Витька. Валик да вой-

На фото: 7 класс, 1956 г.

ны уже приобрелся, а Витка уже апослЯ войны нарадился.

И ворожили с ней. Сидим с девчонками и хохочем. Тетка: «Не надо смеяться». Смотреть надо, хто выйдя. Ну, что-то ведь есь. Чернеет-чернеет, патом как-то закалывается вода и покажется что. Мне гармонь причудилась, а Петро же первый гармонист был. Теть Марфа сидит-сидит с нами, а патом говорит: «А, ладно, я пойду уже спать». А мы сидим-сидим, то рассмеемся, все исчезнет, то вновь принимаемся. Ну, что-то есь.

А дороги до Коев, двадцать пять километров, да лесам. Вздумаю домой и пошла, одна. Ну, летом мы с Витькой ходили. Витка там подзарабатывал сябе там на одежду.

А етот дядька был заведущий как лесничий, работал лесничим. Ен храмотный был, апослЯ пряседАтелям работал. Ну, они побохаче там жили, леспрамхоз был. Сказали: «Пусь к нам Галька идет жить, учиться пусь». Мяне купили сандалии, плате, теть Марфа мяне фанарикам такое плате. И я там дней десять там жила. А мама ругается: «Увезли Гальку, надо все делать». А маме че, надо полоть хряды совхозные ети, надо все делать. «Ай-ай, Гальки нету, и корову некому загонять!» А я как, меня кто повязет? А теть Марфа такая была: «Ой, уже без Гальки обосрались они тут, надо же! Работать! Пускай отдыхает! Она тут у мяня во-о порозовела. Я ей халву купляю». Подкармливала мяня.

На фото: Лепина Марфа, 1952 г.

Мы по яходы ходили, за охороды, жимоласть была. А там внизу Мана тьякла. Мы с ней туда на Ману ходили, она показывала мне Ману чарез болота. И желтых цвятов нарвали, знаю как, помню. А патом: «Уже будьте да троицы». А тут! И Витка уже отработал, и уже со мной приехали. А вздумали, хуляли, ен же латыш был. Тетка русская, а ен латыш. И уже гуляли лыгалыга. А етот праздник самый первый их. Он нам нарубил бярезок, чтоб окало домов ставить. А мы ж не так понясли на плечах, волокем ети бярески. А поволокли, грязь. Приносим. «А хде ваши бярески?». Хлядь, все в хрязи, хрязные. Пошли мы обратно, принясли уже на плечах.

Патом можно было учиться яще, школа на Мине была. Я яще хотела идти, дядь Валодя ховорил: «Пускай на Мину Халька идет, да даучивается». Мама: «Ай, не-не! Мне надоела и людей просить, и дрова пилить, да все». Так я сидела дня два горькими слезами плакала, что не пустили в школу. Я уже и ленточки похладила и все думала поеду. Дядя Володя говорит: «Если скажете, то я приеду за тобой, верхом». Я пройду, ен пройдет, по очереди на коне. И через Выезжий бы Лог и туда на Мину бы. Теть Надя учила, она младшие классы учила. А мама: «Не-не-не! Все Адольф нам будет делать и тое просить яхо. И без коровы не жизнь, остатся плохо». Так я два дня плакала, что думала, поеду.

Ай-ай! Как раньше. Лесом побяжу домой, поправедаю и опять в Кой. Зимой. И никахо не боялись. А час идти страшно. Зверей, ладно зверей, а людей! Ой, страшно! Побяжу, побуду два дня: пятницу, субботу. А пятницу отпрашусь, а там суббота, а воскресенье бяжу туда тогда. И не страшно тогда было. А сячас во-о, выдут на автобус и баятся доехать до школы, протрястись. Не хотят учиться, все блага им уже.

Вечорки

У кого хаты были большие к тому и ходили на вячерку. Сегодня к одному, завтра к другому. Танцевали, песни пели. Ну, больше танцевали. Самое главное — гармонист, и вся вячерка. В войну тоже собирались так же в избе у кого. Вот у тебя хата большая и пойдём к тебе. Танцевали, плясали польку. Пляшут и пляшут. «Полька полька Поленька, Чаго ж у тябя голенько. А все наши парни бяхлецывсе обарвали валасы».

Я кода молода стала так мы уже в клуб ходили. В Баджеи клуб был, пешком ходили эти километры. Кода, правда, подвезут парни на конях. Коней в колхозе попросят у сторожа на ночь и айда на танцы в соседние деревни. Даже в Выезжий ездили. Верхом на лошадях, кто с седлом, кто бес седла, так тряпку постеля и все. Это ж не Баджей, Выезжий, пешком не пойдешь, все ж километров двадцать. Многовато. Спрося пять коней, поймают десять и поехали. По утро вернутся и все в порядке. А парни выезжанский вОзмут, да поотвяжут коней, пустят их. После парни кинутся, нет коней. Те проказники смеются над ними. И девок им тогда не надо! Из-за девок ездили.

Горе целое, но обошлось, кони умные оказались, домой ушли. А на них-то утром работают в колхозе. А то возмут кони не прИдут, где забавятся и все. ВОзмут десят, спрашивали пять. Накажут, своровали. А накажут и их и того, кто разрешил взять. Стали оставлять коней у старика одного, а те взяли да старику ворота дегтем да намазали. Вишь, будешь помогать им и тебе не здобравать. Все равно ездили...

Замужество

Мужа будущего видела в клубе, но дружить, гулять не гуляли. Я тихая была, только песни любила петь. А он на гармонике играл, тоже спокойный был. С большой семьи, у них семь детей, да все парни, одна токо девка. И все они вяселые были, младшие парни так просмешники были, говоруны. Старшие и Петро поспокойнее. Все они бегали в клуб. Потанинские уже. А мы

На фото: Шевернева Галина, 1957 г.

ядринский. Наша деревенька была совсем маленькая, одна улица. Потанино больше, там и отделение колхоза было, колхоз в Баджей уже.

Ну, и видеться виделись. А патом его батька надумал ожанить яго и спросил про меня: «Берем?» Он согласился, приехали они в сваты, а я ушла на танцы в Баджей. Я ни сном, ни духом, что такое дело задумали. Они тогда запрягли лошадей и за мной в клуб приехали, Петро и его брат. Так и так, мол, мы в сваты пришли, поехали. А сватов сбежалось человек пятнадцать. И наши родственники пришли сватать меня. Что в деревне все друг друга знают и все знают! Что бы не произошло, все известно. Куда идете? В сваты. К кому? И все. И как на ладоне человек каждый в деревне.

Все решили тогда, что подходим мы друг другу. Наверно, правда то было. Вот дятей вырастили, внуки, правнуков ждем. Пядесят лет как вместе. Всяк было, но прожили мы неплохо... Не одни черт лапти сплел, пока нас не свел, но не зря... Да и работали, ругацца и времени не было. Дома хозяйство всегда было большое, да и в колхозе всю жизнь Петр отработал. Я тоже сначала в колхозе работала, патом уже кода в Баджей переехали, да интернат при школе открыли пошла в интернат ночной нянечкой.

Ну, так вот. Собрались, а дома баба Аксюта токо, мама в больнице тогда лежала, приболела. Посидели, стол собрали, сваты с собой кое что принесли, мы, да и соседи, родственники. Раньше дружно жили, сообща. Ну и сговорились. Согласилась я пойти за Петра. Работящий, спокойный, да и симпатичный был. Боялась, что мама будет против. Но ничего. Мама сказала, что мне жить с ним, да и пора бы в дом мужика привести, а то ведь давно одни бабы: баба Аксюта, мама, да я. Меня одну успела мама народить, но я с двойне была, вторая девочка умерла при рождении.

Патом свадьбу сгуляли. Сватали в ноябре, а первого января гуляли. Народу тьма, почитай две деревни. Но отвели богатую по тем временам. Помимо своего, кто че мог, тот то и нес на гулянье.

Вот прожили. Жили весело. Работали, по гулянкам ходили. Я любила и еще люблю петь, Петро на гармошке. Раньше люди говорили, что если Семенковы на празднике не были – праздник не удался. Частушек много знаю, танцевали всегда. Весело жили,

На фото: Семенков Петр, 1963 г.

На фото: супруги Семенковы с сыном, 1961 г.

дружили всей деревней, и тогда кода в Баджей переехали. А что в основном потанинские и ядринские и перебрались сюда, так все знакомые.

Сначала у нас в доме жили, патом в Баджей перебрались. Здесь дом поставили, до сих пор в нем живем. Всю жизнь мечтала пожить в большом доме, не пришлось. Но в этом стоко гостей и людей перебывала, стоко захаживала, что другим не на один век хватило бы. Родня большая, со всеми роднимся, рады всегда принять у себя. Узнать, как живут, кто и где, чем занимаются. Родные же, душа иногда болит по некоторым, кода весточки долго нет. Жизнь прожить – не поле перейти. У всех по разному бывает. Бывает и душа заплутает, человек сам того не хочет, а делает. Поддержать его надо, не срамить, не ругать порой, а совет дельный дать. Надо любить людей и они тебе ответят тем же. И в мире в ладу будешь жить сам с собой. На душе тогда легче.

Жили по-разному, но многое в семье зависит от женщины. Не зря в присказках женщине отводится важная роль. Например, муж пьет – полдома горит, а жена пьет – дом полностью горит. Как женщина поведет себя в семье, что она в доме поведет, то и будет. Уметь друг другу уступить, уступить – не значит проиграть. Семья – это не поле битвы, и сделать первый шаг к примирению – это поступок мудрого, а не слабого человека. И при ругне не надо друг друга обижать. И выносить ссор с избы. Перегорит, помиритесь, а разговоры будут как напоминание о плохом. Век такой короткий у людей. Зачем же его омрачать еще самым этими негативами.

Про собаку

У нас собака был, хороший до леса. Раньше коз много было. Че же деревья стояли, целиком лес, никто не нарушил, все стояли. Много зверя было, коз, белок... зверья всякого было. И наш собака домой пригонит козу. И наперед, лаит, в окошки, что б смотрели, что вот ен какой. Смотрим, около загона коза. И не одну, не одну так пригнал. Они, козы, проваливаются, снег большой, а собаки их хватали за задницы и загоняли в деревню. Здесь их достреливают. И дают мяса за собак, что собака твой пригнал, участие принимал.

Раз, знаю, тоже одной хозяйке, малый ей кусок дали, так ей не понравилось. Она: «Мне не надо!» А этот мой сосед, дед Тимафей, Гали Ибрагимовой дед: «Галинка, иди-ка сюда». – «Че?» – «На тебе мяса. Ваш собака тоже участие принимал, гонял. А раз ей мало, тебе хватит». И мне кусок. А я брЕзговаю эта мяса, оно кровяное, нога или че там. Я волоку по снегу домой. Волоку-волоку, еще посмотрю, мне чето и жалка ету козу, как она: «Е-е-а». «Где ты взяла? Там собаки не грызли? Ниче эту?» А я говорю: «Да, мене дед Тимафей сказал, что неси домой». – «Ну, раз малый кусок ей показался, то ей совсем не дадим», – дед Тимафей так. Я волоку этот домой. Знаю, приволокла, мама порубила, замочила. Вода кровяная была. Я еще подойду, посмотрю и все равно мене этой козы было жалка.

Собаки гнали домой. Наш собака такой умный был. Умница! Никогда собак на привязи не держали, не привязывали, вольно они ходили. А наш первый был собака за козой, он сильно гонял коз. Он их наперед домой гнал. На гору побяжит, слышишь по звуку, он гонит. «Это за собаку, – другой раз мужики принясут мяса, – На тебе, Гавриловна за собаку». И ляшку такую принясут. И баба Дуся, шкурят мужики, она: «Мне лытка будет, наш собака гонялся». – «Знаем-знаем, черный собака ето ваших». И тоже принесет, она умела. И сливки, и сметаночки маленько туда. Зажарит, сначала поварит, а потом добавит. И в печку потом, такая жаровня была большая и с крышкой, с тяжелой-тяжелой. И в печке, знаешь, как утамИтся, то вкусно-укусно. Вкуснятина!

Волки

Яще помню, че деревня наша маленькая была. Мужиков не было. Начали волки ходить. Волки начали ходить из-за речки. Там же сачас так, а то же непроходимый лес был. Ну, кто для восемнадцати семей дорогу делали и на конях возили бревнами лес, а патом дома пилили на дрова. Ну, что они тама. А коз скоко много было. И волки подошли к деревне, и в деревню стали промышлять овечек. У кого и сперли. Они гадости напакостят более, чем упрут. Один залезе в стайку, подавит всех, а возмет для стаи штуки три и все. Вражина такой!

За козами може и пришли к нам, начали выть. К нам скоко приходили к стайке. К стайке прИдут, а у нас летом такая дырочка бЫла, зимой закалываем ее. Летом куры через нее хАживали несея в стайку. А на зиму прибиваем ету досточку, что бы холод не шел же в стайку. Подошли они к нашей стайке, пришли и перегрызли эту дырочку. Попытались пролезть, ну никак. Хвостом тода туда, покрутили. Овечки забегали там, заблеяли. Залезли на стайку они тода и начали лапами накат делать. Там же че, сейчас доски, а раньше че бревнышки на стайке были. И они начали царапать, что бы туда прыгнуть. Они тода, говорят, всех парежут, задавят всех овечек. Всех давили тода, как в стайку попадут.

Ну, и баба выйдет на улицу, возьмет ухват, ну, сковородник, скОвороду. «Куха-куха-куха, – кричит изо всех сил, их пугает. – Идите вон, идите вон!» Притихнут, глазами посмотрят назад, на нашу хату. А я бабу за юбку, за ету за широкую тяну: «Съедят тебя волки!» И я... а я на крыльце тут стою около столбика. Стайка рядышком с хатай, совсем близенько. Раньше же не веранды ничахо не было. Тут стайка близенько. Ниче у них не палучилось царапать. Тока откинули ету досточку, засунули туда хвост. И начинает хвостом кутить. Если там овечки есть, как начанут они прыгать по стайке, ажно бьются там лбами. Как баба начнет на них кричать: «Куха-куха-куха! Ату», – кричит-кричит. Перестанут, затихнут. А собака наш на их, рвется, но силы неравные. Черный етот собака и на их сильнее, смелый он тода, как баба выйдет. И стучит в скОвороду. А собака туда, прямо до них. Они за собакой, ен сюда, к хате поближе. Ну, и не съели ни одну овечку, ниче. Уходили они,

отбились мы. Не пополи уже они в стайку. Токо патом идут они окало речки, оглянутся. Я как помню, семь глаз их было. Семеро ходили все. Я уже умела тогда считать. Семь глазков их, глаз видела. И сидят воют. Жутка, не по себе становится. А мы уже как начнем кричать уже, то они уже через речку тогда не идут. И собаки начанут лаять. Говорят же: «Не баится волк собаки, а баится ягоной звЯги». Не то, что наш один лаит, в каждом дворе собаки были. И прибегают в кучу, лают. Но не все собаки тоже сбегаются, некоторые баятся собаки, убегают за сто верст.

А патом пришел мальчишка один, бабиной Аниной сестры. У него не была ружья, а у нас была централка, двухцентралка. Как пришел мальчишка, подойдет к забору и как начнет в них стрелять. И мы с бабой на дорогу выйдем, кричим: «Ату! Атуй». А пули: «Бж-ши-ши-жи», – как помню. Ажно кажется с деревьев сыпется снех на их. Попасть не попал, а волки испугались ружья и уже не идут к нам. И так несколько раз мальчишка их попугал и ушли они.

Двухцентралку эту патом один охотник попросил поохотится маленько. Так и все присвоил, не отдает, говорит: «У меня милиция забрала». А он хотел присвоить. Мол, зачем бабам оружие, у нас же в доме одни бабы жили. А тут, баба та, да так. Отваевала. ДосУжая, надоедливая для него оказалась. Все выпытала, да и забрала правдами-неправдами. Слово, особенно при ругне купи, но скажи. Всегда надо нужные слова иметь про запас для пользы. Человека какого образуметь можно от ненужных ошибок убереечь, если скажешь ему такие слова...

У нас ни разу не подрали овец, а других было дело. В другой деревне, в Потанино, Орешном, Малиновке и других. Через стайку, через накат прыгнет туда в стайку самый сильный, вожак уже, зарежит, вытащит овечку. А ведь остальных всех-всех, поганец, порежит овечек, напакостит. Бревнышки тоненьки на стайке. Если мужик в доме есть, то он побольше бревна натянет на стайку, а если в доме бабы, как у нас, или баба з детьми, то что там... А мужики то на войне, то много кто не вернулся, осиротел дом... бревнышки по вдоль стайки, как на потолок, стайка низенькая, не как сейчас. Сена патом накладывают и все. А он раскапает, сильный же, лапами и туда. Всех порежет, вытащит две-три оттуда наверх. Он один лазает туда, все они не лазают, в стайку прыгают. Другие же возле стайки ждут. И патом поволакут в лес. И говорят, что волк наедается на деделю. Он скоко сам имеет веса, стоко и наедается мяса, и тогда он отдыхает, такой большой охоты не ведет.

У одного мужика повадился-повадился ходить один волк в стайку. Это в Орешном, на первом хуторе, в соседней деревне так было, Федя Бичев так проучил вражину. Хвостом тоже в дырочку лазал. А у него овечек было много, они испугаются и как начанут биться в дверь, что выбивали дверь и попадали в пригон. Волк в пригон, овцу одну схватя и в лес. Один он, не стаей ходил, одиночка был. Патом яще через скоко времени, идет снова. И так етот волк не знаю скоко овец патаскал, но много. Как не закрывали стайку, все равно выламают овцы от страха дверь. Тада етот мужик решил караулить етого волка. Скоко он там дней караулил, но выкараулил ен яго. Тока волк

хвост в дырочку, Федя взял да и схватил яго за хвост и обрубил яму хвост. Все, отповадил волка. Больше не приходил. Девки яго идут с вячерки, а батька со стайки с волчьим хвостом выходит. Так он и отвадил волка от своей стайки. Остался волк безхвостый, куций.

А наш дед говорил, дрань драл и вышла сама к нему самка. Дрань дрань, ну, дранки крыши крыл, сачас шифер, доски. Худая, весна уже была, да щенки у нее. Говорит: «Вижу там обед мой тормозит кто-то». А она пришла на запах, гырчит. А он дрань драл за речкой там, недалеко. «Смотрю, – говорит, – тама кто-то уже побыл». Патом, – говорит, – она опять ко мне сюда идет». Она не к нему, а так мимо идет и смотрит. Ну, и пошла-пошла туда. Он часто туда ходил, уже дрань драть, пока наготовил. «Иду, – говорит, – туда выше». А у него был такой бастрИг хороший, бастрИг такой. Кода сена накладывают и бАстригом увязывают, что б оно не попадало и тода это сено вязут, оно ужо не растрясается. А он сделал бастрИг к зиме, что б к зиме у него был бастрИг. Чето пищит. Подошел к корчу, корч вывернутый, а там шесть волчат. Он говорит: «Думаю, возьму себе на шапку». Только отвернулся так и она бяжит, волчица бяжит и ето вымя у нее ту-ту-ту, туда-сюда. А он яе убил етим бАстригом.

Пошел домой, взял корзинку. Говорит: «Иду и думаю, живая она или нет. Приду, а она живая». Это ж надо отчаяться, напасть на волчицу. Ну, она была слабая, худая. А то бы она была б в силе, то он яе не одалел бы. Она тада сильно уже злая, как с волчатами. И в корзинку волчат и прянес домой. И таки сереньки были, шапку сшил, сам себе шапку сшил. Убил дома уже, общкурил, выделал. Шапку уже по праздникам токо насить, в горад тока и на Жайму уже. Там ходили за крупой какой, за мукой, золотые прииски там были. Там парням давали, а они продавали излишки какие.

Медвежата

Два Шурика: ну, мой батька и Митька Дмитриев пошли на охоту на косачей, а там два мядвяжонка. Они их схватили и настрОжились, что где-то медведИца. И медведИца и они и медведИцу убили. Все говорили, что тот не так боялся, а мой батька, мой сильно боязный был, говАривал, что медведИца щас выйдя и конец. Ну, оружие хорошие у наших было, двухцентралка, ну, двухстволка оружие уже была. Ну, и вот пришли такие расстроенные вроде и улыбаются, и у мешках по мядвяжонку принесли. И говорят: «Угадайте, что с нами случилось?!» Они смотрят на них, говорят тода: «Убили мядведИцу у лошины». Ужо под выясну было дело, как косачи поют. Она вышла и со своими мядвяжатами. Покамеся они вошкалися с етой мядвежкой, один мядвяжонок куда-то сбежал. А он залез на дерево и все. Они уже убили ее и яго и палками, и всяк, и скинули етого медведя и принесли. Ну, и патом взяли ножики и ету медведицу разделали. Говорят, что выясной и яще два мядвяжонка и жирная была сильно. В печке сала, ну, в горшках, чугунах сала это стопилося. И ети все ходили мядвяжата все, ой, говорят, под стол все прячутся. Они завешали им. Нальют молока, они как начнут ночь кричать.

«А куда их девать?! А зачем они нам?! Ето ж нахАба!» А все идут и дети, с Потанина, все идут глянуть, поглядеть на мядвяжат. Они, говорят, никогда, даже мяса будешь давать, если смотришь, не будут есть, в рот не вОзмут. Как все стихня, лок-лок-лок ето молоко.

Тода ужo они подросли, начали царапать, начали шторы, холст какой-то рвать. Злятся, им надо воля, ужo лето стало. А патом с Жаймы приехал бабин друг, мужик один, и сказал: «Я их в парк, зоопарк определю». И много че нашим дали: и муки, и крупы – за етих медведЕй. Они сказали: «А че нам надо, може че дашь, да ладно». Ну, вот приехал и увез он их туда в зоопарк на конях. А как не знаю, лошади шли, как не ведаю, лошадь запаха ведь боится. Сделали коробкИ какие-то и все увязли. И сипарАт он тода нам привез, у нас было три коровы. И другиин приносили перегонять. Мы луку давали яму и масла патом. Кругляк как голова дадим, он: «Ой-ой, Гавриловна, куда ето нам столько, нам хватит на стоко...на много. Меньше нам давайте, а то мы не съедаем». А жил ен богато, баба яго ужo тода воротник с лясой носила. А патом поехал на конях, кони как спужались кого-то и разбили яго и ногу. И нога почарнела-почарнела и все, не жилец он стал на етом свете. А жили богато, че же ен начальником на золоте был. Так и згинул мужик, помер и богатство не помогло. Видно стоко наоновано было на веку прожить. Нога почарнела, как он об столб ее ударил и помер ен от ноги.

О вреде пьянства

До сей поры некоторые случаи помнятся. Раз мы все эти отходы из брахи вылили и поехали на покос на подтоварник. Сын патом приезжает на велике и говорит: «Что вы тутa не знаете, что у нас свиньи сдыхают. Баба послала за вами, хоть одного спасем, тот ужo зАдох. А еще один кобан чуть живехонький. Живо езжайте, баба сказала, пускай быстрее едут, хоть одного живохо захватют» Мы, как, что. Поехали домой, а около нас у стайки соседка баба Лена ужo и говорит: «Да, че, да че тут баятся, у меня тоже как-то было такое». Зашла в тот прируб, где свиньи были, а там гольным брахой пахнет. Все, выжили наши свиньи. А то ляжали, дерх-дерх и к стенке. А баба в прирубок тот, кормить их, а они ляжат, один валяется совсем уже, другой яще пытался встать и дергался. А баба Лена Щербачиха наша – палочка-выручалочка было. Мы куда на работу, так она ужo бабе поможе где, хорошая соседка была. «Ай, идишь, наши свиньи совсем подыхают. А что это на них, а чума кока. У них, наверно голова балит». Кружатся, мотают головой и падают. Баба хлянула и к бабе Лене, а та сразу сказала, что они пьяные.

А у родни у нашей парня в армию провожали и нарыгал кто-то, и собака наелся ихний. Ну, и сдыхает, только ляжит говорит и хвостом буль-буль. Ой, и молоком поили: кто-то отравил, поставили диагноз. Раньше понятия не имели, молоком отпоили при отравление и все. «Надо добить яго, не мучился что б. Несите ружье!» «Не-е, пусть сам сдохня, служил собака верно, хороший был. Ну, все завтра придем и вынесем яго». Приходят, а он смотрит на

них такими глазами обиженными, похмелиться просил, наверно. Голова болела.

А еще целый анекдот был. Курей пощипали, а они пошли голые. Хоть перо взять, подохли куры и не вывязли их сразу. Поскубли их, а они начали подыматься один за другим. «Это, что за приведение такое!» А у них все прошло и они ожили. «Сдохли, мы их исть не будем», – говорят. Обскубали, свалим уже на тарантайку, ну, на тяжелку и ужо увязем утром. Ну, обрасли патом. Дело осенью было, так в стайке выжили. А они наклевались из под брашки фрукты, ставили бражечку на фруктах. Вот так и получилось, така история была.

Еще раз корову опоили самогонам, так она бедненькая чуть не памЕр-ла. Нинка, знакомая, напоила свою корову. Она в магазине работала, да запоздала на обед, корова, наверно позно уже было, пить шибко хотела, почитай вядро и выпила. Мужик нагнал, да поставил где-на в кухне на лавке у ведро и уехал куда-то. А она прибежала, поторапилась, корова-то поди орала, пить хотела сильно, повидимому, что выпила. А може корова токая. Какая чуть запах есть в ведре, все не будет пить, а какой хоть бы что, хоть говна налей, напьется и пошла. Нинка схватила первое поповшиеся вядро, да и ее, а та возьми, да выпей. Так и врачку вызывали, плохо шибко было корове, чуть откочали. Корова чуть не померла, а как некоторые люди месяцами ее пьют. Полохо ж им.

О знахарстве

Мама моя лечила людей, много лечила. Со всех сторон приезжали к ней. Ведьмой уже не называли, наверно, время те то. Только из зависти може кода. Помогала людям многим. Но шибко хворых не было, безнадежных чтоб. Не переняла, некода было, хозяйство всегда большое, приходилась ходить за ним. А мама все более по дому. Так могу немного полечить, не от всего. А вот мама мамы, бабушка моя, та была силы немоловерной в этих делах. Ведьмой называли, было дело. Она всягда гавАривала: «Была б ведьмачкой, приговорила-приворожила кого дочерям или оберегла от смертушки зятьев своих шастерых». Все в войну полегли. А лячила тока и все. Мази варила, от вытяжки, вытягивала всяку дрянь: гной, кровь нехорошую, с ран.

Раньше у дятей младенчики всякие, епелепсии были. С разных деревень привозили дятей лячить. Одна из Кирзы привязла. «Если яще у тебя, молодушка, деточки», – мама у ее. А она: «Есь, еси маленько, моя миленькая бабка, семеро». А как четверо дятей, так: «А считай нет, как и нет у мяня». «Скоко?». – «Четверо».

А раньше прививок не делали. А друхой раз пойдет такая болезнь на деревне, что всех дятей в деревне выкотая. Маленько останутся: двое или трое, сильные самые выживут. Патом уже молят боху осенью, токо чтобы снег выпал. Снег выпадя, и всю ету болезнь уже как прикроя. Такие микробы убьет. И особенно дятей лет чатырех-шести. После такой бalezни мала у кого останется дятей. Что останутся дети, то останутся. От таких болезней-то баб-

ки были бессильны. Дружие они заговаривали. Но сила была, разный народ был.

Историю вот апосля войны сказывали. Но это не у нас было, не помню, в какой деревне. Мужики попогибли, вернулись мало кто. А у одной муж был красивый, ядреный такой, целый пришел, не было увечий. Так одна девка... али она уже бабой была, не знаю... Так вот, наговорила, что-то на смерть уже сделала, что б уже его баба, ну, жена, сгинула. А она уже тода и подобьет к нему клинья.

Вот и заболела Соня, все уже, смерти от боли просила. Ни одна местная бабка не бралась лечить, говорили, что сильно сделано, боялись. Оно же переходит все на того, кто выхаживает больного: болеет сильно. Ну, и боялись, что не смогут выдержать всего, сами помрут. А сосланные были и после войны. Так вот, одна не старая еще женщина, из сосланных, сказала, что попробует помочь. Шибко бедно, голодно они жили, что ж своего нет ничаго, приехали токо. Да, и душа хорошая, раз беду решила отвести от малознакомой женщины, да яще сама могла помереть. Може еще и деток пожалела, трое у них было уже, до войны народили. Пришла эта женщина первый раз, так Соня так кричала. Она ей ничахошеньки не делала, только посмотрела и то не рядом. В комнату заглянула – и все. А та, что от ведьмачки, – от нее. Женщина посмотрела и ушла. Во второй день пришла, какие-то слова просто ей говорила, не затрагивая даже Соню. Ну, шептала издалека на нее, слово знала. Патом каждый день она яе лячила, говорила, что-то делала. Целый месяц у нас жила. Не отходила от Сони. Той и полегчало, уже кричать не стала от боли. Грудь распухши была, как мяшок какой, раздуло всю, каменная такая была.

Патом женщина эта засобиралась домой и говорит: «Я уже ниче здесь не помогу. Теперь от вас все зависит. Я уйду. Придет та женщина, которая порчу навела и будет проситься к Соне. Не пускайте, ни в коем случае. «Не ругайтесь, не скандайте, просто скажите, что б уходила, что делать ей здесь нечева». Как словом, так и делом. Приходила она. Батка Сонин наказал всем домашним, что б не пускали яе.

Они все на похороны пошли, дома остались сестры младшие. А одна из них такая бойкая была. У них акромЯ Сони было две девке на выданье, одна уже зарученная, ну засватанная, и парень небольшенький. После войны, выходит замуж, завидовали, мужиков не хватала. Она шимко красивая была, но все в себе, замкнутая, ничаго никода, такая тихая. Муж патом стал по бабам ходить, кобелем оказался, а любила она яго видно, да, наверно, все по другому было бы, если б с матерью хоть бы говорила про все. А то в деревне уже в открытую говорили про яго похождения, а она матери ни сном, ни духом. Мать и так и так, а она даже говорить не хотела про это. Родители и не смогли помочь, отец был настроен поговорить, а она: «Не лезьте!» Застала она яго с кем-то и повешалась. Двое дятей остались. А мужику яе пришлось уехать, жизни яму здесь бы не было уже, дятей родители так им вырастили.

А та что шустрая была, на лицо невзрачная, но бойкая девка и работающая к тому же. Удачно патом замуж вышла. Говорят же: «С лица воды не

пить». Суждено было быть счастливой, умела свое счастье сторожить, отвоевать и все у нее было хорошо. А та не сумела. Иногда счастье-то и с кулаками бывает.

Так вот, пришла та, что порчу навела на Соню. Меньший мальчонка побежал за отцом, где-то он рядом был, може у соседей кто помер. А эта бойкая на нее как ополчилась: «Иди отсюда! Делать нечаго!» А она не уходит, просится к Соне и все, хотела силой пройти. Не тут-то было, маленькая, а огрызаться и постоять могла, как накинута на нее: «Сгинь отсюда, ведьма проклятая!» Здесь отец подоспел, за плечи яе и вывел из дому: «Иди и никогда не приходи, по добру по здорову». Если токо Соню стоило ей увидеть, все бы вернулось, все бы стало по-прежнему.

У нее груди стали желтые-желтые, налитые, вот-вот лопнут. А та женщина, кода уходила, сказала, что так будет и сказала, что делать. Токо дотронулся отец до грудей, полился гной. Целое ведро. Он тихонечко выжимал, выжимал. А патом давил пока не вышел стержень. И все, выздоровела Соня.

Вот говорят, что нету нечести. Есть! Раньше была, а теперяча яще больше. Люди обозленные, то кризисы, то яще что... достатка нет, доброты душевной. Завидуют. Стараются укусить друг друга. Зачем? Жизнь такая короткая... Где-то вычатала стих, чатала им как-то: **«Я – свет, А вы не видите меня, Я – путь, А вы не следуете за мной, Я – истина, А вы не верите мне, Я – жизнь, А вы не ищите меня, Я – учитель, А вы не слушаете меня, Я – господь, А вы не повинуетесь мне, Я – ваш лучший друг. А вы не любите меня. Если вы не счастливы, то не вините меня».**

IV. АСПИРАНТУ НА ЗАМЕТКУ

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

1. Philologica (рус/англ)

Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии (английский – русский языки). Выпускается под редакцией И.А. Пильщикова и М.И. Шапира. «Philologica» публикует работы любого жанра и объема по самому широкому спектру гуманитарных проблем. Специфика издания определяется тем, что в области русистики это практически единственный журнал, рассматривающий вопросы культуры *sub specie philologia*.

Режим доступа: <http://www.rema.ru:8101/philologica/>.

2. Language and Literature (рус)

Журнал издательства Тюменского государственного университета. Первый выпуск журнала является коллективной монографией, одной из основных итоговых работ кафедры английского языка факультета романо-германской филологии по общекафедральной теме исследования за 1991-1996 гг. «Интегративный анализ компонентов текста при обучении общению». В разделах монографии представлен структурный, системный, функциональный анализ единиц текста с позиции лексикографии, грамматики, поэтики, стилистики, социо- и психолингвистики, а также с позиций лингвотодической коммуникации и лингводидактики. На сайте также можно ознакомиться и с последующими выпусками журнала, которые, кроме лингвистического, содержат такие разделы, как «Поэтика» и «Методика».

Режим доступа: <http://www.tsu.tmn.ru/frgf/No1/journal.htm>.

3. Вестник гуманитарной науки (рус)

Журнал гуманитарной направленности, выпускаемый Российским государственным гуманитарным университетом. Хроника научных встреч, информация о конференциях и семинарах, в том числе международных, статьи и доклады, содержание номеров с 1996 по 2001 гг. Информация о новых изданиях РГГУ и новых книгах, изданных в России.

Режим доступа: <http://vestnik.rsuh.ru/>.

4. Восточный журнал (рус)

Журнал содержит рубрики «Языкознание», «Экзегетика», «История», «Археология». Автор, известный таджикский журналист, в своих статьях уделяет внимание проблемам языкознания в их соотношении с политикой.

Режим доступа: <http://www.ataev.net/GateRu/author.asp>.

5. Все образование в Интернете (рус)

Еженедельное обозрение образовательных проектов. Огромный сетевой ресурс: различные новости, события, так или иначе связанные с образованием, информация о грантах, стипендиях и конкурсах, анонсы событий, интервью с известными людьми. В рубрике «Опрос» можно высказать свое мнение по тому или иному вопросу. В разделе «Цитаты» можно найти высказывания великих людей о самообразовании, образовании, воспитании и др. В рубрике «Кунсткамера» собраны новости об интересных и необычных собы-

тиях. Великолепно наполненный информацией сайт с удобной навигацией. На сайте есть большой каталог ссылок.

Режим доступа: [http: // www.alledu.ru /](http://www.alledu.ru/).

6. Прикладная и экспериментальная лингвистика (рус)

Реферативный веб-журнал. Основан при участии Московского государственного лингвистического университета, Межрегиональной ассоциации когнитивной, коммуникативной и контрастивной лингвистики, содержит информацию о рукописях, книгах, сборниках по прикладной лингвистике. Большой список статей и диссертаций. «Прикладная и экспериментальная лингвистика – это перспективные, стремительно развивающиеся направления языкознания, в рамках которых занимаются исследованиями языковой способности человека с целью практического применения полученных знаний в различных сферах жизни общества. Кроме того, эти исследования находятся на стыке нескольких научных дисциплин: психологии, педагогики, когнитивной науки, семиотики, информатики, информационных технологий, искусственного интеллекта, компьютерной лингвистики».

Режим доступа: [http: // www.geocities.com / ResearchTriangle / Node / 9454 / Webjmain.htm](http://www.geocities.com/ResearchTriangle/Node/9454/Webjmain.htm).

7. Словесник (рус)

Еженедельное интернет-издание для студентов, преподавателей и просто любителей словесности. Основная цель данного сайта – помочь учиться студентам с ограниченными физическими возможностями (например, инвалидам, молодым мамам и др.). Тексты русской литературы, зарубежной литературы, много справочной информации; раздел «Лингвистика» содержит некоторые избранные статьи, есть список учебных пособий по русской и зарубежной литературе, по методике преподавания, по русскому языку. В разделе «Тесты» вы можете проверить свою грамотность. Для обмена мнениями существует рубрика «Форум».

Режим доступа: [http: // www.slovesnik.ru /](http://www.slovesnik.ru/).

8. Текстология (рус)

Электронный журнал. Обсуждение текстологических проблем, проблем палеографии, публикации (включая работы поисковые, спорные и студенческие) на темы психолингвистики, текстологии, стилеметрии и др.; есть раздел «Библиотека»; на сайте дается обзор некоторых книжных новинок; есть полезные ссылки; в раздел «Проекты» можно добавить интересующую вас проблему. Работают приложения «Уголок старейшего почерковеда» (любопытные случаи из экспертной практики), «Хранитель слов» – о проблемах правописания, «Вивлиофика» – публикации научной классики, по тем или иным причинам давно не переиздававшейся. На сайте можно подписаться на рассылку новостей. Из интересного можно отметить атрибутор текстов, лингвистический процессор для автоматического сравнения и классификации текстов по параметрам индивидуального авторского стиля. Первая версия программы настроена для сравнения художественных прозаических текстов, в основном романов (атрибутор позволяет сравнивать введенные в его поле

тексты с имеющимися в базе данных авторами и выводит результаты схожести текстов). Также сайт «Текстологии» снабжен картой.

Режим доступа: [http: // www.textology.ru /](http://www.textology.ru/).

9. Ученые записки (рус)

Журнал «Ученые записки» был основан в 1941 году как печатное издание старейшего высшего учебного заведения Курска. С 2006 года существует только в электронной версии. Электронный научный журнал Курского государственного университета является электронным научным изданием, зарегистрированным Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия и Федеральным депозитарием электронных изданий ФГУП НТЦ «Информрегистр».

Режим доступа: [http: // scientific-notes.ru /](http://scientific-notes.ru/).

10. Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук (рус)

Цель журнала – публикация результатов научных исследований аспирантов, соискателей и докторантов.

Режим доступа: [http: // publikacia.net](http://publikacia.net).

V. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баглай Алина Сергеевна – студентка 4 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Беляева Елена Владимировна – канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка как иностранного Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Белецкий Станислав Борисович – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Березовский Кирилл Сергеевич – студент 5 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Богучарская Евгения Владимировна – студентка 1 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Васильева Екатерина Валерьевна – студентка 3 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Вересова Софья Николаевна – студентка 3 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Вершняк Софья Сергеевна – ст. преподаватель кафедры делового иностранного языка СибГАУ

Грекова Анастасия Игоревна – студентка 4 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Дон Дань – ст. преподаватель кафедры русского языка Института Санья, Хайнанский университет (КНР, г. Санья)

Дрозд Яна Александровна – студентка 5 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Ерофеева Анастасия Александровна – студентка 3 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Ершова Евгения Олеговна – ст. преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета управления бизнес-технологий Института градостроительства, управления и региональной экономики СФУ

Загидулина Татьяна Андреевна – студентка 3 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Ивлева Елена Алексеевна – студентка 5 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Казанцева Яна Николаевна – соискатель кафедры русского языка Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Кеосиди Галина Константиновна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Лесосибирского педагогического института

Колегова Анастасия Евгеньевна – студентка 2 курса гуманитарного факультета СибГАУ

Колтунова Наталья Михайловна – студентка 4 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Коркина Татьяна Дмитриевна – студентка 5 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Кудрявец Артем Витальевич – студент 5 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Лисичкина Юлия Владимировна – студентка 2 курса гуманитарного факультета СибГАУ

Мамаева Татьяна Владимировна – аспирант 3 курса кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

Николаева Александра Сергеевна – студентка 3 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Павлюченко Марина Владимировна – студентка 5 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Радышевская Анна Николаевна – студентка 4 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Сапожникова Наталья Сергеевна – студентка 4 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Сосна Анна Сергеевна – ст. преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Степанова Василина Андреевна – студентка 3 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Степанова Екатерина Сергеевна – студентка 1 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Тонкая Виктория Игоревна – студентка 4 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Трутнева Екатерина Александровна – студентка 5 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Фадеева Наталья Юрьевна – ст. преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Цзан Годун – аспирант кафедры теории и практики перевода Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Чэнь Лун – студент 5 курса кафедры русского языка как иностранного Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Чистова Елена Викторовна – ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Шарифуллин Станислав Борисович – соискатель кафедры русского языка Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Ян Ли – студентка 3 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Ян Минбо – аспирант кафедры теории и практики перевода, преподаватель кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ

V. ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТУ РУКОПИСЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ

Приглашаем к авторскому сотрудничеству всех, чьи профессиональные интересы совпадают с проблематикой нашего издания. Просим учесть следующие требования к материалам, направляемым в наш электронный журнал.

1. Принимаются статьи объемом до 7 страниц.
2. Материалы предоставляются в печатном (шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал одинарный с полями 2 см со всех сторон, абзац 1,25, выравнивание по ширине) и электронном виде по почте: sibir_ifjak10@list.ru.
3. В верхнем правом углу указываются инициалы и фамилия автора (авторов); заглавие набирается прописными буквами, полужирным шрифтом по центру строки.
4. После заглавия помещается аннотация на русском и английском языках (шрифт Times New Roman, кегль 12, курсив).
5. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом; сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами.
6. Библиографические ссылки в тексте делаются в квадратных скобках, например: [Виноградов, 1947. С. 129–130; Ларин, 1975. С 26]: пояснения – в круглых скобках.
7. Знак тире отбивается пробелом с обеих сторон; знак дефиса печатается без пробелов.
8. Список литературы располагается в конце текста статьи по алфавиту:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 14–30.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка конца XVIII–XIX веков / В.В. Виноградов. М., 1982.
3. Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Карасик. Волгоград, 2001.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3–9. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1993/01/931-003.htm>.
5. Даосизм // Свободная энциклопедия «Википедия». Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Даосизм>.
9. Отдельными файлами прилагаются сведения об авторе / -ах (фамилия, имя, отчество; ученая степень; место учебы (для студентов), работы, должность; номер мобильного телефона, адрес эл. почты, краткая рекомендация научного руководителя) и фотография в формате jpg или gif.

Материалы, оформленные с нарушением перечисленных требований, к рассмотрению не принимаются.